

Америка

№ 13 / Цена 5 руб.

Америка

Иллюстрированный журнал № 13

ГОЛОС БОЕВОЙ ТРУБЫ (Часть I)

НА ЭКРАНЕ ТЕЛЕВИЗОРА

ГИББС — СОЗДАТЕЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ХИМИИ

НОЧНЫЕ НАРЯДЫ

МИСТЕР БРУКИНГС И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

ОСЕННИЕ УЗОРЫ

ДВЕ ДЕВУШКИ И ПОЭТЫ

СЕЗОН СИДРА

САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ МАТЧ СЕЗОНА

ИГРА ХЕЙФЕЦА В ЛИНИЯХ

«ЯБЛОКО ЗЕМЛИ»

ПИСЬМЕНА НА НЕБЕ

ЮНОШИ В БЕЛОМ

МАСТЕР АМЕРИКАНСКОЙ ЖИВОПИСИ

РАДИОАСТРОНОМИЯ

АВТОМОБИЛЬ СНАРУЖИ И ВНУТРИ

ПОСТАНОВКА ГОЛОСА РОЯЛЕЙ

ЭКСКУРСИЯ В ООН

На первой странице обложки:

Символ надежд всего человечества на прочный мир, главная квартира Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке (см. стр. 54) ежедневно привлекает тысячи посетителей. На снимке: плоское здание Генеральной Ассамблеи и возвышающийся на фоне Ист-Ривер небоскреб Секретариата. Фото Ролли Маккенна.

На второй странице обложки:

Обрамленные силуэтами операторов и телевизионного оборудования, артисты балетной труппы Агнес де Милль исполняют pas de deux. В это время мисс де Милль, находящаяся вне поля зрения камеры, дает объяснения зрителям. (См. стр. 6-11.) Фото Джорджа Э. Джозефа.

На последней странице обложки:

Так выглядят руки знаменитого скрипача Яши Хейфеца, снятые фотографом Каршем (Оттава). Яша начал учиться игре на скрипке трехлетним ребенком; его первый дебют в Ковно состоялся, когда ему было семь лет. Снимки на стр. 30-31, где Хейфец играет светящимся смычком, сделаны Гёном Мили; в погоне за линиями звуков, он сумел до предела использовать возможности фотографии.

ФОТО С РАЗРЕШЕНИЯ: Стр. 2-3, Джо Кларк, журнал «ФРЕНДС»; 8, рисунок Поля Гоффмастера; 12, Ральф ван Нэйм; 13, «Консолидейтэд электро-динамикс корпорейшн»; 17-20, «Блак стар»; 22,верху — Рэй Шорр, в центре — Фред Плаут (2); Ролли Маккенна, внизу — Ролли Маккенна («Уайд уорлд фотос»); Эйб Кранк (журнал «ТАЙМ»); 24-25, «Три дайонс»; 26-29 — Роланд Паттерсон («Блак стар»); 32-34, рисунки Эдуарда Каспера; 35, Джозеф Э.

2 Маккинлей Кантор

6 Фото Джорджа Э. Джозефа

12 С разрешения «Американ сайенс энд инвеншн»

14 С разрешения журнала «ЧАРМ»

15 Вайолет Вуд

17 Фото Кости Руогомаа

21 С разрешения журнала «ГУД ХАУСКИПИНГ»

24 Фото Ларри Эванса

26 Доналд У. Лиф

30 С разрешения журнала «ЛАЙФ»

32 С разрешения журнала «ХАУС ЭНД ГАРДЕН»

35 Джо Кампбелл

37 С разрешения журнала «ЛУК»

40 Лестер Кук

44 С разрешения журнала «КАИЗЕР АЛЮМИНУМ НЬЮС»

46 Гуэн Джонсон

51 С разрешения журнала «НЬЮ-ИОРКЕР»

54 Фото Ролли Маккенна

Шерман («ЛАЙФ»); 36, «Скайрайтинг корпорейшн оф Америка»; 37-39, Джон Вапсон; 40, сверху — Библиотеки Конгресса, внизу — Национальной художественной галереи (коллекция Меллона); 41, Франк Роджерс, клише журнала «ЛАЙФ»; 42-43, Лернер («Рэймонд энд Рэймонд»), клише журнала «ЛАЙФ»; 44, Фриц Горо (журнал «ЛАЙФ»); 46-50, Ролли Маккенна; 51-53, Ролли Маккенна. ИЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА США.

ГОЛОС БОЕВОЙ ТРУБЫ

Маккинлей Кантор

ЧАСТЬ I

Журнал «Америка» в первый раз пегатает рассказ «с продолжением». Для этого редакция выбрала известную повесть Маккинлея Кантора о людях и собаках. Оконзание повести (пегатаемой с сокращениями) появится в след. номере.

Когда бы ночью она ни гналась по холмам, голос ее звучал незабываемо. Едва она подросла настолько, чтобы впервые тявкнуть по-своему, Спрингфилд Дэвис поклялся, что гончая из нее выйдет на славу, и на следующий же месяц наградил ее кличкой, которую она носила с такой гордостью.

Она была поджарая, как сполдинговские лисогонны, а не такая развалистая и неуклюжая, как добродушные, брылястые Уокеры. Всякий, кто в Миссури хоть что-нибудь смыслил в гончих, слышал, разумеется, о собаках Дэвиса, но дэвисовской разновидности как-то так и не появилось. Все оставалось в семье: старик был горд и не потерпел бы, чтобы собаки Дэвиса охотились где-либо помимо пастбищ у Небесного ручья. Потому-то Боевая Труба в возрасте пяти лет все еще ходила в девках, а будь она у старого Кэлуна Ройстера или у Ланси, они давным-давно позаботились бы о продолжении рода.

Спринг Дэвис был вообще стыдлив не в меру, просто до смешного, хотя, конечно, смеяться над ним никто бы не посмел. Он терпеть не мог обычного слова для собак женского пола и никогда не позволял себе их так называть: своих он звал «леди» или «девочки», и была несомненная прелесть в его манере разговаривать с ними. Вам бы и в голову не пришло, что такой человек может попасть за убийство на скамью подсудимых и даже в тюрьму.

Однако именно это и случилось с Дэвисом, когда ему исполнилось восемьдесят два года.

— Бэк, подбавь-ка огня! — сказал Кэл Ройстер.

Бэк направился к куче дров, лежащей за чертой багрового круга, и выбрал кусок гнилого пня.

— На той неделе будет славная луна, — промолвил он и сунул полено в обуглившиеся головешки.

— На кой шут мне эта луна! — с сердцем отозвался Кэл Ройстер. — Нет, дай мне лучше черную как уголь ночь, когда лиса не пугается теней: всякому дураку это известно.

По ту сторону костра Спринг Дэвис выколачивал трубку о каблук сапога. Вдруг он замер, склонив голову на бок. Костер, вспыхнув, превратил его косматые усы и брови в расплавленный металл.

— А ну-ка, прислушайтесь! След-то стал горячее, — сказал он.

Его сын, Бенджи Дэвис, вскочил на ноги. Черные глаза его сверкали.

— Как погонят ее к реке, так станет совсем горячим!

У костра, разложенного на опушке Холостяцкой рощи, сидело пятеро. Четверо — Спринг Дэвис, его единственный сын Бенджи и Кэлун Ройстер со своим старшим сыном Бэкером — были самыми страстными любителями лисей травли во всей округе. Пятый не имел ни к лисицам, ни к собакам никакого отношения. Это был новый страховой агент из Вулф-Сентра. Он остановился у Дэвисов поужинать — пришлось взять его с собой и терпеть его присутствие.

— Что значит «след стал горячее», мистер Дэвис? — осведомился он.

— Ее вгоняет в пот, — объяснил Спринг. — Лисицу. Собаки лучше чувствуют ее, когда она пробежится как следует. Вот это и значит, что след становится горячее.

Сейчас даже неизощренный слух агента мог уловить слабый посторонний шум среди обычных ночных звуков в тишине спящего леса, который, собственно говоря,

никогда не спит, да и тишина его совсем не тишина.

— Сейчас вы услышите ее, — прошептал Спринг Дэвис.

Неясное бормотанье перешло в еле различимый лай; слышались голоса то одних, то других собак: стая гнала лихого, несмотря на двухчасовой гон.

— Это Главный Сектор, — заявил Бэк Ройстер. Бэк был на войне, поэтому всех ройстеровских собак звали Главный Сектор, Передний Край, Генерал Баллард или как-нибудь в этом роде.

— Какой там Сектор! Ничего похожего! — сказал Бенджи.

В голосе Кэлуна Ройстера зазвучала ревнивая досада, которая часто проявлялась им в присутствии самоуверенных Дэвисов.

— Это и не Труба! — фыркнул он. — Не Вилли Брайен, не Кокс, не Франсес Кливленд, да и вообще не из дэвисовских!

— Что верно, то верно. Из наших ни одна не кулдычит, как индюк. — Старый Дэвис любил, когда Кэл начинал ругаться себе в бороду. И он не унимался: — Я скажу тебе, Кэл: это гончая Армстронгов. Они подхватили армстронговскую по пути.

Ройстер стоял, сутулясь, потряхивая головой и раскрыв заросший бородою рот: прислушиваясь к лаю, он старался в нем разобраться.

Внезапно возник новый звук, покрыв стрекотанье разволнованных цикад.

Страховой агент из Вулф-Сентра явственно ощутил, как волосы у него на шее вдруг зашевелились...

Такого лая ему не приходилось слышать ни у одной гончей и, вероятно, не придется услышать никогда. Он слушал, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ну да, это она, — нехотя признал Кэл Ройстер, — но почему же она гонит в одиночку? Потеряла след, будь я не я!

Спринг Дэвис повторил «потеряла» и ухмыльнулся, сощурившись на огонь... Да, до рождения Боевой Трубы такого голоса у Небесного ручья никто не слышивал; и сейчас, чувствовалось, эта гордячка знала себе цену: взяв к юго-востоку, она шла далеко впереди заливого лая ройстеровских гончих, добравших зверя по следу.

Неожиданно старик гаркнул:

— Гей! Теперь все пошли за ней!

Огибая слева опушку Холостяцкой рощи, обезумевшие гончие поворачивали за Боевой Трубой. Перед ними неслись в вышину ее полнотонный клич, такой четкий и звонкий, что невольно казалось, будто где-то вдалеке духи трубили зорю для несуществующих полков.

Спрингфилд Дэвис вернулся к костру и присел на корточки.

— Видите ли, — обратился он к страховому агенту, — Труба уже гоняла эту лисицу позавчера. Конечно, она помнит, что плутовка-лиса любит свернуть к западу, пробежать по ложбинке, сделать скидку и вернуться на свой след. Лисица, если не растеряется, часто прибегает к такой уловке, и чем след горячее, тем она ей легче дается.

— Боюсь, что не улавливаю вашу мысль, — молвил агент.

— Запах несется по ветру, и пока собаки чувствуют зверя, они гонят, не сворачивая, — несколько неохотно пояснил Кэл Ройстер.

— К сожалению, я ничего в этом не смыслю, — откровенно признался мистер Мейор. — Я только недавно приехал сюда из восточных штатов. Мне дали эту территорию в штате Миссури — и травлю ли-

сиц в придачу! Если вы травите их каждую ночь или хотя бы через день, я вообще не понимаю, как здесь еще остались лисицы!

Бэк Ройстер подбросил полено в костер, а Бенджи Дэвис принес сумку с сэндвичами.

— Мы не убиваем лисиц, — резко сказал Спринг. — Мы растим и натаскиваем собак.

— Значит, лисицы и собаки только бегают наперегонки?

— Когда лисица устанет, она уйдет в нору, а гончие вернутся домой.

— И на следующую ночь будут гоняться за той же лисицей?

— Ну, лисиц здесь видимо-невидимо. Тут для них хватает мышей и бурундуков, так что в курятники они никогда не забираются. Да, мы травим их снова. День за днем и год за годом.

— О Боже мой! — не выдержал мистер Мейор. — И вы занимаетесь этим все ночи напролет? Как же вы успеваете справляться с работой на ферме?

— Нет, не все, — возразил Спрингфилд. — Иногда идет дождь. Или, наоборот, стоит засуха. Или бывает слишком сыро. А то дует низовой ветер с юго-востока. О нет, не все ночи.

— Мистер Дэвис, сколько вам лет? — воскликнул мистер Мейор из страхового общества «Эмблема ответственности».

Спринг улыбнулся, глядя на костер.

— Ровно семьдесят лет назад я убежал из дому, чтобы поступить в Южную армию. Тогда мне было двенадцать, но я уже не раз травил лисиц до этого.

Гончие приблизились. И опять голос Боевой Трубы взмыл над иступленным лаем своры.

— Пошла к норе, — сказал

Печатается с разрешения изд-ва «Кауард Маккани». Авт. права: Маккинлей Кантор, 1935 г.

Бэк. — Сейчас она их оставит с носом.

Спринг Дэвис откинулся и, закрыв глаза, глубоко вздохнул.

— Семьдесят лет мечтал о такой собаке, — прошептал он, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Лисица издала насмешливый звук — странную, чрезвычайно оскорбительную смесь лая с мяуканьем. И затем обескураженный вой собак сообщил, что зверь юркнул в нору.

Бенджи Дэвис взял старую сигнальную трубу армейского образца, лежавшую рядом со сложенным свитером, и передал ее отцу. Смочив языком губы, старик бережно поднес трубу ко рту, скрытому нависшими усами. Прозвучали две ноты — та-та: призыв и вызов скачущих валькирий.

— И она прибегает на этот сигнал? — с изумлением спросил мистер Мейор.

— Всегда.

Бенджи вгляделся в разветвление дорог у Небесного ручья.

— Похоже, будто сюда кто-то едет.

Вдали качались тусклые желтые фары старого форда. Уже было слышно тараканье мотора.

— Надо думать, это Том и Делберт, — сказал Кэл Ройстер.

Форд с треском вполз на пригорок и остановился у дороги в лес. Двое младших сыновей Ройстера с радостными приветствиями выскочили из машины, но, заметив у костра чужого, быстро притихли.

— О ферме Камдена слышали? — спросил Делберт.

Исключая страхового агента, все непроизвольно глянули на северо-запад. За милой отсюда, вниз по долине Небесного ручья, стоял заброшенный дом и строения фермы. Днем их хорошо было видно с холма.

— Я слышал, что кто-то въезжает туда, — отозвался его отец.

— Мы были у Ланси, и вот что мы слышали, — сказал Том. — Туда въезжает зять старых Камденов. Зовут его Терри, и он собирается разводить овец.

Наступило длительное молчание.

— Забор! — сказал Спринг Дэвис. Голос его прозвучал горестно и жалобно.

Делберт вынул пачку табаку и стал свертывать папиросу.

— Мартин Ланси был сегодня на лесном складе и видел там этого Терри. Тот заказывал столбы и проволоку. Солидную проволочную сетку, по словам Ланси.

— Забор будет здоровенный — высотой с лошадь, а крепостью в быка, — добавил Том.

Треснул уголек, и сноп искр вылетел из костра. Спринг Дэвис сказал в раздумье:

— Его зовут Джекоб Терри. Я его помню.

— Это верно, — подтвердил Кэлун Ройстер. — Он был женат на Эффи Камден. Она умерла, а слышал, когда они жили в округе Джексон. Помнится, у него осталась дочь.

Спринг Дэвис отложил трубку. Колени его затрещали, когда он

поднялся на ноги.

— Не назову этого Терри славным парнем. Однажды он отдубасил лошадь доской.

Что-то мелькнуло в кустах, куда отблески костра не достигали. Спринг Дэвис опустился на одно колено и крикнул:

— Поди сюда, крошка-леди!

Боевая Труба выбежала на зов. Длинные уши ее обвисли, передние лапы были забрызганы грязью. Ростом она была невелика, но с широкой грудью и крепкой спиной, а хвост держала, как знамя.

Дэвис взял ее на руки.

— Вот тот ангелок, чье пение вы слышали, мистер Мейор.

— А явился он не слишком-то быстро, — поддразнил старый Ройстер.

— Достаточно быстро, — возразил ветеран. — Она отсиживалась в темноте, пока не выяснила, что это за машина.

Гибким языком гончая лизнула его в подбородок.

Спринг потерял колючей щетиной о голову собаки.

— Я ухожу, — мрачно проворчал сосед. — Спринг, ты совсем с ума спятил со своей собакой.

Старик пожал плечами:

— Семьдесят с лишним лет вожусь я с собаками, но такого голоса еще никогда не слышал... И ты, Кэл, не слышал, и никто не слышал. А сегодня она отмахала сорок пять миль за вечер. Во всем Миссури нет другой собаки с таким звонким голосом. И иногда мне кажется, что я ее недооценю.

— Что ты скажешь насчет забора, Спринг? — вмешался Бэкер.

Одна за другой подбегали остальные гончие: белые и коричневые пятна, мокрые уши, обвисшие челюсти, — и все это помахивало хвостами, чихало и фыркало на свет костра.

Бенджи занялся дэвисовскими. Сегодня их было шесть, и он ухаживал за ними умело: заботливо и в то же время твердо. Отец его все держал в костлявых руках Боевую Трубу.

— Думаю, что нам следует завтра пройти к Джеку Терри, — решил Спринг. — Соберите Армстронгов и Ланси и всех остальных. Позовите даже Петтигру с ручья Большой Пантеры. В наших местах еще никто не ставил таких заборов, а сейчас уж совсем не время этим заниматься.

Снова мистер Франк Мейор попросил разъяснений.

— Во-первых, лисицы не выносят таких заборов, — начал растолковывать Дэвис. — Лисицы их пугаются и уходят в другие места. Но некоторым из них забор придется по вкусу, а это еще хуже, потому что собаки на гону делают километров двадцать пять в час и ночью с маху врезаются в проволочную решетку. Лисица невелика, она легко проскакивает в отверстия. Она не застрянет и не задохнется. Собакам же это смерть.

Он потер самодельный ошейник Боевой Трубы. Вляха была сделана из расплющенного серебряного доллара; теперь их у Спрингфилда Дэвиса было не так уж много.

— Где ставят заборы, там охоты на лисиц не жди, — подытожил Бэкер Ройстер.

Этот разговор происходил в июне. К началу июля все знали, что молодой Бенджи Дэвис нарушает некий неписанный кодекс, которого все придерживались, но никто не мог бы объяснить: Бенджи стал встречаться с дочкой Джека Терри — и секрета из этого не делал.

Ее именем была девичья фамилия ее матери: Камден. Ей было восемнадцать лет. От матери она унаследовала темно-карие глаза, тонкие ноздри и упрямо подобранную нижнюю губу, благодаря которой Камдены причислялись к избранному кругу еще в те времена, когда верхами прибыли в эти края.

События развернулись однажды вечером, когда над травой, непросохшей после июльских разливов, еще клубился пар, а юго-восточный ветер разгонял все запахи от следов лисиц на полусгнивших прошлогодних листьях. Спрингфилд Дэвис, сняв сапоги, сидел на крыльце перед домом, а Боевая Труба дремала тут же на ступеньке рядом с ним.

Спринг заметил, что, покончив с вечерней работой, Бенджи сразу же исчез. Вскоре запахло гуталином. Часов в восемь вечера Бенджи появился из-за дома в парадных брюках и в голубом галстуке, подаренном бабушкой Дункан на Рождество и ни разу до сих пор не надеванном.

— Вечер-то сыроват, — сказал Спринг и стал набивать трубку.

— Надо думать, ветер переменится, — ответил Бенджи. — Во всяком случае, раньше полуночи трава не подсохнет. На обратном пути я буду прислушиваться, и если услышу, что вы в лесу, то приду. Я собирался сегодня поехать с Камден Терри в город и сходить в кино, — прибавил он.

До города было восемь километров. Спринг подумал: «Я считал все их встречи. Это восьмая». Но вслух сказал:

— Далекий путь для лошади. Да и ты довольно наработался за плугом.

— Я хотел покончить с тем кукурузным полем, — возразил Бенджи. — Камден возьмет свой форд. Мы с ней договорились сегодня в поле, когда она проезжала мимо.

— Ага, вот оно что, — пробормотал Спринг и подумал: «Значит, я ошибся. Девятая».

Старик просидел не один час, размышляя о Джекобе Терри и о том, как овцевод принял делегацию, явившуюся к нему несколько недель тому назад. Пришедшие были люди с суровыми лицами, но из тех, что стреляют только тогда, когда их обругают определенным образом, а как раз на это-то Терри и не отважился. Он грозился, что перестреляет собак, но ему никто не поверил. Ни один мужчина, женатый на Камден, не может быть так низок, чтобы ни с того ни с сего застрелить гончую, решили они.

Забор стоял прочно: высотой с лошадь, а крепостью в быка — сов-

сем как предсказывали ройстеровские сыновья. Пересекая ручей, он взбирался по западному склону Небесного холма, а затем линия его желтых столбов заворачивала к северу и, сбега с холма, тянулась еще с километр. Другие две стороны шли параллельно Небесному ручью и Уэльскому протоку.

Когда склон Небесного холма оказался отрезанным проволочной сеткой, Дэвисы и Ройстеры отправились в лес и разрыли все лисьи норы, что были поближе к забору. Несколько лисиц попались живьем, и затем их выпустили на волю совсем в другом месте, за много километров к востоку от фермы Армстронгов. Их норы были уничтожены или же завалены булыжником и облиты химическим раствором. Теперь можно было надеяться, что ни одна лисица не помчится сюда — к страшной проволочной ловушке. На северном выгоне Небесного ручья поле битвы осталось за Джекобом Терри.

Нужно сказать, что лисицы быстро освоились с забором. Некоторые из них просто со злорадным восторгом устремлялись к нему и проскальзывали сквозь петли, в то время как собаки с жалобным воем и опасностью для жизни метались, увязая в проволочном переплете.

В тот вечер Спринг вышел во двор и, пощупав землю, несколько раз втянул носом воздух. За ним шла Боевая Труба, потягиваясь и позевывая.

— Лисица сегодня, верно, будет держаться повыше. Запах донесется довольно хорошо. Тебе не придется тыкать носом в землю, девочка, — сказал хозяин.

Собака завиляла хвостом и задрала морду.

— Цыц! — сказал Дэвис, с восторгом ожидая неповиновения.

Она затрубила — залаяла.

— Что такое? — сонно откликнулась миссис Дэвис. — Ты идешь к ручью?

— Да, пойду. Кэл уже вышел. Заверни-ка мне чего-нибудь поесть, пока я достану фонари.

Сверток с едой был уже готов, когда старик вышел из сарая, ведя на смычке рвавшихся Билли Брайена, Франсес Кливленд и Орешка.

— Без Бенджи мне не справиться больше чем с четырьмя, — сказал он, проходя, жене, сунул сверток в карман, а трубку за подтяжку, и пошел через капустные грядки, провожаемый горестным воем оставшихся дома собак.

Увидев ройстеровские фонари напротив проволочного забора, он спустил собак одну за другой. Боевая Труба вырвалась вперед.

— Найди стаю, крошка-леди! — крикнул ей вдогонку Спринг. — Найди их, как только они приблизятся. Они уж здорово опередили тебя!

Кэл Ройстер, в темноте, поперхнулся от смеха:

— Разговариваешь с ней так, будто она понимает каждое твое слово.

— Держу пари, что она догонит их не позже чем через полчаса, — возразил ему Спринг. — Во всяком

случае свое дело она знает. Да и как ей его не знать, когда сам Господь Бог награждал ее серебряным горлышком.

Гончие появились в долине вскоре после полуночи. Словно дразня, лисица бежала у них почти под носом. Охотники спустились по водоразделу, когда лай еще доносился сверху, и скорее почувствовали, чем увидели, как зверь неторопливо пробежал мимо них на север.

Как белоснежные руки, мелькающие перед глазами, белыми пятнами пронеслись собаки.

В голосе Кэла Ройстера зазвучало мрачное предчувствие, овладевшее всеми.

— Лисица завернет прямо по ложбине Холодного ручья.

Спринг надеялся, что Ройстер прав: трудно было забыть о зловещей проволоке вдали за ручьем.

Было слышно, как собаки перемкнули через Холодный ручей у самого устья, и затем Боевая Труба, оторвавшись от остальных, помчалась вверх по крутым уступам Небесного холма. И Спрингфилд Дэвис услышал еще один доносившийся издали звук: тархтенье старого форда, пробравшегося по узкой дороге.

«Значит, они возвращаются из кино, — думал старик. — Надеюсь, умная лисичка заворачивает к востоку, к вершине холма. Девушкато больше смахивает на Камденов, чем на Джекоба. А мои собаки так малы, что, пожалуй, промахнут, не застряв, через проклятый забор». Но тут Бэк дико заорал:

— Они бегут совсем не в ложбину! А ну-ка давай, туда за ними!

И он ринулся в темноту. Старики ощупью пробирались следом, пока не почувствовали под ногами протоптанную скотом тропу у подножья холма, и тогда ускорили шаг.

Вброд они перебрались через стремнину близ устья Холодного ручья; где-то вдали, у туго натянутого забора Джекоба Терри, металась и выли собаки. Одна гончая жалобно визжала, оповещая весь свет о том, что концы у проволоки острые и режущие.

Когда, размахивая фонарями, охотники добрались до забора, лисицы давно уже и след простыли. Собаки плясали и бесновались перед изгородью.

У одной гончей из передней левой лапы лилась кровь.

— А Трубы-то нет, — пробормотал Кэл Ройстер.

Лучи фонарей тревожно и внимательно описали круг.

— Нет, — подтвердил Спринг Дэвис. — Думаю, она проскочила с ходу.

Он подошел к забору, попробовал ногой его прочность и собрался перелезть на другую сторону.

Вэку было тридцать четыре года, и веса он был немалого, но он оказался на овечьем пастбище Терри, прежде чем старый Спрингфилд ухитрился перекинуть свои несгибающиеся ноги через забор. Овцы рассыпались по лугу и пустились наутек, неожиданно выскакивая на свет то тут то там и снова исчезая в темноте под шуршанье осыпающихся по склону камешков.

— Будь Труба здесь, внутри ограды, она подбежала бы ко мне, — сказал Спринг. — Вполне возможно, что она пролезла через забор и с другой стороны.

Старый солдат уже поднес трубу к губам, когда на склоне холма показался Джекоб Терри с электрическим фонариком в руке.

— Пошли вон отсюда, — сказал, а не крикнул Терри, и от этого голос его прозвучал вдвойне зловеще.

— Осторожней! — предупредил Кэл Ройстер, заметив ружье под мышкой у фермера.

Спринг Дэвис повернулся и опустил трубу. Отерев пальцем губы, он сказал:

— Джекоб, я ищу свою собаку.

— Если дура-собака здесь, так на кой черт она среди моих овец? — огрызнулся Терри, в упор света фонариком в лицо старику.

— Это Боевая Труба, Терри, — ответил Спринг. — Она ничего не сделает овцам. Просто, она маленькая и проскочила через забор, погнавшись за лисицей.

В наступившей тишине все прислушивались, не раздастся ли ее лай, но слышался лишь топот овец, улетающих по склону. Тяжело дыша, остальные собаки жалобно скулили за забором.

— Заруби себе на носу, старикан, — сказал Терри, не сводя немигающего света с лица Спринга. — Я развожу здесь овец и плевать я хотел на всех собак в Миссури. Держи своих подальше от моей земли, не то они получат заряд крупной дробы в некоторую часть тела.

Через минуту появился Бенджи.

— В чем дело? — спросил он, и голос его сорвался, как у подростка. Он схватил фонарь Кэла Ройстера и осмотрел собак у забора.

— Папа, а где же Труба? — воскликнул он и перелез через забор.

— Одна из моих гончих расползла себе ногу, — сказал Бэк Ройстер. — Порядочный человек на твоём месте загнул бы концы проволоки. Но от тебя этого ожидать не приходится. Что ж, я как-нибудь сделаю это за тебя, будь уверен.

Терри выругался и навел на него ружье, но Бенджи шагнул навстречу и широко размахнулся. Боксу он не обучался, но движения у него были быстрее, чем у кошки. От удара подошвы Терри отделились от земли, и он тяжело грохнулся.

Дробовик отлетел далеко в сторону, но курок не был взведен, и выстрела не последовало.

— Осторожней, Бенджи, — только и сказал ему отец. В голосе старика звучала покорность судьбе.

— Я тебе покажу! — крикнул Бенджи. — Если ты убил Трубу, я тебя прикончу!

— Ну нет, — сказал Спринг, — это уж будет моя забота. Нет, Бенджи, нет, не может быть! Я уверен, я знаю, она выскочила с другой стороны.

И вдруг он отступил назад, высоко вскинув руки, все еще держа трубу в одной руке.

— Слушайте, ради Бога, слушайте!

те! — В хриплом голосе слышалась мольба.

... Она была где-то далеко-далеко за Небесным холмом, в роще, окружавшей Уэльский проток. Она, конечно, благополучно проскочила через забор на северной стороне овечьего пастбища, потому что сейчас опять напала на след лисы и трубила об этом на весь штат Миссури.

Это был ее голос, и все знали, что когда ее не станет, такого звука никто уж не услышит.

— Терри, тебе здорово повезло, что с ней ничего не случилось, — сказал Бэк.

— Говорить ты мастер, — прошипел Терри. — Четверо на одного. Так всякий заговорит. Ничего, пусть только любая твоя собака опять забежит на мою землю, — уж я расквитаться с вами.

— Джекоб, — обратился к нему Спринг, и голос его звучал спокойно. — Я не могу ручаться ни за Ланси, ни за Ройстеров, ни за Армстронгов, вообще ни за кого. Но если ты застрелишь мою собаку, я отправлю тебя прямым путем на тот свет.

Собрав собак, охотники вернулись к водоразделу. Костер почти догорел, но Бэк скоро расшевелил огонь, а его отец отыскал сухого хвороста, спрятанного в дупле росшей над оврагом липы.

Они ждали до половины третьего, но Боевая Труба не возвращалась, и даже ее звонкого лая больше не было слышно. Бэк отвел всех ройстеровских собак домой, на их соломенные подстилки, и вернулся к костру. Собаки Дэвиса лежали у огня, как мертвые, в позах, свойственных только гончим, но спали беспокойно, словно что-то тревожило их; со стороны могло легко показаться, что во сне они горевали о Боевой Трубе.

— Интересно, куда бы добралась самая резвая лиса, если б ей вздумалось бежать по прямой? — спросил Дэвис, но Кэл Ройстер затруднился ему ответить. Тогда Спринг взобрался на вершину водораздела и призывно затрубил, спугнув спящих козодоев.

За полчаса до того как посерело небо над фермой Армстронга, охотники услышали в сгустившейся темноте чихание старого форда Джекоба Терри. К тому времени все разбрелись по холмам, но Бэк Ройстер остался на хребте водораздела. Он увидел, как фары выкатились со скотного двора Терри, приостановились, затем, постепенно тускнея, двинулись по направлению к шоссе. Бэк вслушивался, пока машина не повернула к городу. Потом направился обратно к костру, но на опушке его поджидал гном с фонарем.

— Бэк, — прошептал голос его отца, — я слышал визг.

— Что еще за визг? — спросил Бэк, с неразумным раздражением юности, недолюбливающей вздорного бормотанья стариков.

— Визг собаки, — сказал Кэл. — Я был опять у ручья, на выгоне Терри. Визг доносился прямо из дома.

В редющей мгле старик судорожно схватил сына за руку; затем пальцы его разжались.

— Собаку убили насмерть, вот что я думаю. Терри мог хватить ее топором, чтобы Спринг не услышал выстрела.

Спринг Дэвис, пройдя позади своей фермы, возвращался по водоразделу к потухшему костру. За спиной у него клубился туманом восход. Дэвис шел не как старик, прошедший всю ночь на ногах, но как грозный судья, вынесший жестокое решение.

— В первый раз она не послушалась горна, — сказал он поджидавшим его Кэлу и Бенджи. — Но я слышал ее. И вы слышали. Она проскочила через тот второй забор. Я ясно слышал ее лай далеко за выгоном.

— Конечно, мы слышали ее, — пропел старый Ройстер. — Она, верно, прищепила где-нибудь лапу, как тогда, когда была щенком, а может, что другое случилось, — но если только она не вернется к полудню, я подарю тебе четырехголового шортгорнского петуха.

У Дэвисов на срубе колодца сидели Рой и Джо Ланси, а Том Ройстер разговаривал с миссис Дэвис, стоя у двери в кухню. Завидев входящего во двор Дэвиса, оба Ланси неуклюже поднялись — так люди без тонкого воспитания ведут себя на похоронах.

— Мама, кофе есть? — спросил Бенджи.

Мать кивнула головой.

— Рожок был слышен все время, Бенджи, даже после того как ты побывал здесь. С собаками просто сладу не было. На столе стоит большой кофейник и пара сковородок с яичницей, — если кто из вас проголодался.

Через южный выгон к ферме шел Бэк Ройстер, а еще один Ланси — шестнадцатилетний Паттерсон — подвезжал по дороге верхом на лошади.

Спринг держал в руках многозарядный винчестер. Он несколько раз испробовал ружье: вкладывал патроны в магазин, нажимал спуск, придерживая курок большим пальцем, и снова вынимал патроны. Луч солнца скользнул по винчестеру, и на мгновение ствол стал перламутровым.

— Я, пожалуй, схожу один, — мягко сказал Спринг.

— Нет! — вскричал Бенджи.

— Я пойду один.

— Я пойду с тобой, — сказал Бенджи.

Кэл Ройстер попытался изобразить взрыв хохота, но тут же осекся.

— Чего там, мы все пойдем с тобой, Спринг. Чтобы прочесать местность, нужно всех поднять на ноги. Может быть, лисица завела ее...

Но тут у старика перехватило горло.

— Может быть, лисица помчалась к Индейской речке, — поддерживал юный Том, и все поддакнули.

Все соседи пошли со Спрингом; по дороге говорили о кукурузе. Поредевший край рощи качался им навстречу. За рощей бежала дорога, за дорогой стоял дом Терри.

(Окончание следует)

ФОТО ДЖОРДЖА Э. ДЖОЗЕФА

Часть II

Это второй из серии фотоочерков о телевидении в Соединенных Штатах.

В Соединенных Штатах насчитывается около 500 телевизионных центров. Большая часть их связана с одной (или более) из трех крупнейших радиотелевизионных компаний: «Национал бродкастинг компани» (NBC), «Американ бродкастинг компани» (ABC) или «Колумбия бродкастинг систем» (CBS). В свои передачи телецентры могут либо включать программы студий этих компаний, либо перемежать их собственным телеещанием, либо создавать самостоятельные программы для передачи через сеть одной из компаний. Все передачи, иллюстрированные снимками на этой и следующих страницах, взяты из программ вышеуказанных телевизионных компаний и помечены их знаками и буквенными сокращениями названий.

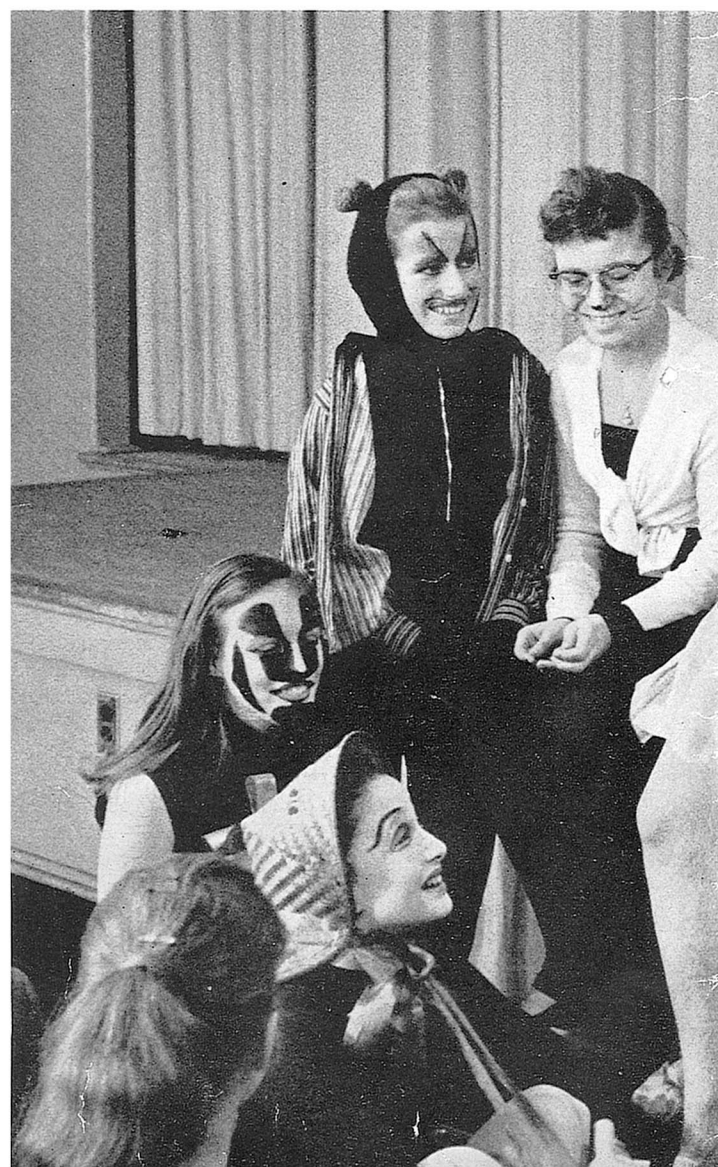
НА ЭКРАНЕ ТЕЛЕВИЗОРА

Знаменитые женщины

Знак компании NBC.

Слепая и глухая Елена Келлер (посредине) во время посещения школы для слепых.

Студия на колесах: грузовик перевозит оборудование к месту внестудийной передачи.

«Широкий мир», самая популярная дневная телевизионная программа, представляет собой как бы еженедельное приглашение поехать куда угодно и встретиться с кем угодно. Для каждой из полуторачасовых дневных передач по воскресеньям «Широкий мир» избирает какую-либо тему: один раз — колледжи, другой — авиацию, и затем, для того чтобы осветить тему с различных точек зрения, программа начинает кочевать по стране и даже далеко за пределами США.

Телевизионные камеры программы «Широкий мир» (их иногда до шестидесяти в программе одного дня) побывали во всех углах Соединенных Штатов, на Кубе, на Гавайских островах, в Мексике, в Канаде. Они ныряли под воду, летали на аэропланах, скользили на лыжах, взбирались на горные вершины и спускались в глубь пещер.

Некоторые из лучших передач «Широкого мира» состояли в посещении отдельных лиц у них на дому, причем вездесущим камерам удавалось добиться замечательной «интимности на расстоянии». Недавно такая передача была проведена на тему «Знаменитые женщины Америки»; зрители могли познакомиться в непринужденной обстановке с рядом замечательных женщин, — там, где их заставлял объектив камеры.

Знаменитый антрополог Маргарет Мид.

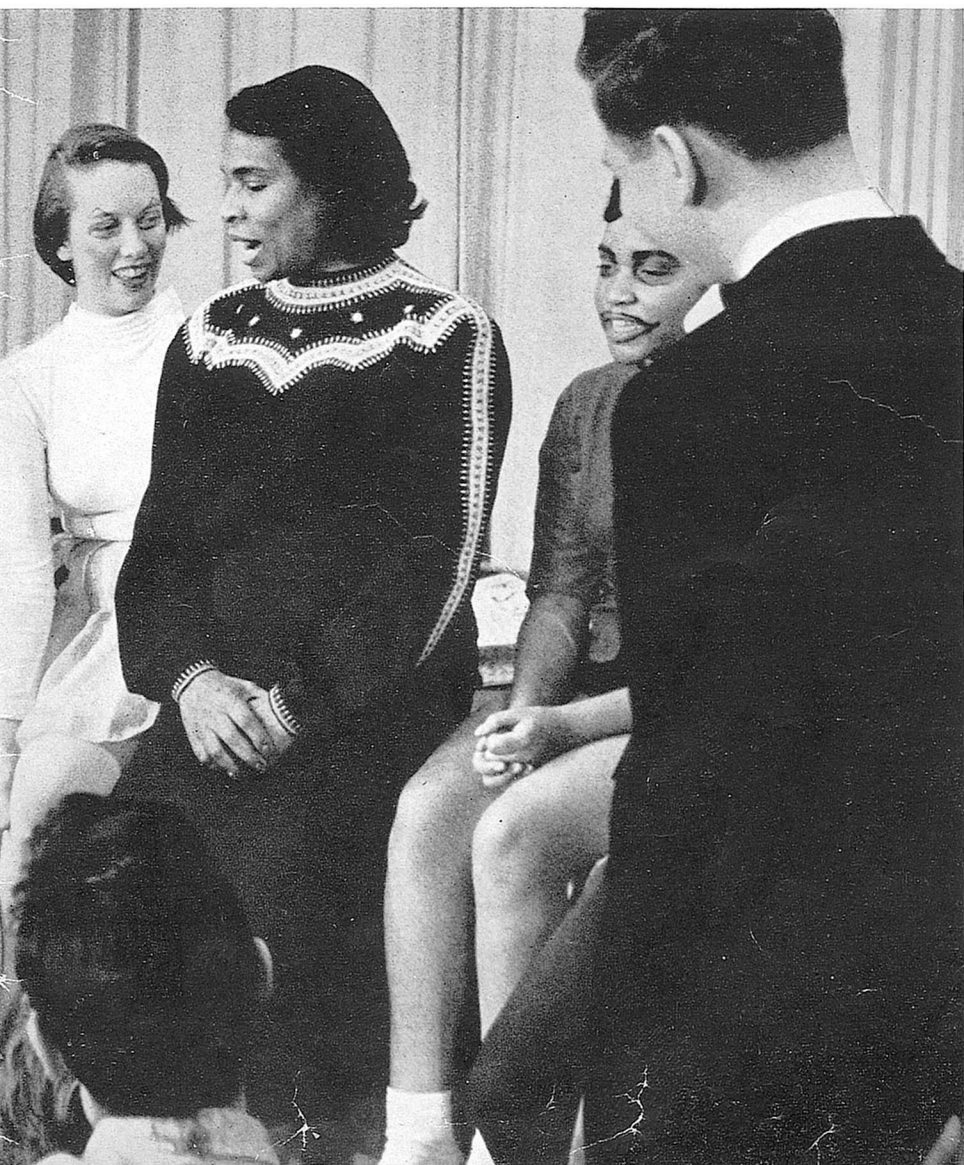

Хореограф Ханя Холм (слева от зрителя).

Член Сената США Маргарет Чейс Смит.

Певица Мариан Андерсон разговаривает со студентами театральной школы.

Элеонора Рузвельт, вдова покойного Президента США, в своей нью-йоркской квартире.

Так выглядят (сверху) декорации и оборудование телевизионной студии, передающей драму «Человек, каких много».

На этих страницах показано несколько сцен из двух телевизионных спектаклей, в которых были использованы два основных типа декораций. «Человек, каких много» (слева и внизу) — сцена из «драмы положений»: тренер школьной футбольной команды, из любви к своему делу, решает отказаться от предложения стать тренером профессиональной команды, несмотря на крупное вознаграждение. Так как действие происходит в небольших, преимущественно закрытых, помещениях, оно вполне подходит к постоянным декорациям, создающим впечатление сплошных стен комнаты. Такая конструкция соответствует традиционной сцене театра. Справа: студия для разыгрывания шарад, основанных на поэмах эпохи королевы Виктории; декорации состоят, в основном, из подвешенных на проволоке драпировок, что позволяет камере свободно передвигаться во все стороны и улавливать каждое движение и выражение лица актера.

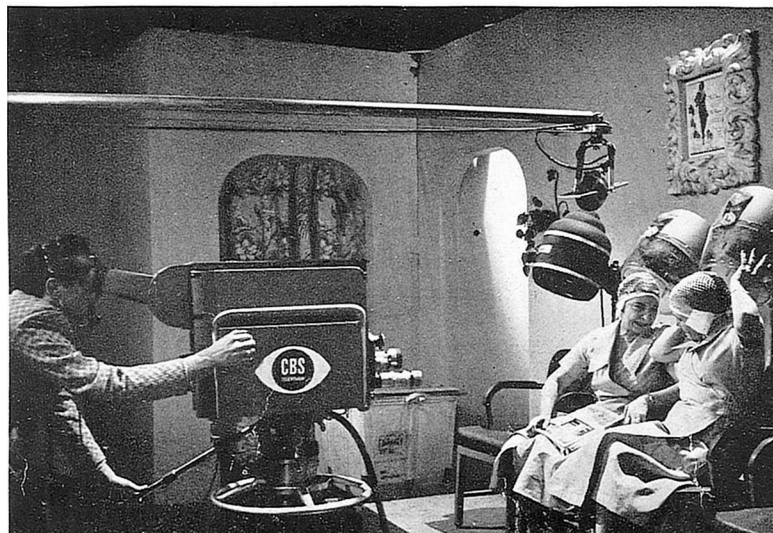

Преподавательница химии Элен выражает надежду, что Джоу не бросит своей работы в школе.

Два типа декораций

В парикмахерской, мать Джоу рассказывает приятельницам о своем отношении к проблеме сына.

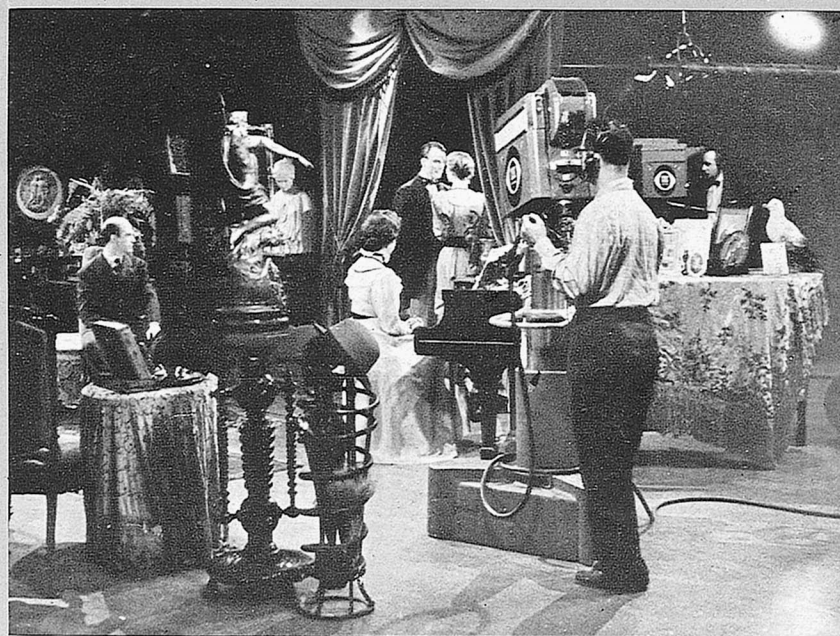
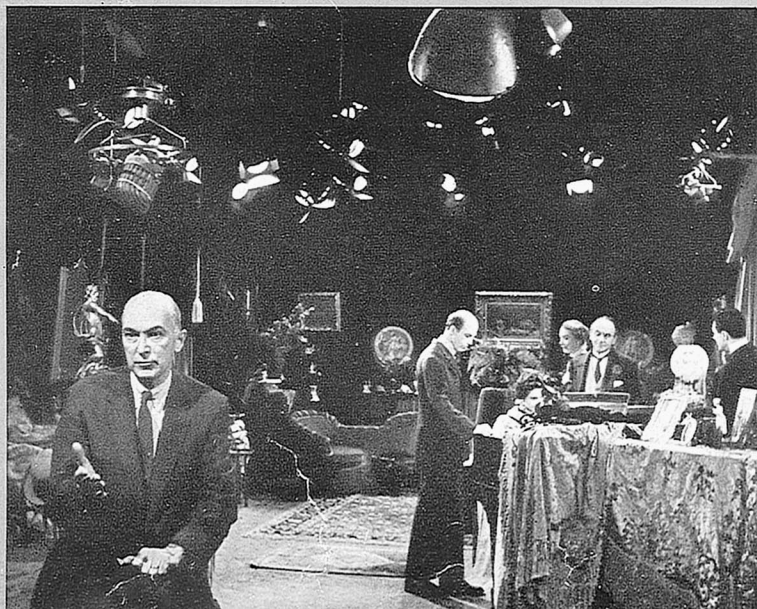
Джоу принял решение: он остаётся с Элен и будет продолжать работу в школе.

Эти упрощенные декорации для разыгрывания литературных шарад открыты камере со всех сторон; вместо стен перемежаются пятна света и тени.

и их применение

Ведущий программу сидит на переднем плане, слева от зрителя.

Отсутствие стен позволяет камере передвигаться между декорациями.

Телевидение в роли учителя

Переданная недавно по телевидению беседа Агнес де Милль об основах хореографического искусства может послужить прекрасным примером широких возможностей телевидения, как средства для разъяснения и показа чего бы то ни было массовому зрителю. Внимательный глаз камеры пристально оглядел всю труппу известного хореографа и затем, переходя с места на место, выделял и подавал крупным планом детали, которыми танцоры иллюстрировали интереснейший рассказ мисс де Милль о развитии танца. Начала она с первых импульсов человека к танцу и, проследив эволюцию танца у многих народов, закончила подробным анализом «Сильфид» Михаила Фокина и показом собственной работы с труппой над созданием нового балета.

Утилитарный танец: воин взывает о защите.

Краснозвонкий танец-рассказ: сиамский балет излагает фаву символическими движениями.

Старинный шотландский военный танец вокруг скрещенных мечей.

Пример танца как густой формы: «Сильфиды» Михаила Фокина.

Артисты балетной группы Агнес де Милль ожидают начала очередной репетиции. У каждого за плечами уже от десяти до двенадцати лет работы в балете.

Своеобразный балет Агнес де Милль «Родео» (музыка Аарона Копланда) передает бодрую атмосферу пограничной окраины.

Агнес де Милль (слева) дает объяснения, а артист группы демонстрирует использование жеста в балете.

ГИББС- СОЗДАТЕЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ХИМИИ

Перепечатано из книги «Американ сайенс энд инвеншн»

МИТЧЕЛЛ ВИЛЬСОН

Оратор на трибуне был великий английский ученый Клерк Максвелл. Его внимательные слушатели: королева Виктория и самые выдающиеся представители европейской науки. Тема доклада: блестящая работа молодого, никому неизвестного американца, «профессора Уилларда Гиббса из Йельского колледжа в Соединенных Штатах Америки».

Доклад Максвелла был замечательным признанием заслуг молодого американца со стороны человека, находившегося в зените славы. Максвелл предвидел, что со временем имя Гиббса будет внесено в список бессмертных ученых. Еще за несколько месяцев до своего выступления, Максвелл заявил, что, благодаря американцу «быть может, удастся найти решение проблем, которые я и многие другие долгое время тщетно пытались разрешить».

Такой восторженный отзыв великого человека перед избранной аудиторией должен был, казалось бы, сразу обеспечить Гиббсу всеобщее признание. Этого однако не случилось. Ни одно научное открытие не может быть оценено по заслугам, если область, в которой оно сделано, недостаточно разработана. В 1876 году американские и европейские ученые еще слишком мало знали о химических и физических процессах, чтобы оценить значение работ Гиббса. Поэтому лондонская печать не поместила отчетов о докладе Максвелла, не появилось о нем никаких заметок и в американской печати. Гиббс даже не узнал тогда об этом докладе. В доме Гиббсов, в университетском городе Нью-Хейвене (Коннектикут), главным предметом разговоров в то время были приближавшиеся каникулы, которые предполагалось провести либо в Адирондакских, либо в Белых горах.

Джозайе Уилларду Гиббсу в тот год исполнилось тридцать семь лет. Это был стройный человек с худощавым бородатым лицом и пронизательными голубыми глазами, отличавшийся спокойным чувством юмора. Пять лет состоял он профессо-

ром математической или теоретической физики в Йельском колледже. Он был холост и жил вместе со своей сестрой и ее семьей. Для детей он был «дядя Уилл», который готовил салат, топил печь, катался с ними на санках и рассказывал чудесные сказки. Впоследствии они поняли, что Гиббс был знаменитостью; но об этом они узнали не от него самого. Если бы Гиббс услышал о выступлении Максвелла, он, вероятно, даже не упомянул бы о нем. При жизни ему были присуждены девятнадцать наград и почетных ученых степеней, в том числе и самая высокая премия международного значения за научные достижения. Но даже его ближайшие друзья не знали обо всех полученных им наградах, пока не прочли в газетах полного списка их в его некрологе.

Первая же серьезная работа Гиббса показала, что он целиком принадлежит своей эпохе: в качестве инженера он изучил проблему, имевшую непосредственное отношение к важнейшему практическому вопросу о коэффициентах полезного действия паровых машин.

Вскоре поле его научной деятельности расширилось. От частного случая, проблемы пара и воды, он перешел к общей проблеме, касающейся свойств всех веществ. Все более углубляясь, его блестящее понимание технических проблем привело к открытию некоторых наиболее глубоких научных истин, когда-либо высказывавшихся американскими учеными.

До Ньютона равновесие считалось состоянием, в котором силы так уравновешены, что в конечном итоге вся система находится в покое. Колонна греческого храма находится в равновесии, потому что все действующие на нее силы: ее собственный вес, вес поддерживаемого ею архитрава, боковое давление горизонтальных брусьев, — все согласовано с таким совершенством, что колонна могла бы простоять вечно.

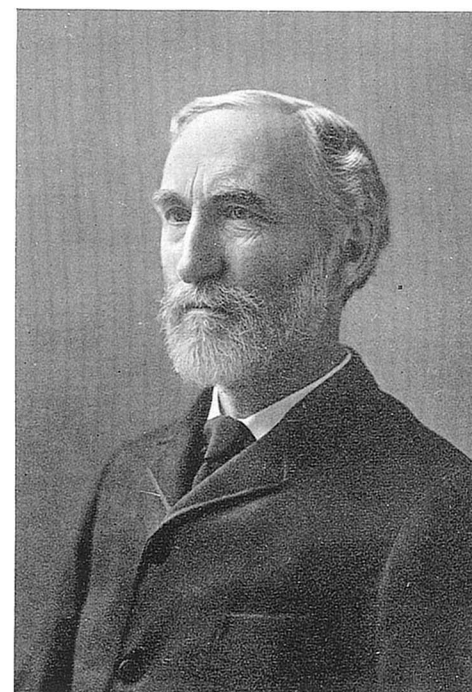
Исаак Ньютон расширил понятие равновесия, включив в него движение. Планета вечно движется по определенной ор-

бите под влиянием действующих на нее сил. Следовательно, сказал Ньютон, движение находится в равновесии с силами, которые его вызвали.

Ньютон установил, что сила, действующая на тело, придает ему ускорение, зависящее от массы тела. Закон Ньютона не только объяснил движение планет по ночному небу, но и оказался применимым к движению тел на земной поверхности. Он объяснил, как сцепляются зубчатые передачи, как вращаются колеса, как поршни движутся вверх и вниз. Закон Ньютона предсказал также, какие комбинации простых машин никогда не смогут действовать.

Труды Ньютона произвели одну из величайших революций в человеческом мышлении. Работы Уилларда Гиббса были не менее значительны. Гиббс расширил понятие равновесия на такие процессы, как переход вещества из одного состояния в другое, т. е. на самые основные свойства вещества. Лед становится водой, вода — паром, пар — кислородом и водородом. Кислород соединяется с азотом, превращаясь в аммиак. Все происходящее в природе процессы являются изменениями, и законы этих изменений были открыты Гиббсом.

Точно так же, как Ньютон заложил основы механики, Гиббс создал физическую химию, науку, которой подчинены все остальные отделы химии. И подобно тому, как Ньютон должен был найти меру движения, ближе всего подходящую к его теории динамического равновесия, так Гиббс должен был найти меру, определяющую состояние вещества и указывающую, перейдет ли оно во что-либо другое. Например, знаменитое *правило фаз* Гиббса определяет условия, при которых несколько компонентов равновесной системы могут существовать совместно в различных фазах: жидкой, твердой или газообразной. Голландские химики первые нашли практическое применение этому правилу, которое с течением времени было признано самым важным линейным уравнением в истории науки.

Его можно сравнить с Ньютоном.

За пятьдесят лет, прошедших после работ Гиббса, химия проникла во все крупные отрасли мировой промышленности. Производство стали стало химией, наряду с выпечкой хлеба, изготовлением портландского цемента, добычей соли, извлечением горючего из нефти, производством бумаги, вольфрамовых нитей, тканей и сотен тысяч других предметов, свойства которых были изучены, улучшены или предсказаны благодаря работам Гиббса.

Работы Гиббса были использованы для объяснения действия вулканов, физиологических процессов в крови, электролиза в аккумуляторных батареях и производства удобрений.

На протяжении полувека со дня смерти Гиббса, Нобелевская премия присуждалась четыре раза за работы, непосредственно основанные на выводах из его исследований.

Гиббс родился в 1839 г. Он был родом из Новой Англии, где шесть поколений Гиббсов приобрели известность своей ученой деятельностью. Среди его предков были: один из президентов Гарвардского колледжа и первый президент Принстонского университета. Отец Гиббса был выдающийся богослов.

Когда Уилларду исполнилось десять лет, он поступил в небольшую частную школу, на расстоянии полуквартала от родительского дома в Нью-Хейвене. Уиллард был робкий, тихий мальчик, ладивший с товарищами; вожаком он никогда не был, но и не сторонился других. В 1854 году, когда настало время держать вступительный экзамен в Йельский колледж, Уиллард пошел к одному из профессоров — другу семьи — и признался ему, что хотя и чувствует себя достаточно подготовленным, однако не пойдет экзаменоваться, потому что не выдержит пытки устного экзамена перед целой комиссией. Профессор Тачер стал сочувственно его расспрашивать, по каким вопросам он провалится, и как бы он отвечал на эти вопросы, если бы экзаменовался не перед комиссией, а отдельно. Гиббс разговорился и затем, не-

сколько оправившись и осмелев, спросил, когда прийти на экзамен. Тачер рассмеялся и ответил, что он только что выдержал экзамен; теперь он — студент колледжа.

Гиббс принимал активное участие в студенческой жизни и в то же время делал большие успехи в науках. В 1858 году он получил степень бакалавра.

То были годы, когда Шеффилдская школа точных наук при Йельском колледже начинала приобретать известность. В 1847 году было открыто отделение аспирантуры для студентов, специализирующихся в области точных наук, но докторская степень была введена только в 1861 году. Гиббсу суждено было стать величайшим американским теоретиком в области точных наук, но его научная подготовка следовала американской традиции предпочтения

прикладных знаний. В 1863 году он получил первую в Америке степень доктора технических наук за диссертацию «О форме зубцов в цилиндрической зубчатой передаче». Его сразу назначили на трехлетний срок инструктором колледжа.

В 1861 году умер отец Гиббса, оставив в наследство детям состояние, оценивавшееся в 23.500 долларов. Это обеспечило Гиббсу на всю жизнь небольшой независимый доход. Когда истек срок его службы в колледже, Гиббс отправился с двумя сестрами за границу. Путешествие стало поворотным пунктом в его научной карьере. В Европе он углубил свои научные познания и подготовился к главному делу своей жизни.

Примерно в то же время в числе американских студентов за границей были Уильям Джемс (будущий великий фило-

соф и психолог), живший в Гейдельберге почти рядом с Гиббсами, и Генри Адамс, применивший теоретическую физику Гиббса к интерпретации истории.

В Европе, как и в Америке, студенты были ферментом брожения, охватившего в то время общественную жизнь. Бисмарковская Германия готовилась к войне с Францией Наполеона III. Война разразилась через два года после возвращения Гиббса в Нью-Хейвен.

В Йельском колледже Гиббс шел своей дорогой; так и в Европе бурлившие вокруг него страсти не отвлекали его от работы. Сестра его вышла за границу замуж; вернувшись в Нью-Хейвен, он разделил с нею и ее мужем отцовский дом.

«Для нас, детей, дядя Уиллард был воплощением доброты и великодушия». «Уиллард Гиббс был самым счастливым

человеком из всех, кого я знал». «Если бы меня спросили, что было основной чертой характера Уилларда Гиббса, я бы, не задумываясь, ответил: ясность духа». «Я нуждался в совете и знал, что он мне поможет, — не только потому, что он великий ученый, но и потому, что он добрый, отзывчивый человек, понимающий других». Так отзывались о Гиббсе его племянники, племянницы, друзья и студенты.

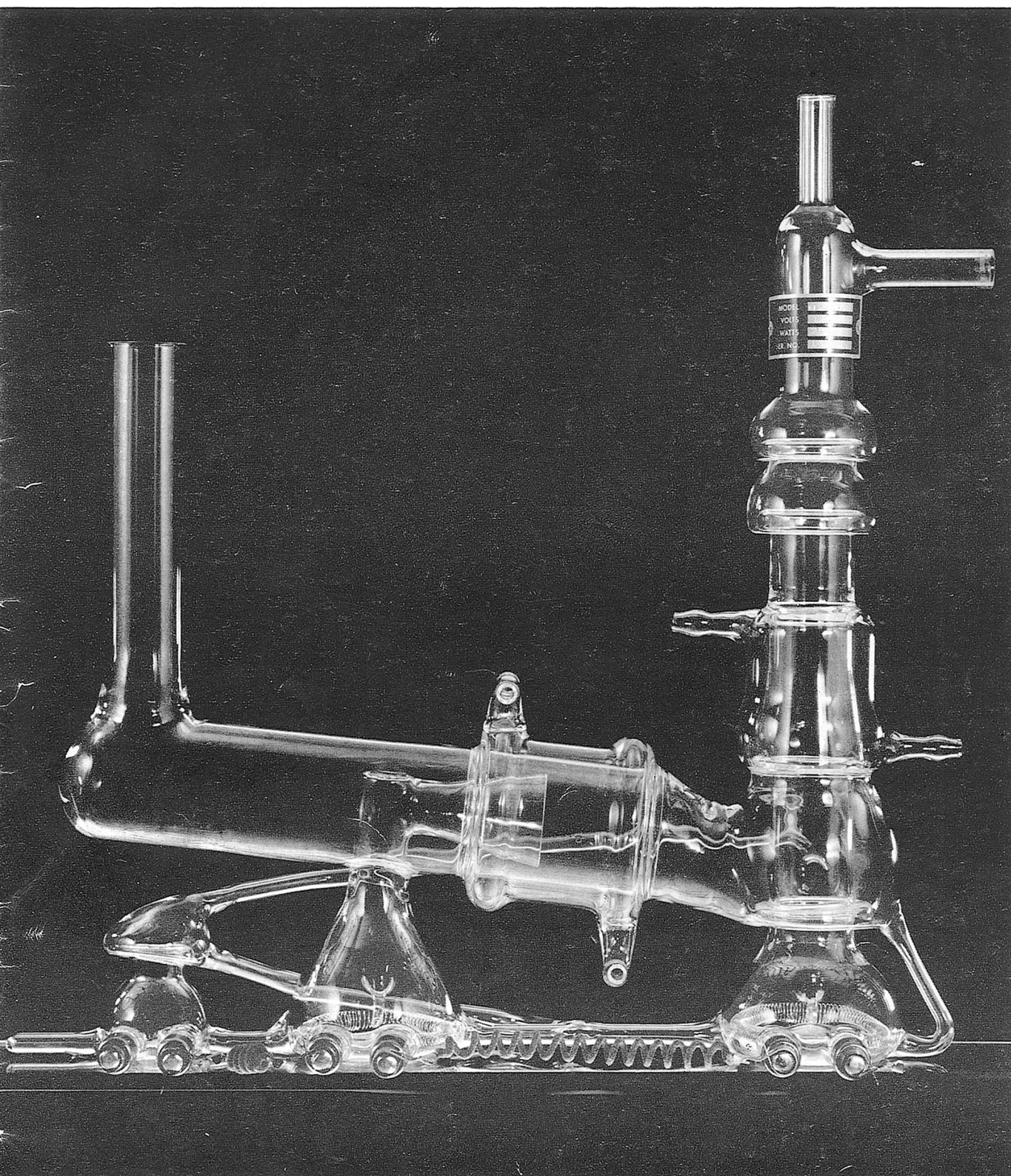
Гиббс был среднего роста, со спокойными и уверенными манерами. Он хорошо одевался, носил, следуя моде времени, холеную бороду, говорил быстро, высоким приятным голосом. Отличаясь острым восприятием и легким налетом иронии, он остался в памяти детей, как человек большой доброты. Он любил шутить, был не прочь повеселиться и не искал знакомств вне своего круга.

Работы Гиббса трудно читаться, и следить за ходом его мысли нелегко. Он делал мало предварительных заметок и вынашивал работу в уме, пока мысль не достигала предельной отточенности. Когда наступало время изложить теории на бумаге, промежуточные звенья в цепи рассуждений теряли для Гиббса всякое значение.

Люди, не представляющие себе, сколько времени требуется на то, чтобы совершенно новая и глубокая мысль стала общим достоянием, часто ужасаются, что прошло от десяти до двадцати лет, прежде чем работы Гиббса были полностью поняты и использованы. За три столетия существования современной науки появилось всего около десяти идей, равных по глубине исследованиям Гиббса в области равновесия, и в каждом случае проходило не меньше двух десятилетий, прежде чем значение новой научной истины было полностью понято. Коллеги Гиббса по Йельскому университету открыто признавались, что не понимают его работ. Но они, конечно, отдавали себе отчет в его гениальности.

Гиббса — человека можно по-настоящему понять, только приняв во внимание, что он жил полной жизнью в мире собственного творчества. Его работа была для него оправданием всей его жизни, и он был счастлив, ибо знал, что в своих трудах достиг вершин знания. Последние годы его жизни были омрачены не только смертью сестры — его ближайшего друга, но и, в не меньшей степени, появлением революционных идей новой физики, радиоактивности, рентгеновских лучей, реальности электрона. Он не знал, можно ли будет согласовать эти неожиданные открытия с его пониманием вселенной. Он пал духом и однажды, покачивая головой в недоумении, даже сказал студентам, что, быть может, ему пора умирать. Он чувствовал себя усталым, одиноким и, казалось, жизнь для него потеряла всякий смысл.

Он тревожился напрасно. Квантовая механика не поколебала его выводов. Из всех великих теорий, появившихся в девятнадцатом веке, только его теория продолжает существовать без серьезных изменений.

Фракционирующий насос (вверху) и другие сложные приборы дают возможность химикам применять теории Гиббса на практике.

Фото Кармен Скиавоне
С разрешения журнала «ЧАРМ»

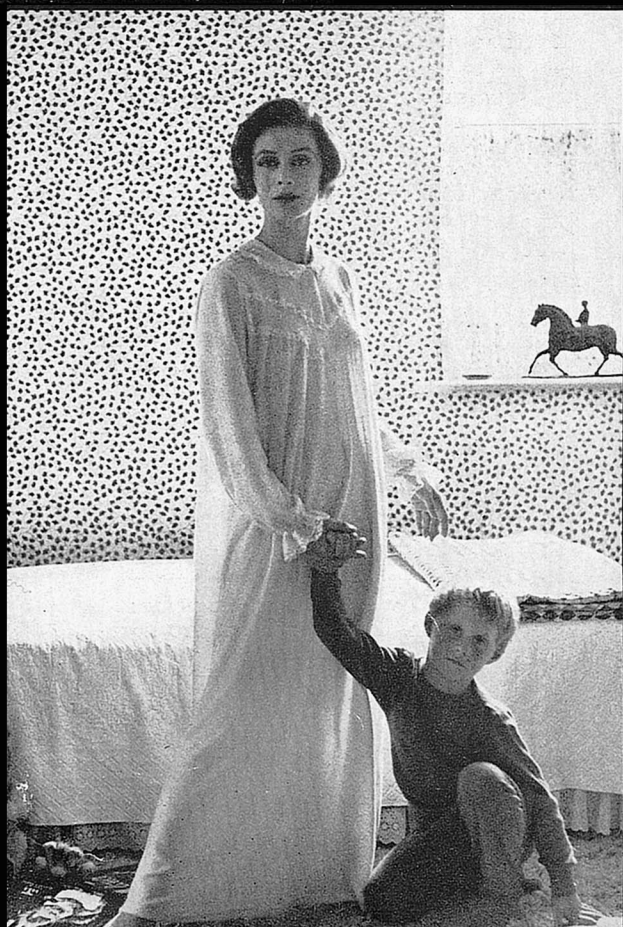
Наряды для сна

Ночные сорочки почти так же важны для американской женщины, как платья, в которых она работает или развлекается. Мягкие линии ночных одеяний словно успокаивают в конце трудового дня. Они бывают нарядными или будничными, легкими как зефир или более плотными.

Ногная рубашка догери — 4 долл. (16 рублей);
фланелевая сорозка матери — 5 долл.

Скромная сорозка, в
стиле конца XIX века,
сделана из мягкого на-
йлона. 13 долл.

Шелковая сорозка;
сборчатые рукава и ко-
кетка отделаны ружной
вышивкой. 25 долл.

Огаровательная сорозка
из наилона с кружевами;
разлигных мягких цве-
тов. 11 долл.

МИСТЕР БРУКИНГС И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

ВАНОЛЕТ ВУД

Каждое большое учреждение — «удлиненная тень какого-нибудь одного человека», сказал как-то философ Ралф Уолдо Эмерсон.

Эти слова исключительно подходят к учреждению, занимающему в Вашингтоне монументальное здание из белого известняка у исторического сквера Лафайет, на площади Джексона, номер 722. Пользующийся всеобщим уважением Институт Брукингса — независимая научно-исследовательская организация, специализировавшаяся на изучении экономических, социальных и политических вопросов, — выражает основные черты характера своего основателя: его требовательность в отношении качества работы, его энергию и его стремление идти вровень с эпохой и ее новыми проблемами.

В возрасте 70 лет, когда большинство людей думает об уходе на покой, Роберт С. Брукингс решил «сделать самое большое дело своей жизни»: создать организацию специалистов, которые со щепетильной объективностью взяли бы за изучение разнообразнейших вопросов экономики и государственного управления и опубликовывали бы свои заключения и советы в простой, общедоступной форме.

Роберт Брукингс не получил почти никакого образования, но он рос, можно сказать, вместе с той экономикой, которую решил изучать, и хорошо знал ее по личному опыту. Семнадцати лет от роду он поступил конторщиком в торговую фирму в Сент-Луисе, на реке Миссисипи. Предприятие торговало «деревянными, плетеными и веревочными изделиями» и хозяйственной утварью. В следующем году, освоив почти все, что нужно было знать о бухгалтерии предприятия, он уговорил владельцев разрешить ему отправиться, в качестве торгового представителя фирмы, в западную часть страны, в которой тогда отводились участки поселенцам на правах собственности.

В 1868 году Америка еще была страной пионеров. Владельцы фирмы в Сент-Луисе совсем не были уверены в том, можно ли «семнадцатилетнему мальчику» поручить работу «в глухом малонаселенном крае, почти без железных дорог, таком огромном, что в нем с удобством могла бы поместиться вся Европа (без России)». Дикий край, куда молодой Брукингс хотел отправиться в качестве торговца, граничил на севере с Канадой, на юге — с Мексиканским заливом, на востоке — с рекой Миссисипи и на западе — с Тихим океаном. В течение десяти лет эта огромная территория была миром Роберта Брукингса. Он исколесил ее вдоль и поперек, извездил все ее пути и перепутья, пользуясь пароходом и поездом в тех немногих местах, где это было возможно, и почтовой каретой или фургоном во всех остальных случаях.

Он следовал по пятам за новыми поселенцами — иммигрантами из Европы и пионерами, которые продвигались все дальше на запад, чтобы обосноваться там на жительство и строить новые города. Брукингс словом и делом

помогал немецким, французским, ирландским и английским лавочникам устраивать в бревенчатых хижинах лавки на тех бесчисленных перекрестках дорог в лесах и пустынях, что несколько десятилетий спустя стали американскими городами. В случае необходимости, — а такая необходимость возникала везде, — он снабжал лавку в кредит решительно всем, чем торговала его фирма: зажимами для развешивания белья, стиральными досками, посудой, скалками, маслобойками, детскими колясками... — т. е. всем, в чем так нуждались переселенцы: ведь, отправляясь в дальний путь в новые края, женщины, уезжавшие со своими мужьями, волей-неволей оставляли на старом месте большую часть домашнего скарба. Брукингс близко узнал жизненные проблемы и характер многих своих клиентов и их домочадцев, потому что он обычно останавливался в домах лавочников в тех еще недостаточно заселенных пунктах, где гостиниц не было и в помине.

Один из его новых приемов для побуждения лавочников торговать детскими колясками дал блестящие результаты даже в самых примитивных поселениях, где еще не было деревянных тротуаров, по которым можно было бы катить коляску: всякий раз, когда Брукингс узнавал, что у жены какого-либо начинающего лавочника родился ребенок, он посылал ей в подарок детскую коляску. Этот простой дружеский жест не только обеспечивал ему симпатию жен лавочников, но и пробуждал в других женщинах желание иметь коляску; таким образом фирма получила заказы на тысячи детских колясок.

Брукингс принимал близко к сердцу экономические проблемы и трудности иммигрантов и переселенцев: в его глазах эти люди были строителями Америки. Он сделал ставку на их честность, на их трудолюбие, на их стремление к лучшей и более обеспеченной жизни. Брукингс не ошибся: его политика превратила многих боровшихся с нуждой лавочников в зажиточных торговцев и за одно десятилетие принесла ему состояние.

В возрасте двадцати одного года Брукингс стал компаньоном фирмы, а когда ему исполнилось тридцать, его фирма стала чуть ли не самым крупным поставщиком деревянных изделий в Соединенных Штатах. С заработанными деньгами нужно сделать «что-то большее на благо общества», чувствовал Брукингс. Эта мысль соответствовала традиции, несомненно унаследованной им от предков-квакеров.

В возрасте сорока шести лет, прекратив работу в фирме, он решил «отдать свои деньги и остаток жизни служению обществу». В последующие годы он отстроил и расширил чахнувший университет имени Вашингтона в Сент-Луисе и превратил медицинский факультет университета в один из важнейших медицинских центров Соединенных Штатов.

Когда, во время Первой мировой войны, Президент Вудро Вильсон создал Военно-промыш-

ленный совет для руководства колоссальными правительственными закупками, ему были нужны такие люди, как Брукингс, — люди с огромным опытом в вопросах промышленного производства и без тени своекорыстия. Брукингс откликнулся на призыв Президента и стал председателем Комиссии по установлению цен.

Он вскоре убедился, что для государственной службы требуется нечто большее, чем любовь к родине, добрая воля и так называемый «деловой опыт». В частности, он был поражен тем, что в то время, когда все европейские государства имели государственный бюджет, в Соединенных Штатах такого бюджета, собственно говоря, не было. Он заинтересовался вопросами, как воспитывать молодых людей для служения обществу, как подтянуть и обновить административный аппарат демократического правительства в меняющемся мире, как вести исследовательскую работу в экономической области и как опубликовывать результаты исследований на понятном для «среднего человека» языке.

Брукингс решил найти ответы на эти вопросы. Покидая, по окончании войны, свой временный пост, Брукингс твердо знал, что делать с оставшимися ему годами жизни.

Он обратился к другим, обладающим общественной жилкой, гражданам с призывом жертвовать деньги, и вскоре в его распоряжении оказался гарантированный на пять лет ежегодный доход в 70.000 долларов для организации Института государственного управления — аполитичного, некоммерческого учреждения для объективного научного изучения проблем, связанных с деятельностью правительства Соединенных Штатов. (Институт был основан в 1916 году.)

Первый директор Института, доктор Уильям Ф. Уиллоуби, сказал: «Не будь Брукингса, из Института ничего бы не вышло, он стал бы одной из безвестных могил на долгом пути к усовершенствованию государственного аппарата». Уиллоуби набрал штат высококвалифицированных специалистов из многих университетов страны и с их помощью в течение нескольких лет провел обширнейшие исследования по вопросам бюджета, штата правительственных служащих, общественного здравоохранения, управления национальными парками (заповедниками) и по другим касающимся правительственной деятельности вопросам. Одним из первых достижений, чрезвычайно обрадовавших Брукингса, было установление в 1921 году правительством Соединенных Штатов системы государственного бюджета.

Брукингс не почил на лаврах: он продолжал собирать деньги — и учиться. Сотрудники Института государственного управления открыли ему глаза на многие проблемы, над которыми он раньше не задумывался. Он начал размышлять над такими вопросами, как справедливое распреде-

ление доходов, отношения между рабочими и управлением предприятий, предоставление рабочим большей доли доходов от производства путем увеличения выпуска продукции. На него произвел сильнейшее впечатление парадоксальный опыт Генри Форда, увеличившего свои доходы, несмотря на то, что он платил своим рабочим почти вдвое больше, чем все другие предприниматели. В поисках ответов на такие вопросы Брукингс основал в 1922 году Институт экономических исследований, а затем Высшую школу экономических наук и государственного управления.

Брукингс решил теперь организовать изучение всех этих необычайно трудных экономических вопросов учеными специалистами — людьми, жадными до фактов и свободными от личных предубеждений. С годами его план прошел несколько последовательных стадий: сперва изучение вопросов управления государством, затем экономические исследования, потом обучение специалистов по этим вопросам, и, наконец, в 1927 году Институт государственного управления, Институт экономических исследований и Высшая школа были объединены в одно учреждение, известное под именем Института Брукингса.

В течение двадцати пяти лет, прошедших со дня смерти Роберта Брукингса, Институт его имени был верен своему высокому девизу: «Преданное служение обществу путем исследовательской и педагогической работы в области общественных наук». Большая часть исследований предпринимается Институтом по собственному почину и финансируется им из собственных средств. Последние слагаются из процентов с пожертвованных вкладов, из отдельных частных пожертвований, из доходов от продажи изданий Института и из субсидий от таких общественных организаций, как Фордовский фонд. Правительство часто обращалось к Институту за помощью, и Институт всегда с полной готовностью шел ему навстречу. К штату Института, состоящему примерно из пятидесяти человек, по большей части докторов экономических наук, неоднократно обращались за советом Президенты Соединенных Штатов — от демократа Вудро Вильсона до республиканца Дуайта Эйзенхауэра. Работники Института занимаются изучением самых разнообразных вопросов, от телевидения до экономического состояния железных дорог Соединенных Штатов и социального положения индейцев в Америке. Сенат Соединенных Штатов не раз запрашивал мнение Института и затем совместно с Палатой Представителей проводил законы на основании заключений Института.

Научные работники Института Брукингса провели также несколько первоклассных исследований в области местного управления. В течение многих лет, по просьбе местных властей, они объезжали штаты и округа Соединенных Штатов, от Нью-Хампшира до Калифорнии, помогая органам самоуправления в деле изучения и обновления местного административного аппарата. Например, штат Миссисипи впервые за двадцать четыре года сбалансировал свой бюджет в 1932 году — через год после того, как Институт Брукингса указал ему правильный путь. После произведенного Институтом обследования автомобильных дорог, здравоохранения, народного образования, сельской электрификации, следственных и полицейских органов в Нью-Хампшире, Алабаме, Северной Каролине и Айове, эти штаты сумели сбалансировать бюджет и в некоторых случаях уменьшить налоги — к великой радости налого-

плательщиков. Теперь лишь немногие органы местного управления прибегают к помощи Института, ибо большая часть штатов и многие крупные города и округа Соединенных Штатов содержат на службе специалистов, полностью погруженных изучением вопросов налогообложения, здравоохранения, планирования городов и других вопросов управления. Некоторые из этих специалистов окончили Высшую школу Брукингса, другие прослушали в университетах курсы по специальностям, обязанным своим появлением Брукингсу. Когда другие ведущие университеты взяли на себя подготовку специалистов для государственной службы, Брукингс закрыл свою Высшую школу.

В настоящее время Институт Брукингса предоставляет американским и иностранным студентам стипендии для изучения общественных наук и вопросов государственного управления в таких университетах, как Колумбийский и университет Джонса Гопкинса. Большая часть фондов, предназначенных на образовательные цели, используется Институтом либо для повышения квалификации профессионалов, либо для начинаний в интересах широкой публики. Институт устраивает специальные конференции, серии лекций, семинары и, во время летних каникул, совместно с университетами, научно-исследовательские курсы для групп правительственных служащих, администраторов предприятий, руководителей профсоюзов, дипломатов и экономистов из многих стран.

Работники Института Брукингса очень довольны тем, что изучению общественных наук придается все большее значение и с готовностью изменили характер своей работы, сосредоточиваясь все больше на издательской деятельности, на книгах и брошюрах как научного, так и общедоступного содержания. Институт Брукингса, возможно, единственное в Соединенных Штатах издательское дело, чьи публикации считаются важными новостями и разбираются газетами на первой странице, а не в отделе книжных рецензий. Темы их всегда актуальны, значительны и часто спорны. Но их ответы неизменно обнаруживают полную эрудицию объективности: они никогда не критикуют и не защищают какую-либо партию или узкую точку зрения. Институт Брукингса стремится к единственной цели: к общему благу.

Американские издания Института Брукингса продаются во всех странах, где разговорным языком служит английский; ряд изданий был напечатан в Англии. Некоторые издания Института переведены на французский, русский, немецкий, голландский, болгарский, японский, испанский, португальский и арабский языки.

Книгой, ближе всего выражающей то, что Роберт Брукингс хотел сказать в области экономики рядовому американскому читателю, является, быть может, «Введение в экономическое мышление», написанное тремя молодыми профессорами: Маршаллом А. Робинсоном, Гербертом С. Муртоном и Джемсом Д. Колдервудом. Двое из авторов оставили свои кафедры в Дартмут-колледже и перешли в Институт Брукингса. Книга эта очень обрадовала бы Роберта Брукингса, ибо она дает американцу именно то, что, по мысли Брукингса, надлежало сделать Институту: легко читающийся учебник экономики Соединенных Штатов для тех, кто не получил специального экономического образования. Книга, вышедшая в свет в прошлом году, разошлась почти в тридцати тысячах экземпляров.

Основной тезис авторов заключается в том,

что «экономические вопросы — дело каждого, сознает ли он это или нет». Авторы разъясняют, каким образом в свободной стране цели государства совпадают с целями народа. «Американский гражданин может копить деньги, поступить в профсоюз, купить автомобиль, открыть лавку. Он может голосовать за или против открытия новых школ, за улучшение дорожной сети или против. Он избирает людей, издающих законы о налогах, о помощи иностранным государствам, о контроле над предприятиями общественного пользования. Гражданин ставит себе определенные экономические цели и помогает устанавливать более широкие цели государственной экономики:

«Как следует распределять товары и услуги? Должны ли все получать равную долю? Какова должна быть продолжительность рабочего дня: шесть или восемь часов? Должны ли все, до детей и стариков включительно, работать, или же можно позволить некоторым категориям граждан получать доход, не работая? Что следует производить: только ли предметы первой необходимости или самые разнообразные изделия? В последнем случае, что именно?»

От ответов на эти краугольные вопросы зависит экономическое благополучие не только Америки, но и всех стран мира, потому что с ними сталкиваются все страны. В других странах они решаются иначе, чем в Соединенных Штатах. И даже в Соединенных Штатах принимаются в наше время другие решения, чем пятьдесят или даже двадцать пять лет назад.

Авторы показывают, как и почему американская экономика в значительной степени зависит от индивидуальных решений экономических вопросов: при частнопредпринимательской системе каждый гражданин обычно решает самостоятельно, каким образом хочет он зарабатывать себе на жизнь, хочет ли он делать сбережения или тратить свои заработки; он может преследовать свои личные цели, поскольку они не служат помехой основным целям народа в целом и не ущемляют свободы других.

Книга разбирает в последовательном порядке народное хозяйство и американский экономический строй и дает среднему читателю возможность понять, что, как и почему производят американцы, каковы источники их доходов и каким образом соревнование является движущей силой американской экономики.

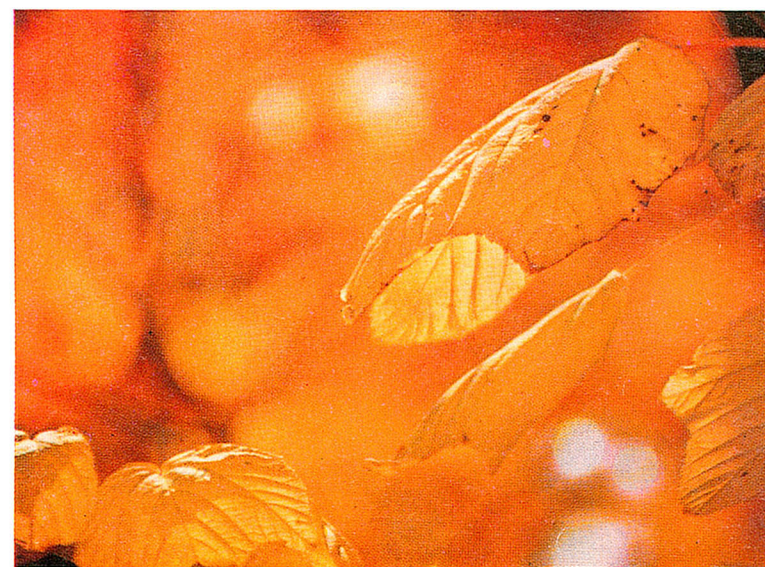
Читатели и научные сотрудники Института Брукингса похожи на ученых, каковыми они и являются, и список работников Института читается, как перечень самых выдающихся американских экономистов и специалистов по государственному праву. Но своим успехом Институт обязан не личным достижениям какого-нибудь одного — пусть необычайно блестящего — человека. Корень успеха кроется в готовности всех ученых и авторов подчинить свою личность коллективу и на несколько месяцев или лет, в зависимости от обстоятельств, сосредоточить общие усилия на разбираемой проблеме. Знания и объективность обеспечили им исключительное доверие народа во всем, касающемся интересов страны. Во многих областях экономики и общественных наук никто не пользуется большим авторитетом, чем Институт Брукингса. Отсутствие личной заинтересованности в каком-либо начинании и готовность уступить любую область исследования другим авторитетным организациям спасает Институт от рутины. Верные духу своего основателя, работники Института берутся за очередную проблему.

*П*ользуясь объективом фотоаппарата вместо кисти, Кости Руогомаа создал картины, полные такой тонкости, такой теплой красоты, что они кажутся этюдами живописца. Кости, сын финских эмигрантов, родился в 1913 г. в Куинси (Массачусетс) и провел свое детство на ферме в штате Мэн; там он впитал в себя красоту этого скалистого, заросшего лесами штата. Он учился живописи в Бостоне, короткое время работал в области прикладной графики, затем переехал в Калифорнию и стал мультипликатором в киностудиях Уолта Диснея. В Голливуде он настолько увлекся фотографией, что теперь посвящает ей все свое время, создавая для ведущих американских журналов фотоочерки в виде серии снимков. Подобно современным художникам, Кости Руогомаа пользуется — в воспроизведенных здесь этюдах — абстрактным методом, чтобы из многоцветной красоты осени в штате Мэн извлечь чистую эссенцию узоров и красок.

Осенние узоры

ДВЕ ДЕВУШКИ И ПОЭТЫ

Общими усилиями они создают новую библиотеку стихотворений и поэм — на грампластинках.

САМЮЭЛ ГРАФТОН

С разрешения журнала «ГУД ХАУСКИПИНГ»

Года четыре тому назад, две девушки совещались за завтраком в одном из ресторанов, нервно теребя бумажные салфетки: они горячо обсуждали пришедшую им в голову мысль, которая прежде всего была интересной, но могла сулить и выгоду. Надо было рискнуть 2.500 долларами (10.000 руб.) и заняться изготовлением долгоиграющих граммофонных пластинок со стихами в исполнении самих авторов. Вряд ли когда-нибудь принималось такое странное коммерческое решение. Девушки — Марианна Рони (ныне миссис Гарольд Мантелл) и Барбара Коген — познакомились в колледже на уроке греческого языка. У обеих не было никакого делового опыта, разве только любовь к поэзии, — но это, как известно, самый хрупкий товар на рынке.

Они назвали свою фирму «Кэдмон», в честь первого английского поэта, чье имя дошло до нас, и открыли единственное в своем роде предприятие. Его успех поразил всех. Общая стоимость граммофонных пластинок, проданных этими двумя миловидными двадцатипятилетними девушками, составляет, по розничным ценам, 1.200.000 долларов. Прошлым летом девушки, подготовка которых к коммерческой деятельности ограничилась изучением в Хэнтер-колледже и в Колумбийском университете греческого языка, а также санскрита, латыни, старофранцузского и древне немецкого, — решили открыть отделение фирмы в Лондоне.

Фирма «Кэдмон» сделала важное «открытие»: обнаружилось существование большой — в несколько тысяч человек — группы ценителей поэзии «чуть постарше зеленой молодежи»: они любят слушать на сон грядущий граммофонные пластинки со стихами — подобно тому как подростки наслаждаются джазом. Любители поэзии встречаются во всех слоях населения. Когда фирма «Кэдмон» выпустила первую пластинку со стихами ныне покойного Дилана Томаса, поэта-модерниста, порой писавшего почти заумные стихи, девушки получили от полуграмотной старой женщины письмо, которое они бережно хранят до сих пор. В письме, написанном со множеством орфографических

ошибок на клочке коричневой оберточной бумаги, эта женщина благодарила за то удовольствие, которое она получила, слушая, как поэт читал звучным голосом свои труднопонятные строфы. Нью-Йоркский зубной врач прислал письмо, предлагая 100 долларов за вторую пластинку Дилана Томаса. Точно также они нашли новых поклонников для э. э. кэммингса (современного поэта, отказывающегося писать даже свое имя и фамилию с прописных букв), Огдена Нэша и ценителей голоса актера Базилля Ратбона, декламирующего звучные стихи Эдгара По.

Дилан Томас умер четыре года назад, не дожив до сорока лет, и его замечательный голос сохранился только на тех двух пластинках, которые девушки убедили его наговорить, а также в изданной «Кэдмоном» звукозаписи его лирической драмы «В молодом лесу». Четыре года назад они выпустили пластинку, которую наговорил на немецком языке лауреат Нобелевской премии Томас Манн, прочитавший для звукозаписи отрывки из своих произведений. Манн умер в 1955 году; таким образом и эта пластинка стала историческим документом. Девушки обратились с просьбой наговорить пластинки к Альберту Эйнштейну за две недели до его смерти. На этот раз девушки опоздали: здоровье уже не позволило Эйнштейну исполнить их просьбу.

Обе девушки серьезно занимаются науками. Урок греческого языка, на котором они познакомились, был частью специального летнего курса, имеющего целью пройти двухлетнюю программу в течение шести недель. Марианна (ее девичья фамилия Рони — венгерская, хотя звучит как будто по-ирландски) — дочь родителей-австрийцев, но родилась в Берлине. Отец ее инженер. Семья покинула Берлин в 1938 году и несколько лет кочевала по раздираемой войной Европе. Марианна одно время увлекалась спортом: она считает себя специалисткой лазанья по деревьям берлинских, парижских, лондонских и нью-йоркских парков. Увлекалась она также бейсболом и одиннадцати лет от роду получила за эту игру медаль

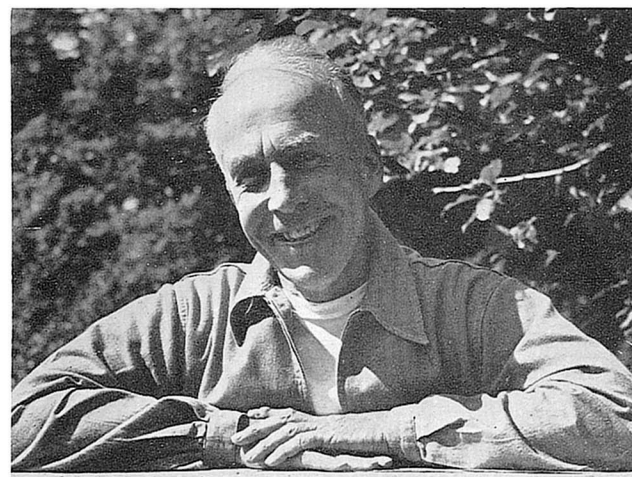
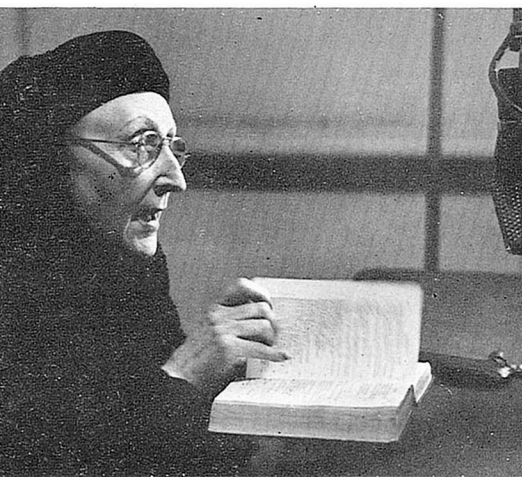
в нью-йоркской городской школе. Затем она занялась музыкой и училась игре на рояле, на скрипке и на гитаре. Написанная ею в 13-летнем возрасте статья о философии Спинозы произвела нечто вроде сенсации в Нью-Йоркском училище музыки и искусства. По окончании училища, она поступила в Хэнтер-колледж, где, в добавление к древним и средневековым языкам, изучала еще французский, немецкий, испанский и итальянский.

Барбара — стройная зеленоглазая девушка. Одно время она хотела стать актрисой, начав в десять лет писать пьесы. В этом же возрасте, открыв как-то, с зажмуренными глазами, атлас на странице с картой Китая, Барбара настрочила целый роман из китайской жизни. Она всегда любила рисовать и избрала искусство одним из своих главных предметов в средней школе, но скоро ей надоело «рисовать каждый день те же горшки». С Марианной ее сближает любовь к языкам. В Хэнтер-колледже обе девушки изучали те же предметы и сдали те же зачеты с одинаковыми отметками. В большинстве случаев их мнения сходятся, и «Кэдмон» ведет свою обширную и аккуратную переписку с клиентами так: Марианна отвечает на первое письмо, Барбара — на второе, Марианна — на третье, и так далее. В фирме существует правило, согласно которому на письмо должен ответить тот из компаньонов, кто первый вскроет конверт.

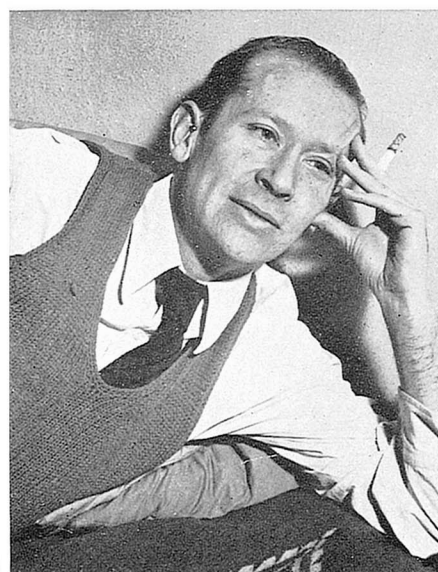
Окончив Хэнтер-колледж, девушки занялись аспирантской работой в Колумбийском университете, для соискания докторской степени. Они неплохо зарабатывали в то время: Барбара работала помощником редактора в издательстве, выпускавшем книги по психиатрии, а Марианна занималась составлением текстов для обложек к граммофонным пластинкам классической музыки. Они часто обсуждали идею — записывать на граммофонные пластинки стихи, но из этого ничего не получалось, до тех пор пока однажды Барбара не заметила за завтраком: «В Нью-Йорк приехал Дилан Томас. Он будет читать свои стихи в

Марианна Рони-Мантелл (слева) и Барбара Коген (справа), т. е. фирма «Кэдмон пубблишинг компани» в полном составе, во время делового совещания с поэтом У. Г. Оденем. Они слушают и обсуждают звукозапись выступления м-ра Одена, читавшего свои стихи.

Ниже — портреты шести известных современных поэтов, стихи которых, в их собственном исполнении, также записаны на пластинках фирмы «Кэдмон».

Вверху, слева направо: поэты Ситуэлли — Эдит и ее брат сэр Осберт — во время звукозаписи; Арчибальд Маклиш, поэт и профессор Гарвардского университета. Внизу, также слева направо: безвременно скончавшийся «бард Уэльса» Дилан Томас, читающий свои произведения для звукозаписи; э. э. кэммингс, романист и поэт; Огден Нэш, бесспорный глава американской легкой поэзии.

Кружке поэзии Еврейского общества молодых людей, на Лексингтон-авеню».

«Давай попросим его наговорить пластинку», — сказала Марианна.

Девушки пошли на вечер Томаса. Публики было много, и им не удалось добраться до поэта. Тогда они упросили одного из билетеров передать записку, в которой (обозначив свои имена инициалами, чтобы скрыть свой пол) было сказано: «Мы хотели бы поговорить с вами по делу». Билетер пробрался сквозь толпу и передал девушкам ответ: Томас предлагал позвонить ему в гостиницу. Несколько дней они тшечно звонили ему: Томас был типичным представителем богемы, и деловой телефонный звонок мало интересовал его. Все-таки, в конце концов, встреча за завтраком состоялась. Наивные девушки позволили Томасу заплатить по счету: это был, вероятно, единственный случай в наше время, когда поэт, приглашенный для деловых переговоров, сам заплатил за завтрак. «Но мы его убедили наговорить пластинку», — говорит Барбара.

Девушки хорошо понимали, какая именно звукозапись нужна им: они хотели, чтобы голос Томаса звучал естественно и «как живой». Поэтому они сделали запись не в студии, которая, по их мнению, «приглушила бы» звук, а сняли камерный концертный зал «Стейнвейхолл». Каждый сеанс звукозаписи длился от трех до четырех часов. Томас читал свои любимые произведения вразбивку, как они попадались ему в изданных его книгах. Девушки превратили ленточные фонограммы в матрицы и для начала заказали по несколько сот пластинок с записью каждого выступления.

Пластинки сразу же пошли хорошо. «Мы сообщили магазинам, что у нас есть такие пластинки, и магазины стали их покупать», — лаконически говорит Барбара. Девушки сняли небольшую контору, одолжили у знакомых два стула и стол и начали «дело». Их небольшой запас пластинок (только два номера) разошелся так стремительно, что вскоре понадобилось заказать новые партии. Некоторые нью-йоркские магазины, не дожидаясь, пока им пришлют пластинки обычным путем, стали отправлять в «Кэдмон» посыльных по несколько раз в день.

Девушки понимали, что надо торопиться и реализовать идею, пока она нова. Они заказали почтовую бумагу с печатными заголовками фирмы и использовали первые три листа для писем Томасу Манну, э. э. кэммингсу и Арчибалду Маклишу, каждому из которых они правдиво сообщили, что ведут переговоры с обоими другими.

Некоторое время спустя все трое подписали контракт с фирмой «Кэдмон». Манн был первым. Марианна полетела в Калифорнию, чтобы записать на пластинку выступление знаменитого немецкого романиста. Внуки и внучки писателя торжественно выстроились, чтобы с

должным почетом принять «важную даму из Нью-Йорка», оказавшуюся маленькой девушкой двадцати лет с лишним.

Обе девушки признают с обезоруживающей откровенностью: то, что они девушки, помогло им поставить дело на ноги. «Очень просто, — говорит Барбара: — у нас были поклонники, молодые люди, и когда у нас не было ни гроша в кармане, они приглашали нас пообедать в ресторане».

Когда дело пошло, девушки переехали в более просторное помещение напротив старой конторы. Несколько месяцев подряд они ставили молодых людей работать по вечерам, и те прилаживали полки для товара и упаковывали заказы. Другие помогали юридическими советами и вели бухгалтерию. Один из продавцов ссудил деньги на уплату авансов авторам.

Владелец крупного нью-йоркского магазина хотел закупить партию пластинок с тем, чтобы продавать их по крайне низким ценам. Девушки отказались. И вот, однажды, когда до зарезу понадобились деньги для оплаты новых пластинок, Марианна позвонила по телефону владельцу этого магазина и спросила его, не согласится ли он одолжить деньги фирме «Кэдмон». Он рассмеялся и дал деньги, несмотря на то, что девушки по-прежнему отказывались продавать ему пластинки. «Будь я мужчиной, мне, наверное, было бы труднее позвонить ему», — задумчиво говорит Марианна.

Девушки любят путешествовать и часто привозят с собой звукозаписи на иностранных языках. Пластинки на иностранных языках раскупаются лишь немногим хуже английских: школы покупают их для учеников, изучающих языки. Кроме того, такие пластинки дают фирме возможность сбывать продукцию за границей. Недавно девушки записали на пластинку голос своего бывшего профессора греческого языка в Хэнтер-колледже: он прочел, на греческом языке, отрывки из Гомера. «Кэдмон» нарушил таким образом все общепринятые представления о «ходком товаре». «Пластинка должна пойти, — говорит Марианна. — Тысячи студентов, изучающих греческий язык, будут ей рады, а то, что она на древнегреческом языке, делает ее международной и устраняет препятствия, создаваемые различием языков. Все, что нам искренне нравится, всегда раскупается».

В настоящее время в каталоге «Кэдмон» имеется около тридцати пяти различных названий; среди них есть пластинки, наговоренные драматургом Теннесси Уильямсом, поэтами Осбертом и Эдит Ситуэлл и артисткой Джудит Андерсон, читающей стихи Эдны Сент-Винсент Милле. Фирмой выпущены две пластинки с классическими английскими стихами, прочитанными группой артистов, и записаны два из «Кентерберийских рассказов» Чосера, разумеется на средневековом английском языке оригинала. «Чем серьезнее вещь, тем лучше

она идет, — твердят девушки, — что бы там ни говорилось о вкусе публики. Люди склонны слушать серьезные вещи повторно, вводя их в круг своей повседневной жизни».

Недавно «Кэдмон» приобрел право записать на пластинки проповеди Питера Маршалла, уважаемого (ныне покойного) капеллана Сената США. Незадолго до смерти Маршалла его голос был несколько раз записан на ленту в его приходской вашингтонской церкви.

Хотя девушки пользуются технической помощью специалистов, они сами все же принимают деятельное участие в звукозаписи и стараются передать в ней характерную для каждого автора звуковую окраску. Они убедились, что оттенки голоса наговаривающего пластинку изменяются в зависимости от того, где он находится, в углу комнаты или ближе к ее середине, и что таким образом можно создать впечатление, будто автор читает свои произведения в домашней обстановке или же декламирует в театре.

При звукозаписи они пользуются лишь немногими дополнительными звуковыми эффектами: «Мы хотим, чтобы каждое выступление звучало как можно естественнее, и ничего не добавляем только ради эффекта». Они собираются выпустить детскую серию, которая будет состоять только из настоящих литературных произведений, а не из «слащавой страпни». Базиль Ратбон прочитает детские сказки Оскара Уайльда, а Борис Карлов — «Вот так сказки!» Киплинга.

Время от времени в «Кэдмон» заходят представители старых фирм, выпускающих граммофонные пластинки, и предлагают продать им фирму. «Мы всегда просим их удалиться», — говорят девушки. Заходят в контору и крупные дельцы с грандиозными планами превращения «Кэдмона» в многомиллионное предприятие. «Мы не понимаем этих людей, — замечает Марианна. — Они работают на ином вольтже, чем наш».

«Мы делаем хорошее дело, — спокойно говорит Барбара. — И мы будем его делать, пока можем. Мы не будем ни халтурить, ни предпринимать чего-либо сверх наших способностей. Мы не хотим быть предприятием-гигантом».

Я стал расспрашивать девушек: чего ради они так много работают, если не хотят стать «предприятием-гигантом»?

«Послушайте, — сказала Барбара. — Когда я была маленькой, моей величайшей страстью было чтение. Я мечтала разбогатеть, иметь собственный дом в деревне и по целым дням читать у себя в кабинете. Мои теперешние занятия — почти осуществление этой мечты. Я читаю, разыскиваю вещи для записи на пластинках и провожу время с поэтами и писателями, которых я уважаю. Я работаю с ними. Ничего лучшего я не могла бы пожелать, будь у меня даже несметные богатства».

Сезон сидра

ФОТО ЛАРРИ ЭВАНСА

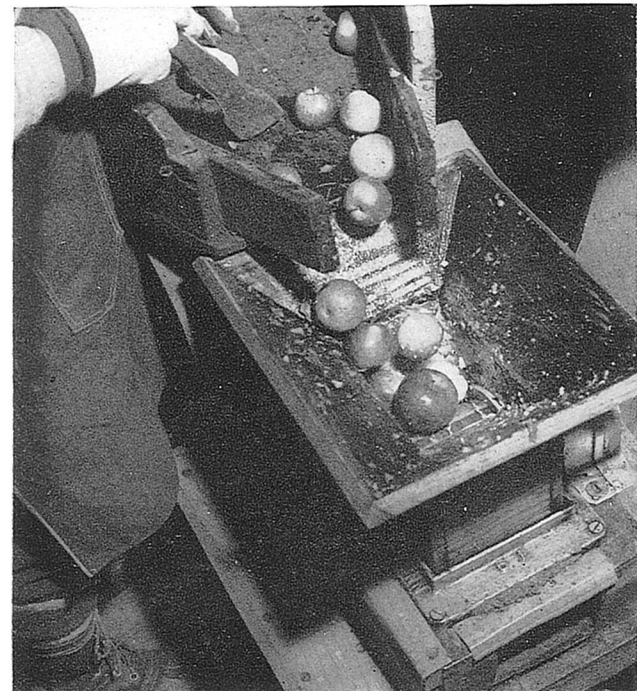
Сезон сидра — время отдыха и веселья. Это известно каждому, кто живет среди яблоневых садов. Сидр наполняет стаканы и чашки сладким соком с пикантно-терпким привкусом и к концу сбора урожая является обязательным напитком в дни осенних праздников с традиционными песнями и плясками (справа). Как только заканчивается страда уборки урожая, начинается сбор яблок для сидра. Обычно это так называемая «падалица», т. е. яблоки, упавшие с деревьев; их отвозят на местную давяльную, а то кладут и под домашний пресс. Яблочный сок, текущий через нижнее отверстие пресса, процеживается сквозь чистую марлю и разливается по кувшинам. После этого, в течение всей осени, бочонки и кувшины с сидром неизменно сопутствуют собраниям и встречам людей по любому поводу.

В конце осени яблочный сок, утрачивая сладость, становится хмельным и вызывает, подобно вину, особо приподнятое настроение у собутыльников. По наступлении зимних холодов, сидр, оставленный на произвол судьбы, частично замерзает, давая крепкий напиток с высоким содержанием алкоголя: это и есть яблочная водка — любимый «сотоварищ» в борьбе с зимней непогодой. Сидр можно подвергать и перегонке для получения водки. Оба напитка порождают у многих мысли о том, что в мире следовало бы выращивать побольше яблок.

Любимое времяпрепровождение молодежи: собирать яблоки и при этом лакомиться (слева). Соседи и друзья помогают сортировать яблоки (внизу).

Северо-восточная часть США — крупнейший район производства сидра. На снимке: нью-хампширские яблоки ждут отправки в давяльную.

Перед тем, как попасть под пресс, яблоки измельчаются. Стебли, кожура, сердцевина и зернышки — все придает особый вкус соку.

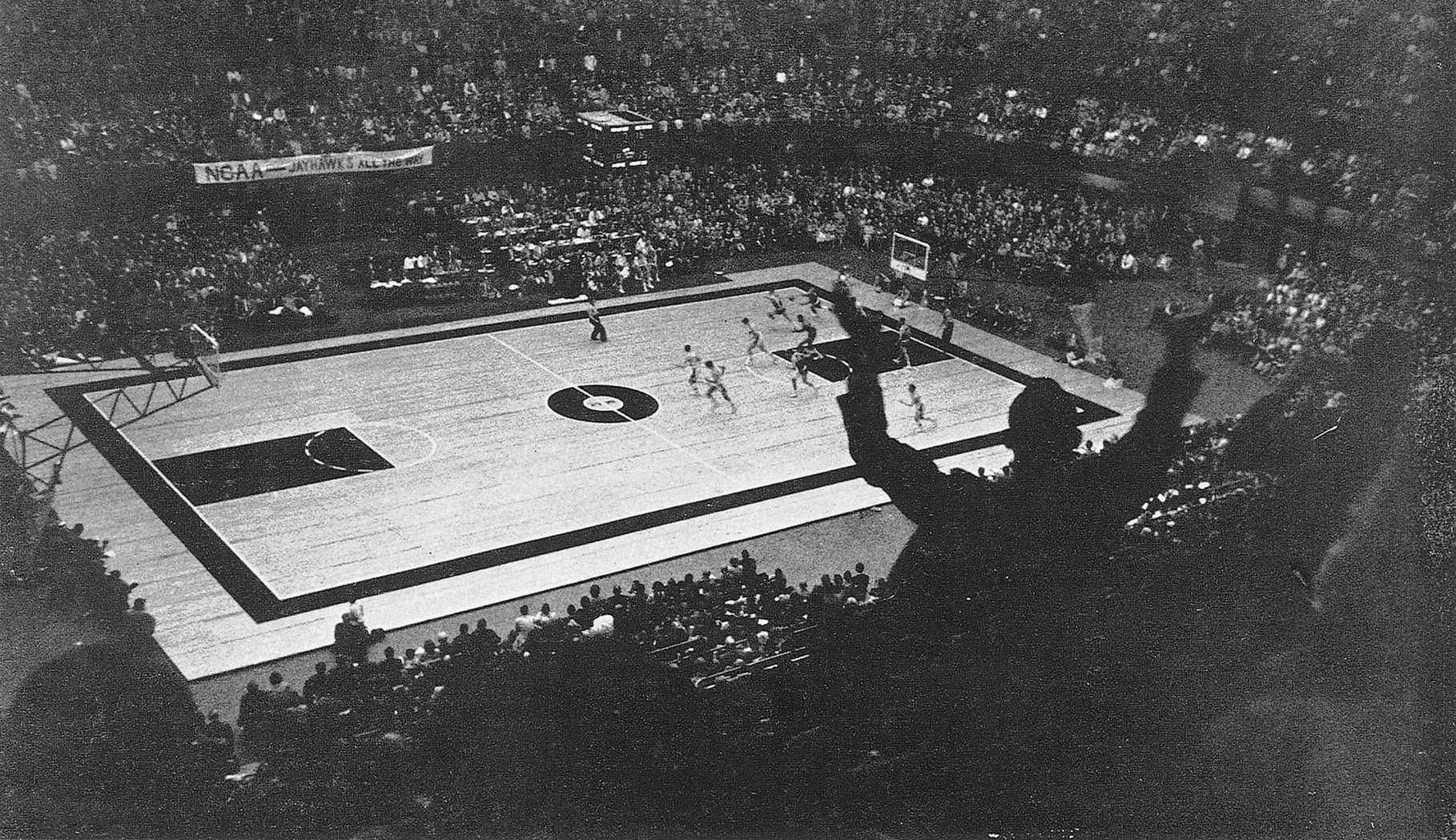

Некоторые знатоки любят пить сидр прямо из-под пресса (вверху). Другие предпочитают пить его из кувшинов на давяльне (внизу).

Танцевать гораздо веселее, когда на столах, кроме кофе, пончиков, всевозможных закусок и разного печенья, стоят кувшины со сладким сидром.

САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ МАТЧ СЕЗОНА

ДОНАЛД У. ЛИФ

Город Канзас-Сити, лежащий почти в самом центре Соединенных Штатов, часто называют «сердцем Америки». Животноводство и сельское хозяйство сделали этот город важным торговым центром. Но на несколько лихорадочных дней в конце марта Канзас-Сити — столица мясной промышленности — превращается в баскетбольную столицу Соединенных Штатов. В эти дни для миллионов любителей спорта город оправдывает свое название: он на самом деле становится «сердцем Америки».

Причиной этого оживления служит ежегодный финальный матч баскетбольного турнира, организуемого Общеамериканским студенческим спортивным объединением. Четыре лучшие университетские команды, одержавшие победу на соревнованиях местных лиг и завоевавшие затем районное первенство, съезжаются в Канзас-Сити на решающий бой. Одна из четырех команд покидает город, увенчанная лаврами чемпиона страны.

Уже с декабря, четыре месяца сряду, в тысячах спортивных залов раздаются гулкие удары кожаных мячей о паркет, топот быстрых ног, несущихся к победе — или поражению, и несдержанные крики зрителей — любителей этой своеобразной игры, изобретенной одним американским врачом, как «новое упражнение в закрытом помещении», и ставшей ныне одним

из самых популярных видов группового спорта в мире.

Четыре месяца сряду «баскетбольной лихорадкой» болеют миллионы жертв, которые, однако, только упиваются своей болезнью. Безграничная преданность любимой команде, безудержное ликование после ее побед и безысходное отчаяние при ее поражении — вот симптомы этой болезни. Нет ничего удивительного в том, что после столь длительного периода городом Канзас-Сити овладевает совершенно невероятное беспокойство и волнение в дни финального матча.

В четверг, накануне начала состязаний, тысячи людей устремляются в город, заполняя улицы, гостиницы и рестораны. Среди приезжих вы найдете четыреста баскетбольных тренеров, съехавших сюда со всех концов страны, десятка три-четыре сотрудников спортивных отделов главных газет и журналов и сотни студентов, совершивших путешествие в несколько сот километров, нередко без входных билетов, но с непоколебимой верой в чудо, которое поможет им попасть в «Городской аудиториум» и увидеть игру воочию, а не по телевизору. По словам организаторов состязаний, свыше 50.000 человек пытались в этом году заказать билеты — но зал, к несчастью, вмещает лишь 10.500 зрителей.

Во второй половине дня в четверг игроки четырех лучших ко-

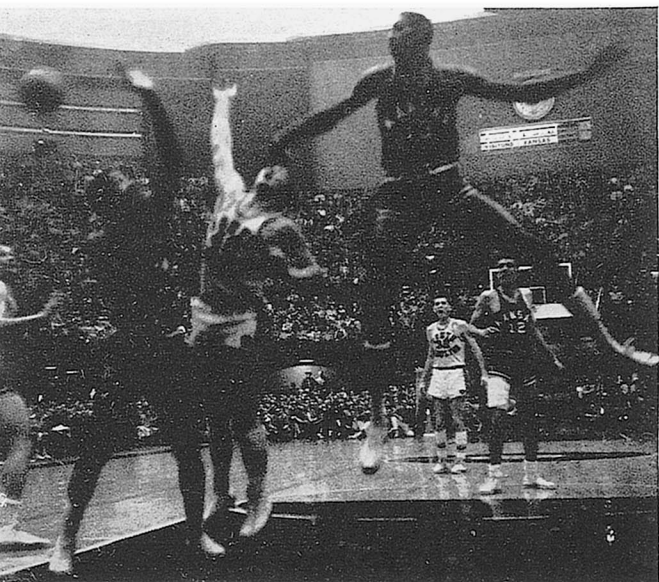
манд, представляющих университеты штата Мичиган, Северной Каролины, Канзаса и Сан-Франциско, тренируются под зорким оком своих тренеров в помещении Аудиториума.

Но после занятий для игроков начинается настоящая пытка: им предстоит умышленно принуждать себя к отдыху до начала завтрашней игры. Многие направляются в кино; другие остаются в гостиницах, стараются вздремнуть или смотрят телевизионные передачи. Некоторые идут к товарищам по университету — поболтать о студенческой жизни. Помимо самих игроков, во всем Канзас-Сити нет, пожалуй, ни одного человека, который бы старался в этот вечер отбросить всякую мысль о баскетболе.

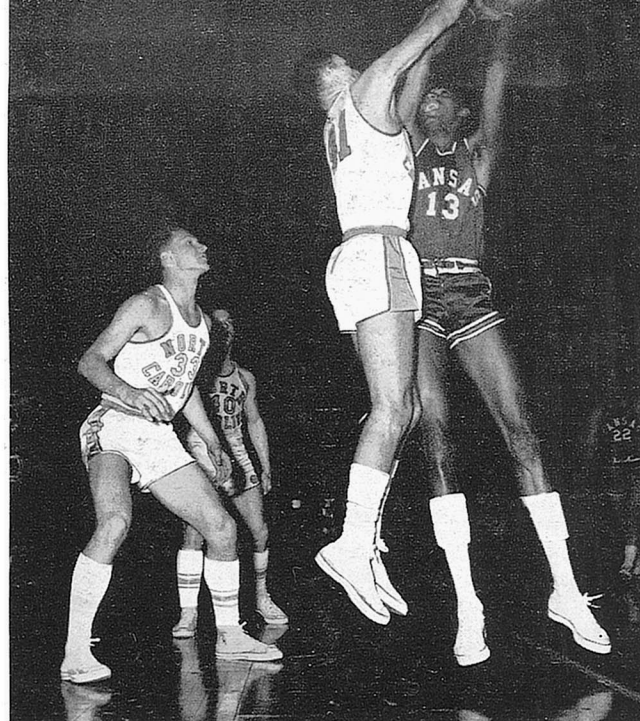
Ровно через сутки, в пятницу вечером, четыре команды делятся на пары для двух полуфинальных игр, а в субботу вечером между победителями начнется розыгрыш первенства. Незадолго до начала игры счастливые обладатели билетов постепенно собираются перед приземистым, массивным зданием Аудиториума. В воздухе — гул голосов, как это и полагается при всяком большом сборище любителей спорта. Влизится начало первой игры — между Северной Каролиной и Мичиганом; зрители проходят внутрь здания и занимают свои места — кто поближе к площадке, а кто и под самой крышей.

Еще до выхода команд «лидеры болельщиков» — девушки и юноши, в традиционных цветах своих университетов, с шумом и гиканьем начинают прыгать перед рядами товарищей по университету, выкрикивая в рупоры подбадривающие лозунги. «Даем паровоз!» — вопят вожаки мичиганцев. Сотни голосов, все в унисон, медленно, по слогам, вызывают к любимой команде: «СПАР — ТАН — ЦЫ!» — каждый звук вырывается с шумом отходящего паровоза. Затем быстрее и громче: «СПАР — ТАН — ЦЫ!» Наконец, на всех парах: «СПАР-ТАН-ЦЫ!» Затем раздаются дикие вопли и неистовые аплодисменты, и под этот гвалт перед трибунами кружатся и прыгают вожаки болельщиков, проделывая гимнастические движения в вихревом темпе. Другие поднимают плакаты, возвещающие непобедимость любимых команд. И вот, с боковой стороны легкой рысцой выбегают Тар-Хилсы — команда университета Северной Каролины; игроки одеты в белую с синим форму. За ними, в белом с зеленым, следуют Спартанцы — команда университета штата Мичиган. При появлении игроков стены зала содрожатся от оглушительного крика соперничающих сторон.

После короткой разминки игроки выходят, в ожидании вызова, за боковые линии. Каждого спортсмена вызывают по фамилии, и,

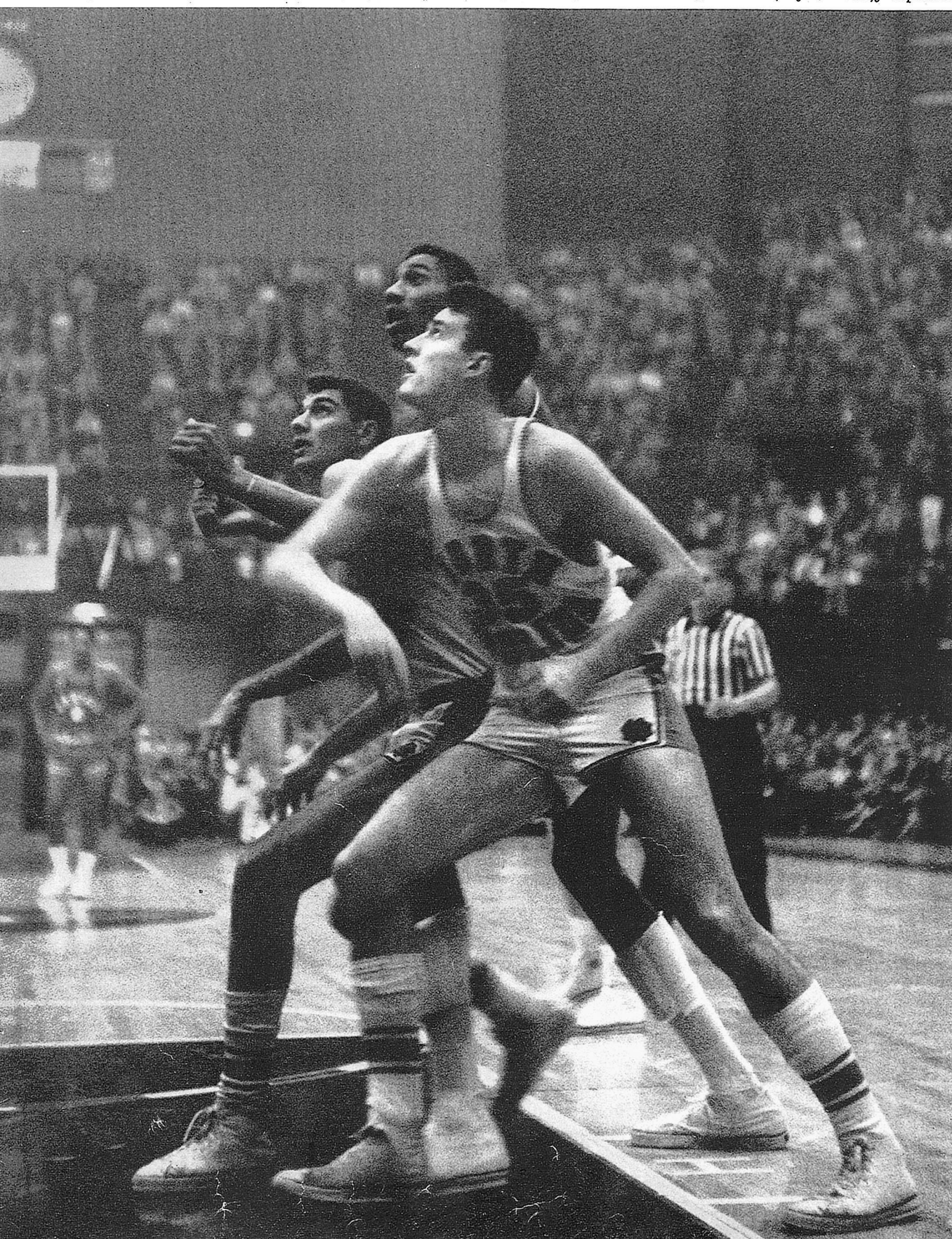

С высокого прыжка, Чемберлен сильным броском через головы противников передает мяч своему партнеру.

Борьба за отскок: центральный нападающий Чемберлен отбивает мяч у защитника Северной Каролины.

Острый момент игры: взоры Розенблута, Чемберлена и Бреннана прикованы к мячу, скользящему по кольцу корзины.

когда тот выбегает, его встречает многоголосый рев. Громче всего кричат при появлении высокого — 195 сантиметров — и стройного Леонарда Розенблута; этот превосходный игрок в течение всего сезона вел Северную Каролину в тридцати играх от победы к победе, без единого поражения, набрав в среднем 28 очков за игру. Несколько раз, когда его команда была на волосок от проигрыша, мастерские броски Розенблута спасали положение.

Северная Каролина грозна для противника еще по двум причинам: во-первых, потому что у нее есть Франк Макгуайр — опытный тренер, подготовивший не одну блестящую команду, и человек большой силы воли, и, во-вторых, потому что сама эта команда никогда, даже в самые острые моменты игры, не терпит присутствия духа. Эти факторы заставляют большинство тренеров и журналистов считать Северную Каролину самым сильным баскетбольным коллективом страны.

Хотя ни один игрок из университета штата Мичиган и не привлекает к себе такого внимания, как Розенблут, однако хорошо известно, что во второй половине нынешнего сезона мичиганская команда продемонстрировала большую выносливость и вышла на первое место не только в первичных, но и в напряженных районных соревнованиях, завоевав себе право на участие в финале. Спартанцы без особого шума и без звезд первой величины добились превосходной спайки, и некоторые наблюдатели видят в них очень серьезных претендентов на общеамериканское первенство.

С самого начала игры Мичиган ничуть не уступает Северной Каролине, несомненному кандидату в чемпионы, по мнению подавляющего большинства зрителей, и уже к концу первой половины игры большая часть многотысячной аудитории сопровождает одобрительными возгласами каждое движение «слабосильных» мичиганцев. Обе команды, создавая плотную защиту и отвечая контрударом на каждый удар, ведут равный счет. Это продолжается до тех пор, пока самому высокому игроку Северной Каролины, допустившему пятое нарушение правил, не приходится покинуть площадку. По правилам американских университетских клубов, игрок может совершить пять нарушений, случайных или преднамеренных, после чего его удаляют с поля до конца игры. Воспользовавшись ослаблением противника, Спартанцы добиваются перевеса на пять очков.

По залу проходит волнение: неужели Северная Каролина потеряет выдержку, — именно то ценнейшее качество, благодаря которому она так часто выходила победительницей из жестоких схваток?

Словно в ответ на это, Северная Каролина прибегает к одному из самых хитроумных и опасных маневров: к сокрушительному натиску по всему фронту. Вместо того, чтобы сосредоточивать защиту у своей корзины и тем самым давать

возможность Спартанцам развертывать наступательные действия на своей половине площадки, Северная Каролина поручает каждому игроку всюду преследовать своих противников. При удаче, такой прием дает ряд преимуществ: замедляет нападение, усложняет положение завладевшего мячом игрока и его связь с напарником, а также вызывает промахи противника. Все это становится очевидным, особенно когда Розенблуту удается перехватить мяч и, метнув его в корзину, снова добиться перевеса. Но в последнюю минуту, когда время уже истекает, упорный Мичиган в шестнадцатый раз выравнивает счет.

Даются добавочные пять минут, но и они не приносят никаких изменений в счете. Вторые пять минут. Безрезультатно. Третья отсрочка — и теперь напряжение достигает крайних пределов, накаляя нервы не только игроков, но и зрителей.

На этот раз Розенблут быстро кладет мячи с двух великолепных высоких прыжков, — и счет уже уравнивать невозможно: игра кончается с результатом 74:70. Северная Каролина отразила натиск неукротимой, как казалось, команды университета штата Мичиган. На долю Розенблута за эту игру приходится 31 очко.

Как и полагается любителям спорта, расходящиеся зрители оживленно обсуждают важнейшие моменты игры. Спортивные обозреватели лихорадочно строчат корреспонденции. И только в скорбной атмосфере разведальки побежденных разговоры об игре неизбежно начинаются горьким «если бы...» Игроки постепенно уходят, и, сдерживая волнение, молодежавый Форрест Андерсон, тренер мичиганцев, обращается к присутствующим: «Я так же горжусь этой командой, как гордился бы ею в случае победы». Ответив на несколько вопросов об игроках команды, он заключает: «Пожалуй, это был самый успешный сезон за всю мою тренерскую практику. Во всяком случае — самый радостный. Ни с одним коллективом я не был так тесно связан, как с этим. Мы еще покажем, на что способны!» — обещает он, прощаясь.

Подходит время второй игры: Канзасский университет против университета Сан-Франциско. По баскетболу Канзасский университет считается сейчас вторым в стране, уступая только Северной Каролине, и имеет своего чемпиона — девятнадцатилетнего второкурсника Уилтона Чемберлена. Имя этого игрока, набирающего в среднем 30 очков за игру, не сходило с уст любителей баскетбола в Соединенных Штатах.

Без преувеличения можно сказать, что присутствие Чемберлена на поле игры затмевает все остальное. Когда этот великан в 213 сантиметров ростом выбегает рысцой на ярко освещенную арену, толпа преисполняется уважением. Среди студентов-баскетболистов не раз встречались талантливые великаны, но далеко не все в его годы обладали такой ловкостью, быстротой и уверенностью.

Именно мастерство Чемберлена и та популярность, которой пользуется в Канзас-Сити «своя» команда (Канзасский университет находится всего в 32 километрах от города) порождает в зрителях надежду, что звание чемпиона страны перейдет к канзасцам. У тренера команды Ричарда Харпа, работающего с нею первый год, немало хороших игроков помимо Чемберлена, и весь коллектив настроен бодро и уверенно.

Если один только вид Чемберлена вселяет трепет, то его действия с самого начала игры не поддаются описанию. Работая под щитом, он создает смертельную опасность для противника: в нападении он бьет короткими, удивительно меткими бросками прямо по корзине, а в защите он прыгает выше корзины и перехватывает отскочивший от щита мяч. В течение всего сезона Чемберлен выводит из равновесия и заставляет терпеть поражения даже команды, считавшиеся совершенно первоклассными.

Стремительный натиск, при котором два, три, а то и четыре игрока проносятся через площадку к корзине, требует точности и быстроты; лидером такой атаки обычно бывает игрок среднего роста. В команде Канзаса, наоборот, нападение ведет Чемберлен. Размахивая, не без грации, длинными руками, он устремляется вперед четырехметровыми скачками и передает мяч резким и необыкновенно метким броском.

В защите Чемберлен также замечательный игрок. Благодаря ловкой работе рук и молниеносным рефлексам, его игра на первый взгляд кажется очень простой, в действительности же она является чудом быстроты и координации движений.

Одна из встреч с Сан-Франциско вызывает восхищение даже искушенных зрителей. К корзине семенил маленький, юркий и быстрый игрок Сан-Франциско и делает бросок, но в это время Чемберлен, оставив своего противника, бьет по мячу, когда тот уже повисает над корзиной, и предотвращает попадание. Но, прежде чем мяч коснулся пола, длинная рука Чемберлена подхватывает его и передает партнеру: перед нами смена почти инстинктивных движений изумительной согласованности. Не приходится удивляться, что один спортивный обозреватель как-то написал: «Этот гибкий великан создан для баскетбола, как штопор — для пробки, а орел — для полета».

Мало, что может сделать Сан-Франциско для своей защиты от исключительной игры Чемберлена и отличной техники остальных канзасцев. Встреча кончается с результатом 80:56, и большинство зрителей склонно думать, что Канзас провел одну из самых блестящих игр в сезоне.

Полуфинал окончен, и завтра вечером между Северной Каролиной, выдержавшей серьезное испытание в затянувшейся игре, и сильным, невозмутимо спокойным Канзасом состоится финальная встреча на первенство страны. У Северной Каролины много забот. Прежде всего, она озабочена тем, как спра-

виться с Чемберленом. И даже если это возможно, — как сдерживать натиск остальных сильнейших игроков Канзаса? Каждый ломает голову над задачей, стоящей перед Макгуайром, тренером Северной Каролины.

Быть может, он попытается вести игру в быстром темпе и, с самого начала добившись перевеса, деморализовать противника? Вряд ли: Канзас сам с большим успехом применял эту тактику против Сан-Франциско. Кроме того, такой план может оказаться не под силу каролинцам: ведь они только что вышли из острой, напряженной и продолжительной борьбы. Может быть, в противовес быстрому натиску канзасцев, Макгуайр избрет медленный темп игры? Последнее кажется наиболее вероятным, хотя канзасские болельщики, непоколебимо верящие в победу своей команды, и замечают язвительно: «А что, если Канзас не пойдет на такую игру?»

В субботу хлынул ливень. Над городом мрачно нависли тучи. На улицах народа не слишком много. Многие из приезжих спят до позднего часа. Все дожидаются того момента, когда начнется решающая встреча, давно уже считавшаяся неизбежной: Тар-Хилсы Северной Каролины против Канзаса, броски Розенблута против Чемберлена, тренер Макгуайр против тренера Харпа. Наступает последнее заключительное действие драмы, разыгрывавшейся в течение четырех месяцев. Вокруг как будто все то же, что и вчера: спортсмены, площадка, зрители, шумные приветствия, аплодисменты, представление игроков собравшимся, — но на самом деле все иное: сегодня начнется борьба за первенство страны!

Как и перед всякой игрой, спортсмены обмениваются шутками, выбегают на площадку, упражняются в излюбленных бросках по корзине. Но их напускное равнодушие малоубедительно. На руках выступает пот, ноги не слушаются, в горле, несмотря на жевательную резинку, пересохло.

Судья бросает мяч, и Чемберлен, как и следовало ожидать, ловит его и передает товарищу. Характер игры обозначается с самого начала. Северная Каролина, учитывая наличие очень высокого первоклассного игрока в команде противника, применяет обыкновенную в таких случаях защиту по принципу: игрок против игрока, и когда можно опасаться передачи мяча Чемберлену и его броска, вся пятерка быстро отходит к щиту, чтобы предотвратить попадание или перехватить мяч. В течение трех минут эта тактика полностью оправдывает себя и заставляет канзасских болельщиков беспокойно ерзать на своих местах.

В отличие от Северной Каролины, Канзас применяет зонную защиту из четырех человек: вся четверка следует за мячом, а пятый игрок держится как можно ближе к корзине для отражения опасных бросков Розенблута. Маневр интересный, но, на несчастье Канзаса, из него ничего не выходит.

Не приближаясь к корзине и не ускоряя темпа, неутомимые Тар-Хилсы, с невероятной выдержкой и осторожностью, передают мяч из рук в руки, пока один из игроков внезапно не вырывается вперед: он принимает хорошо поданный мяч и делает меткий бросок. Применяя этот превосходный метод нападения, четыре игрока Северной Каролины вскоре набирают очки.

Проходит пять томительных минут, прежде чем Канзас не забывает первый мяч; Чемберлену удается подняться над целым лесом рук и ног и втолкнуть мяч в корзину рикошетом от щита.

Наконец, пять минут спустя, Северная Каролина в первый раз за всю игру делает неудачный бросок по корзине. К этому времени Канзас, отказавшись от зонной защиты, также переходит на систему игрок против игрока.

В конце первой половины на каждый удар следует ответный, и игра кончается со счетом 29:22 в пользу Северной Каролины. Во время перерыва объявляется процентное соотношение числа брос-

Новые чемпионы окружены толпой неистово ликующих поклонников.

ков к числу попаданий: у каролинцев 65 процентов — цифра, неслыханная в истории баскетбольных матчей.

Во второй половине, самый высокий игрок Северной Каролины Джо Куингг (208 см.) играет против еще более высокого Чемберлена. Куингг становится подальше от корзины, надеясь, что великан Канзаса тоже выйдет вперед и, таким образом, лишится отчасти своего преимущества: перехватывать случайные мячи и с легкостью бросать их в корзину. Надежды Куингга оправдываются лишь частично, так как остальные канзасские игроки входят, наконец, в свою роль; и, после двух попаданий Мориса Кинга (одно было сделано с дальней дистанции двумя руками, другое — красивым прыжком), Канзас впервые за эту игру получает перевес. Большинство зрителей, и без того уже болеющих за Канзас, в порыве бурного восторга вскакивают с мест.

Даже команда с прекрасной подготовкой и большой выдержкой не устояла бы под сильным и смелым натиском Канзаса. Но суждение это не относится к Розенблуту. Он прорывает плотную защиту Канзаса и из-под самого щита посылает мяч в корзину.

В ответ на это Чемберлен, приняв высокую передачу и кружась волчком, также забивает мяч. Теперь, при каждой попытке великана перехватить мяч, ему приходится преодолевать защиту из трех человек.

Как и в начале игры, Северная Каролина прибегает к своей старой системе нападения, переплетая комбинациями все поле и надеясь образовать брешь для меткого броска по корзине. Необходима сугубая осторожность и безупречная тактика, но когда каролинцы прорывают оборону, мяч отскакивает от кольца и попадает в руки канзасцев.

До конца игры остается лишь семь минут; Канзас на три очка впереди — 40:37; главная тройка каролинцев играет весьма сдержанно, так как на совести у каждого по три предупреждения: у рослого

защитника Куингга, у лучшего по броскам — Розенблута и у Тома Кернса, невысокого ловкача, напоминающего своей дерзкой отвагой партизана в тылу врага. Именно Кернс предсказывал накануне игры: «Вчера перед Чемберленом дрожал Сан-Франциско, но нас он не запугает».

Теперь Канзас сбавляет темп игры. Продолжая идти впереди, он провоцирует Северную Каролину на новое нарушение, возможное при попытке отбить мяч. Стоит только Розенблуту, Кернсу или Куинггу выйти из строя — и положение Канзаса улучшится. Как бы издеваясь над противником, двое канзасцев, на самой середине площадки, перебрасывают мяч взад и вперед, и каролинцы, несколько растерявшись, не смеют рискнуть, чтобы отнять его. Это умышленное замедление тянется две минуты. Зрители замирают в ожидании исхода.

Но тут Розенблут делает грубейшую ошибку и попадает на удочку Канзаса: в тот момент, когда один из канзасцев меняет позицию, Розенблут жадно бросается за мячом и натывается на спину игрока. В рев изумленной толпы врзается резкий свисток судьи. Розенблуту делается четвертое предупреждение; еще одно — и Северная Каролина лишится спортсмена, неоднократно выручавшего ее в критические моменты игры. Не проходит и минуты, как один из канзасцев, подлетев к корзине и метнув мяч, сталкивается с Розенблутом по вине последнего, который — как это ни горестно сторонникам каролинцев — должен выйти из игры.

Розенблут удаляется к скамье своей команды. Зрители встанут и устраивают ему овацию. Бесконечным разнообразием бросков он набрал за эту игру 20 очков — почти половину общего счета каролинцев. Кроме того, благодаря великолепным по точности передачам мяча, он обеспечил ряд других попаданий. Все присутствующие, даже поклонники Канзаса, воздают должное первоклассному мастеру.

Канзасцы сияют. Да оно и понятно: ловких нападения Розен-

блута бояться уже не надо, времени осталось лишь 90 секунд, три очка в запасе — сомнений нет, победа обеспечена!

Однако, даже потеряв ведущего игрока и отстав на три очка, команда Северной Каролины сохраняет полное хладнокровие. Коренастый Кернс, игрок с железными нервами, пулей вырывается вперед. Мяч в корзине. Разница в счете — одно очко.

Канзас парирует удар: Морис Кинг двумя попаданиями с штрафной линии снова добивается перевеса в три очка — 46:43. Но каролинец Куингг блестящим дальним броском с прыжка мстит Канзасу. 46:45.

Как мощный мотоцикл, к щиту снова мчится Кернс и, всего лишь за 20 секунд до заключительного сигнала, вызывает со стороны длиннорукого Чемберлена новое нарушение. Кернс получает право на два штрафных броска. Если оба мяча пройдут сквозь кольцо, Северная Каролина окажется на одно очко впереди.

Первый мяч летит в корзину, уравнивая счет — 46:46. Кернс собирается с силами для второго броска. Ответственность настолько велика, что даже самоуверенному Кернсу не по себе. На многолюдных трибунах, в рядах прессы и на скамьях команд все затаили дыхание. Кернс несколько раз ударяет по мячу и, легко подхватив его, становится поудобнее, нацеливается... Бросок — и мяч летит мимо!

С последней надеждой игроки набрасываются на мяч, но резкий гудок извещает об истечении времени. Результат игры все еще ничейный. Тяжелый вздох вырывается из 10.500 грудей.

Зрители в недоумении глядят друг на друга. Они не верят себе: за все девятнадцать лет финальных игр студенческого баскетбола ни разу не давалось добавочного времени. А тут — два вечера подряд! Атмосфера в накуреном помещении накаляется.

Напряжение отражается на игре: допускаются ошибки, зевки, команды теряют мячи. В результате первой пятиминутной отсрочки обе стороны набирают лишь по два очка. 48:48. Вторые пять минут. Напряжение все растет. Каждый шаг может быть решающим. Но счет остается прежним.

Третья отсрочка. Канзас опять начинает обработку мяча, но вскоре его теряет. Кернс, как голодный зверь, бросается к корзине и забивает мяч. Раздается вопль восторга. 50:48. Вот мяч из рук канзасского игрока летит к кольцу — и, под общий стон разочарования, выкатывается обратно. Между тем на Кернса снова кто-то натолкнулся, и он кладет оба штрафных мяча. Теперь у Северной Каролины на четыре очка больше, и в последний момент игры эта разница уводит каролинцев в область недостижимых альпийских вершин.

Однако у Канзаса есть еще время, и Чемберлен ухитряется двумя попаданиями (одним — с поля, другим — со штрафной черты) уменьшить разницу в счете до одного очка.

В следующую минуту зрители

снова переживают сильнейшее волнение: Канзас кладет два штрафных мяча и получает перевес на одно очко! Остается двадцать восемь секунд. Неужели это конец? Шум, звонки, крики, свистки и аплодисменты превращают огромный зал в сумасшедший дом.

Истериические вопли достигают предела, и в это время десять молодых спортсменов, кажущихся с верхних рядов скамей крошечными куколками, в каком-то иступлении доигрывают последние шесть секунд. Кто-то налетает на Джо Куингга. По возможности сохраняя внешнее спокойствие, он два раза попадает со штрафной линии в корзину и награждает Тар-Хилсов Северной Каролины последним преимуществом в счете. С отчаянья Канзас посылает мяч через всю площадку, но словно выросший из-под земли вездесущий Кернс перехватывает его и с восторженным смехом швыряет под потолок. Там, над головой зрителей, стрелка гигантских часов показывает, что время истекло. Еще мяч не успевает коснуться пола, как раздается сигнал, заканчивающий одно из самых достопамятных в истории студенческого баскетбола состязаний.

В зале царит кромешный ад. С оглушительным ревом сотни студентов стекаются к площадке, к ликующим Тар-Хилсам. Тренера Франка Макгуайра толпа несет на руках.

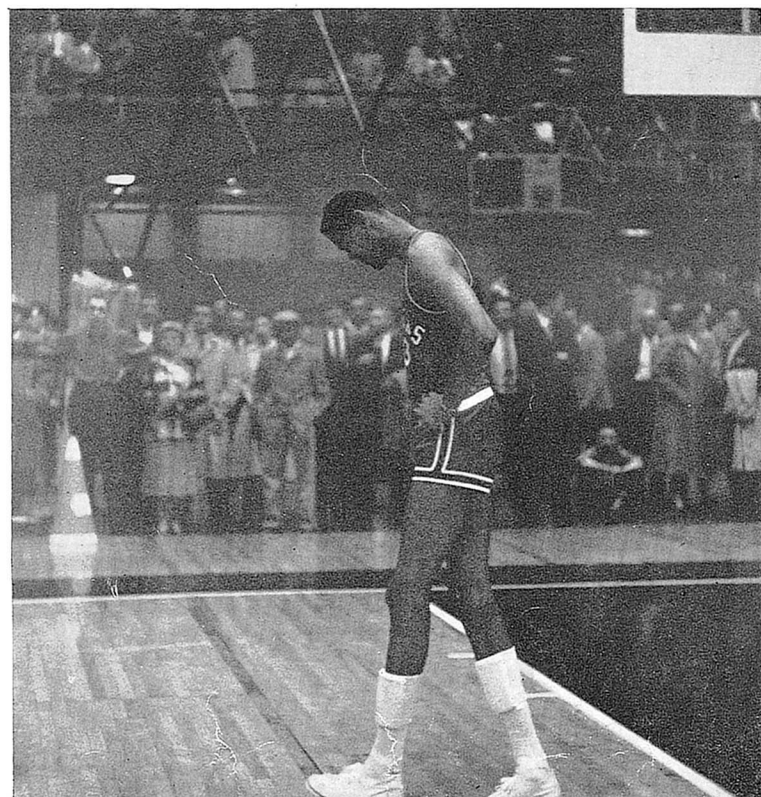
Пришел конец всяким догадкам и сомнениям. Во все концы страны летят длиннейшие корреспонденции с описанием игры. Телеграфисты выстукивают новость ближним и дальним городам. Перед победителями — они уже на грани истерии — неумоимо щелкают затворами фоторепортеры.

Но не все разделяют радость победы. Вот Дик Харп, тренер побежденной команды. Он направляется к Макгуайру и поздравляет его. Вот канзасцы, выслушивающие с дрожжащими улыбками на изнуренных лицах соболезнования поклонников. Вот Уилтон Чемберлен, превративший свои 213 сантиметров первоклассного спортсмена в 213 сантиметров убитого горем юноши. Потупил голову, он почти не разговаривает и ничего не слышит.

Дождь все еще льет. Погода грустит вместе с городом. Игроки Канзасского университета, которым рукой подать до гостиницы, уныло плетутся под косыми струями бесшумного дождя. Провожаящих мало. Какой-то преданный болельщик, поспешая за Чемберленом, утешает его: «Не горюйте, в будущем году вас никто не осилит». Уилтон даже не поднимает голову. Он молча шагает дальше — в гостиницу, через фойе, в лифт — и скрывается у себя в номере.

После кризиса двух последних бурных дней, от охватившей всю страну баскетбольной лихорадки не остается и следа. Завтра, в воскресенье, сотни уезжающих гостей наводнят вокзал и аэропорт. В понедельник Канзас примется снова за свои истонченные дела и на целый год обретет облик животноводческого и сельскохозяйственного торгового центра. А в марте все начнется сначала.

Огорченный проигрышем, Уилтон Чемберлен покидает площадку.

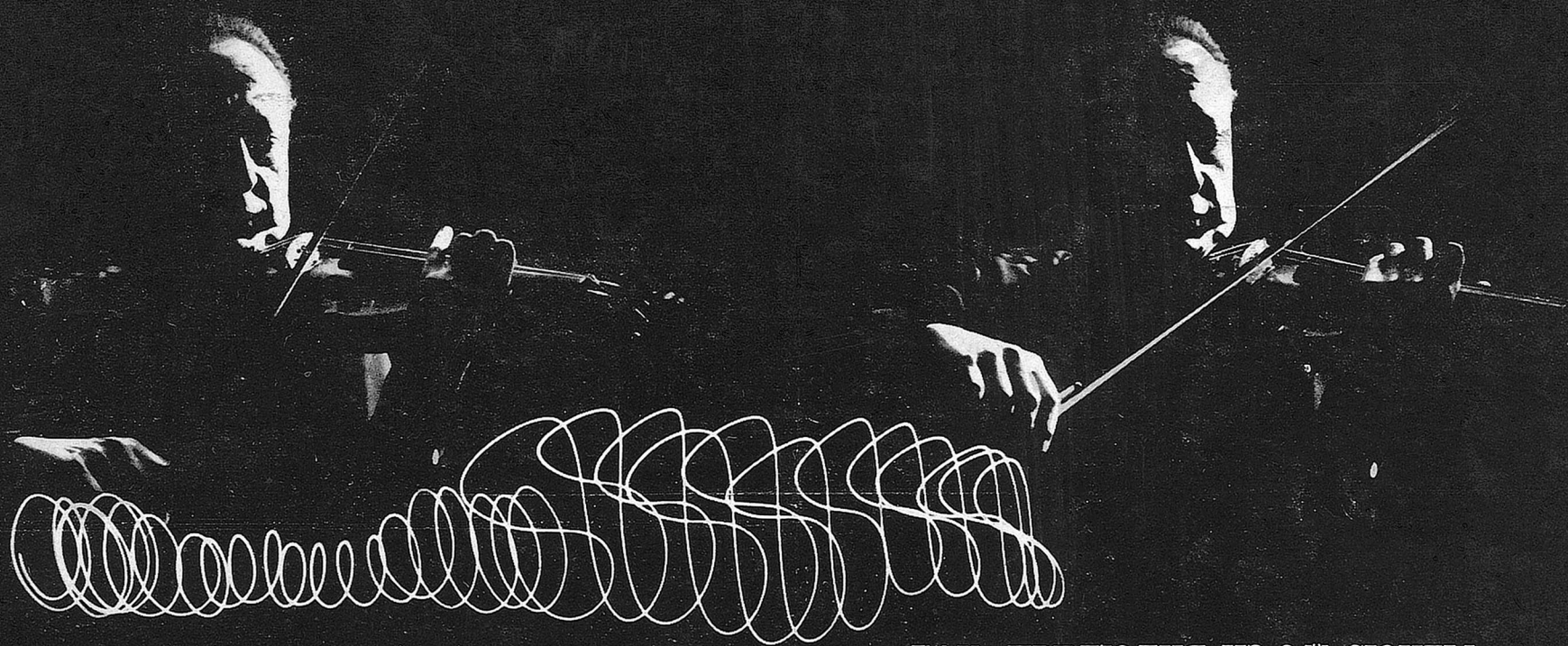
ИГРА ХЕЙФЕЦА В ЛИНИЯХ

ФОТО ГЬЕНА МИЛИ С разрешения журнала «ЛАЙФ»

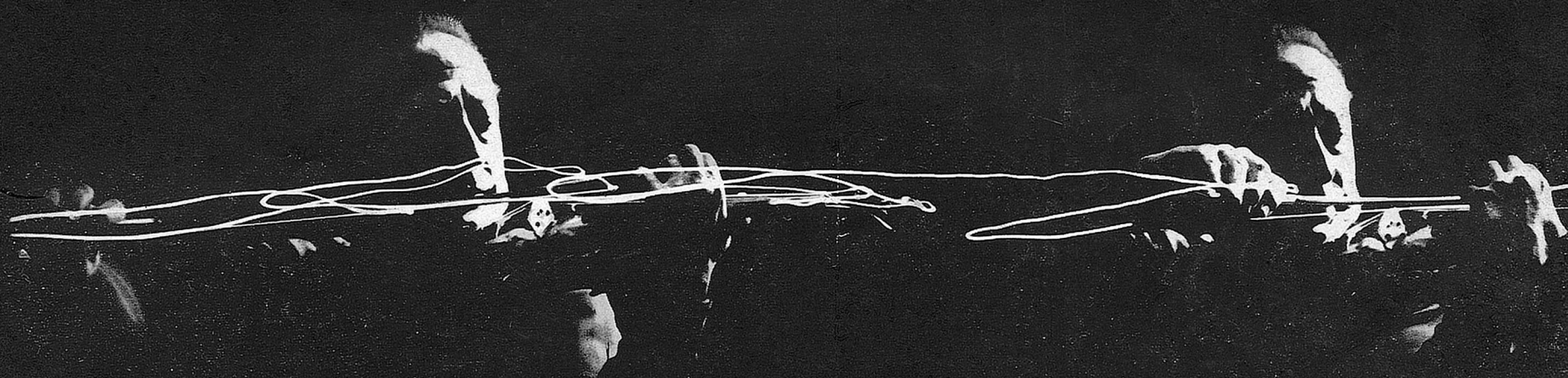
Так называемые «световые зарисовки» фотографа Гьена Мили уже давно возбуждали любопытство Яши Хейфеца. Однажды он попросил Мили сделать несколько «портретов» его игры на скрипке. Знаменитый скрипач играл в темноте, к его смычку была прикреплена лампочка, и Мили, направив объектив фотоаппарата на движущийся свет и открыв затвор, запечатлел движение смычка в виде линий. Помещенные нами снимки были сделаны при двух вспышках: чтобы получить двойное изображение скрипача, Мили чуть-чуть отводил аппарат вправо. На каждом снимке запечатлены особенности музыкальной вещи, которую играл Хейфец: быстрое отрывистое пиччикато в вариациях Лангстрота; сложная, симметричная форма сюиты Баха; легато смычка в концерте Элгара и широкая фраза концерта Баха на струнах «ля» и «ми».

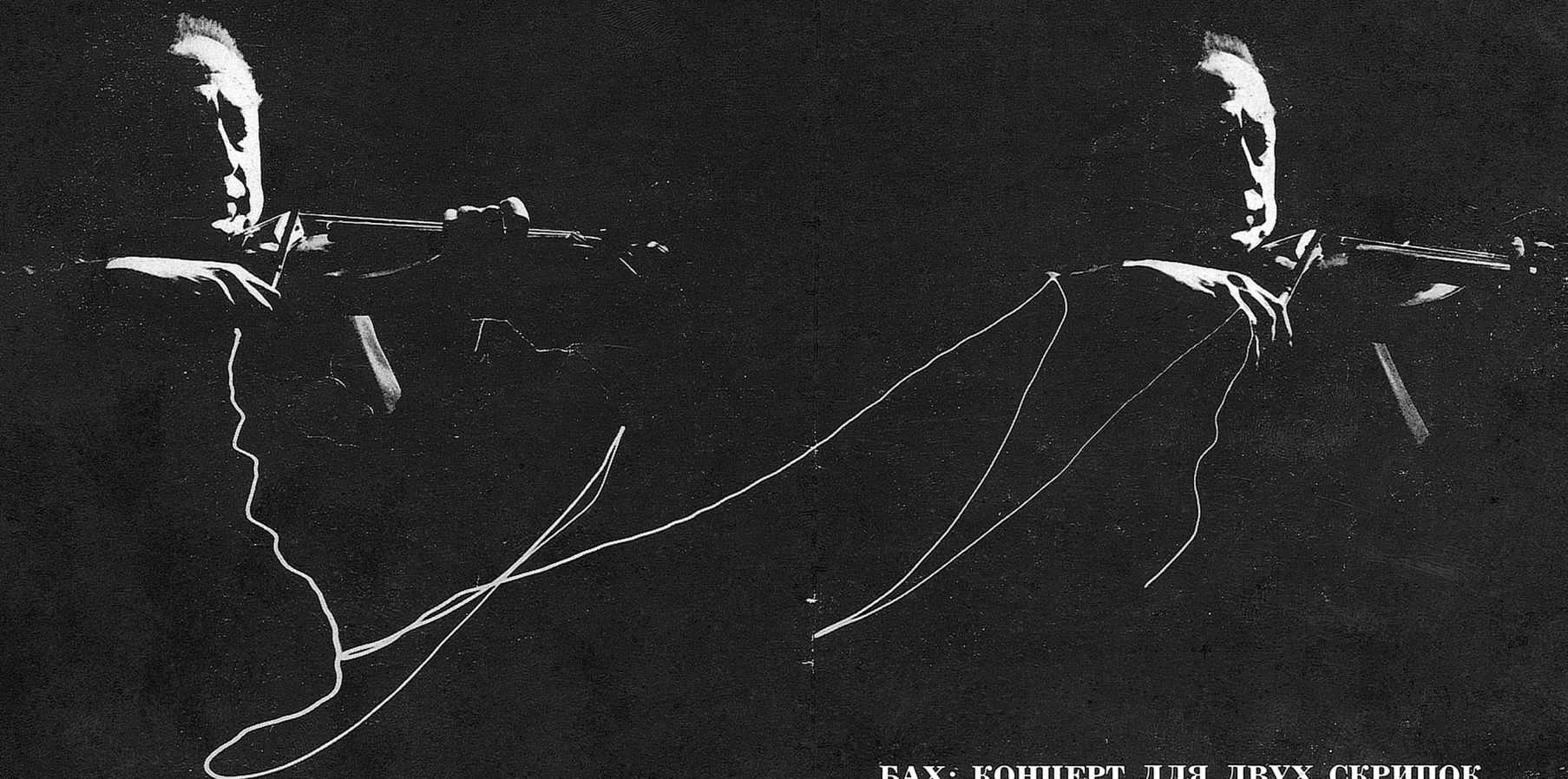
ЛАНГСТРОТ: ВАРИАЦИИ ФИОРИЛЛО

БАХ: ПРЕЛЮДИЯ ИЗ 3-Й СЮИТЫ

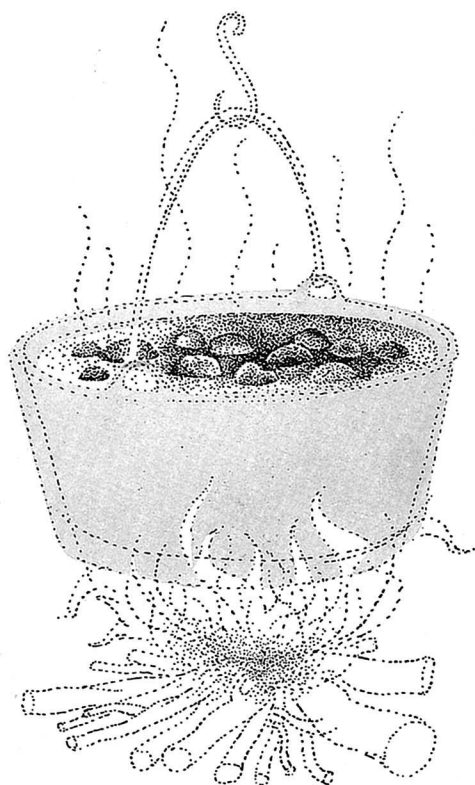

ЭЛГАР: КОНЦЕРТ СИ-МИНОР

БАХ: КОНЦЕРТ ДЛЯ ДВУХ СКРИПОК

«ЯБЛОКО ЗЕМЛИ»

Поэт однажды написал стихи о всевозможных благах, которых следовало бы пожелать на этом свете, и закончил такими словами: «Но только не забудьте картофеля!» Едва ли менее поэтичны в оценке этого замечательного овоща были те, кто дал его американским разновидностям такие названия как «Белая роза», «Краса Хеврона», «Красная прелесть» и «Триумф».

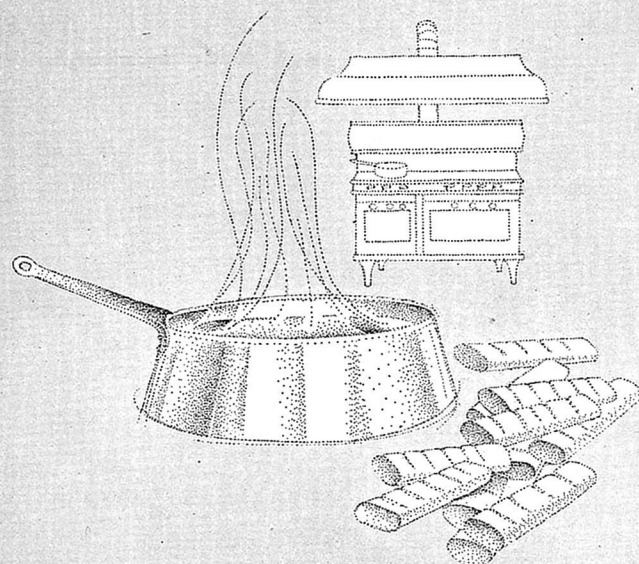
Однако, несмотря на все эти поэтические эпитеты, многие до сих пор считают картофель грубой пищей, недостойной серьезного внимания гастронома. В самом деле, наряду с хлебом и рисом, картофель сделался одним из основных продуктов питания с тех самых пор, когда его впервые попробовал съесть храбрец из племени инка, высоко в Андах Южной Америки. Такова, по крайней мере, легенда. С тех пор этот туземный американский плод распространился повсюду и стал одной из важнейших пищевых культур на земном шаре: стоимость годового урожая картофеля превышает стоимость ежегодной добычи золота и серебра.

Все приготовленное из такого известного во всем мире овоща должно было бы быть, казалось, особенно вкусным и аппетитным, но те, кто считает картофель одним из самых нежных и тонких продуктов, жалуются, что он часто готовится невкусно и однообразно.

Чтобы выявить всю прелесть картофеля, повар, говорят, должен изучить не только рецепты, но и особенности разных его сортов. Огромный и длинный светлый картофель айдахо, каждая картофелина которого весит до одного килограмма, выращивается специально для печения; нежный, с розовой кожурой молодой картофель очень хорош в отварном виде; плотные и твердые сорта культивируются специально для жаренья.

К великому удовольствию любителей картофеля в Америке, журнал «Хауз энд гарден» недавно опубликовал ряд рецептов, собранных из многих стран, — настоящую картофельную поваренную книгу. Она напомнит хозяйкам, что разнообразно и вкусно приготовленный картофель может действительно быть «яблоком земли».

Авт. права: «Конде-Наст пাবলিকейшнс», 1957 г.

Картофельные пюре

БИТОЧКИ ИЗ КАРТОФЕЛЬНОГО ПЮРЕ

Скатать шарики из холодного картофельного пюре. Опустить в растопленное масло или в хорошо взбитую смесь из одного яйца и щепотки толченого мускатного ореха на 2 столовых ложки воды. Опустить картофельные шарики в кипящий жир, пока слегка не подрумянятся, или обвалять в толченых кукурузных хлопьях или тертом сыре, уложить в смазанный жиром противень и запечь в нежарком духовом шкафу, пока не подрумянятся.

КАРТОФЕЛЬНОЕ СУФЛЕ

- 1 килограмм картофеля
- 2 столовых ложки бекономного сала
- 2 столовых ложки муки
- 1 стакан молока
- ¼ стакана густых сливок
- ½ стакана тертого сыра
- 3 яйца, желтки и белки отдельно
- Соли по вкусу

Варить неочищенный картофель в подсоленной воде до мягкости. Затем очистить и размять. Растопить сало в кастрюле. Вмешать муку до гладкости. Влить молоко и варить, все время помешивая, до густоты. Прибавить сливки, соли по вкусу, сыр, слегка взбитые желтки и смешать с картофельным пюре. Взбить белки до густоты и осторожно соединить с картофельной массой. Переложить в смазанную жиром форму. Печь в духовом шкафу со средним жаром (190°) минут 45. Подать к столу с хреном, укропом или соусом из каперсов. От 4 до 6 порций.

КАРТОФЕЛЬ ПО-ШВЕЙЦАРСКИ

- 2 килограмма вареного картофеля
- 1½ стакана муки
- 1 взбитый яичный желток
- 2 столовых ложки нарубленной зелени петрушки
- ½ ложки сухих трав и специй
- 2 чайных ложки соли
- 1 стакан нарезанного мелкими кубиками лука
- 3 столовых ложки бекономного жира
- ½ стакана топленого масла

Размять картофель, пока он еще теплый. Вмешать яичный желток, муку, петрушку и приправы. Протушить лук в жиру до мягкости и вмешать в картофельную смесь. Когда тесто станет гладким, раскатать его в ролик толщиной в 2,5 сантиметра. Нарезать на куски по 5 сантиметров длиной и слегка сравнять их вилкой. Опустить в подсоленную кипящую воду и варить на медленном огне минут 10. Слить воду и обрызгать растопленным маслом. Подать к столу с томатным или грибным соусом. От 4 до 5 порций.

КАРТОФЕЛЬ ПО-ТИРОЛЬСКИ

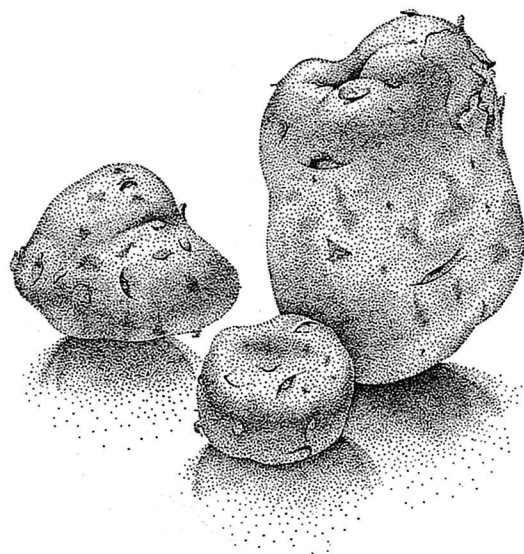
- 6 картофелин средней величины
- 1 стакан горячего молока
- 2 столовых ложки муки
- Соль
- 2 яйца
- ½ стакана тертого сыра (по желанию)
- 2 столовых ложки растопленного масла
- 1 небольшая головка лука, мелко нарубленная
- ½ стакана толченых сухарей

Очистить, сварить и размять картофель. Добавить молоко, муку и соль; взбивать до тех пор, пока пюре не будет отставать от стенок посуды. Охладить и вбить яйца и сыр. Затем, окуная столовую ложку в масло, брать ею картофель небольшими горками и класть на подогретое блюдо. Подрумянить лук и крошки в оставшемся масле и покрыть ими картофельные горки. 6 порций.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ КЛЕЦКИ

- 1 литр воды
- 1 столовая ложка соли
- 8 нарезанных на четыре части картофелин
- ½ стакана муки
- 1 столовая ложка масла
- 3 яичных желтка, слегка взбитых

Опустить картофель в кипящую подсоленную воду и варить при слабом кипении 30-40 минут, или до мягкости. Слить воду и протереть через редкое сито. Добавить ¼ стакана муки, масло, желтки и хорошо вымешать. Скатать в виде шариков около 5 сантиметров в диаметре, обвалять в муке и опустить в большую кастрюлю с кипящей подсоленной водой. Накрывать крышкой, убавить огонь и дать медленно кипеть 12 минут. 6 порций.

Печеный картофель

КАРТОФЕЛЬ, ПЕЧЕННЫЙ «В МУНДИРЕ»

Отобрать картофель одинаковой величины, вымыть и высушить. Обмазать картофель жиром или растительным маслом, чтобы кожа осталась мягкой. Печь в духовом шкафу (220°) от 40 до 60 минут, или до мягкости. Надрезать в длину с одной стороны, затем наколоть кожуру, чтобы вышел пар. Картофель делается тогда рыхлым и пушистым. Заправить.

Другой вариант

Разрезать печеный картофель пополам в длину. Вынуть середину и размять вместе с маслом,

солью, паприкой и тертым сыром. Полученным фаршем начинить картофель, смазать растопленным жиром и печь в жарком духовом шкафу, пока не подрумянится.

КАРТОФЕЛЬ, ФАРШИРОВАННЫЙ МЯСОМ

- 7 крупных картофелин
- ½ стакана молока
- 2 столовых ложки масла
- 1 чайная ложка соли
- ½ чайной ложки молотого черного перца
- ½ килограмма мясного фарша
- Петрушка для украшения

Разогреть духовой шкаф до 230°. Промытый картофель положить на противень. Печь около часа, до мягкости. Срезать верх картофеля и выложить середину в миску. Добавить молоко, масло, соль и черный перец. В то же время слегка поджарить мясо. Соединить его с картофельной смесью и хорошо выбить. Полученным фаршем начинить картофель. Поставить в духовой шкаф минут на 20, пока не подрумянится. Украсить петрушкой. 6 порций.

КАРТОФЕЛЬ С ЛИМОННЫМ СОКОМ И МАСЛОМ

- 5 картофелин средней величины, нарезанных ломтиками
- 2 столовых ложки масла
- 1 чайная ложка соли
- ½ чайной ложки перца
- 2 столовых ложки лимонного сока

Положить картофель слоями в огнеупорную глиняную кастрюлю. Каждый слой покрыть маленькими кусочками масла; заправить и обрызгать лимонным соком. Печь в духовом шкафу около часа, при температуре 150°, пока не станет мягким. От 4 до 6 порций.

КАРТОФЕЛЬ ПО-ЛОТАРИНСКИ

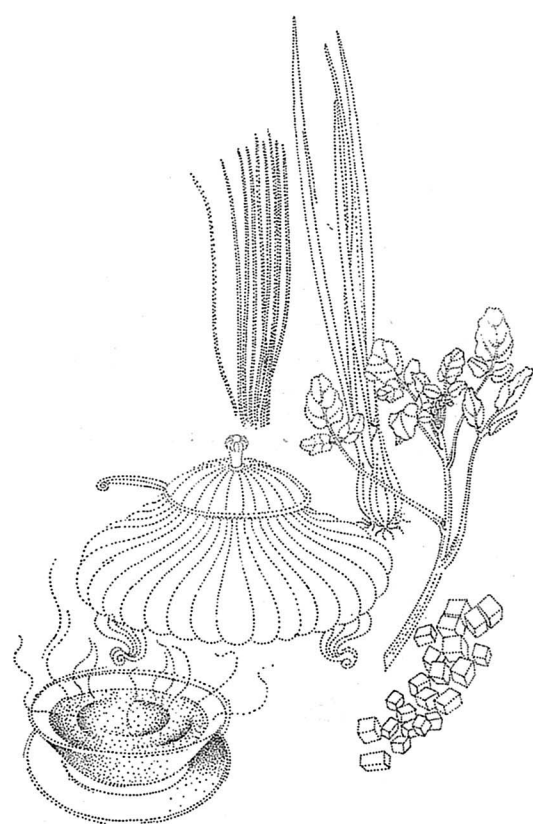
- 1 килограмм картофеля
- ½ стакана горячего жира
- 1 столовая ложка соли
- ½ стакана тертого сыра
- 2 слегка взбитых яйца
- 1½ стакана молока
- ½ чайной ложки мускатного ореха

Очистить и нарезать картофель тонкими ломтиками. Тушить в накрытом крышкой сотейнике с жиром, часто помешивая, чтобы не пригорело. Посолить и выложить в смазанную жиром кастрюлю. Смешать сыр, яйца, молоко и мускатный орех и залить картофель смесью. Накрывать крышкой и поставить в жаркий духовой шкаф на 10 минут или до тех пор, пока не подрумянится. От 4 до 6 порций.

ЗАПЕКАНКА ИЗ КАРТОФЕЛЯ И ЛУКА

- 6 картофелин средней величины
- 6 небольших лукович
- 1 столовая ложка рубленой зелени петрушки
- Соль и перец
- Пряности по вкусу
- 2 столовых ложки масла или маргарина

Очистить картофель и лук и нарезать тонкими ломтиками. Уложить картофель и лук слоями в хорошо смазанную жиром глиняную кастрюлю, слегка посыпать каждый слой солью, перцем и специями и покрыть кусочками масла. Продолжать так до тех пор, пока посуда не наполнится. Накрывать крышкой и поставить в нежаркий (150°) духовой шкаф на 1 час. Снять крышку; слегка подрумянить под огнем. 6 порций.

Картофельный суп

КАРТОФЕЛЬНАЯ ПОХЛЕБКА

- ½ стакана рубленого лука
- 2 полоски бекона
- 2 стакана нарезанного ломтиками сырого картофеля
- ½ стакана нарезанной свежей моркови
- 2 стакана кипятку
- 1½ чайных ложки соли
- ¼ чайной ложки молотого шалфея
- ¼ чайной ложки молотого черного перца
- ¼ чайной ложки паприки
- 1 чайная ложка сушеной петрушки
- 2 столовых ложки муки
- 2 стакана молока

Поджарить бекон в суповой кастрюле, пока не станет хрустящим. Вынуть бекон. Добавить лук и тушить до мягкости. Положить в кастрюлю картофель, морковь, соль и влить кипяток. Закрыть кастрюлю и варить 8-10 минут, пока овощи не станут мягкими. Заправить. Затем развести муку в ¼ стакана молока и вместе с остальным молоком добавить в овощную смесь, все время помешивая. Держать на огне, пока слегка не загустеет. Накрошить бекон и засыпать им суп. От 4 до 6 порций.

Картофельные салаты

КАРТОФЕЛЬНЫЙ САЛАТ ПО-НЕМЕЦКИ

- 8 ломтиков бекона
- 3 столовых ложки муки
- 4 чайных ложки мелко нарезанного лука
- ½ стакана уксуса
- ¾ стакана воды
- ½ стакана сахара
- 4 чайных ложки соли
- ½ чайной ложки молотого черного перца
- 1 чайная ложка горчицы в порошке
- ½ чайной ложки толченых листьев розмарина
- 8 стаканов нарезанного кубиками вареного картофеля
- ½ стакана мелко нарубленной зелени петрушки

Поджарить бекон, пока не станет хрустящим. Вынуть из сковороды, дать подсохнуть и раскрошить. Добавить муку и лук в оставшееся на сковороде беконное сало. Вмешать уксус, воду, сахар, соль и специи. Варить до средней густоты. Добавить в картофель петрушку и крошенный бекон. Мешать осторожно, чтобы картофель не превратился в пюре. От 8 до 10 порций.

ЯБЛОЧНО-КАРТОФЕЛЬНЫЙ САЛАТ

- 6 стаканов нарезанного ломтиками вареного картофеля
- 1 стакан нарезанного кубиками сельдерея
- 1/2 стакана нарезанного зеленого перца
- 2 стакана нарезанных тонкими ломтиками неочищенных красных яблок
- 1/4 стакана мелко нарубленного лука
- Сметанный соус

Смешать картофель, сельдерей, зеленый перец, яблоки и лук. Добавить сметанного соуса. Хорошо перемешать. Разложить на зеленые листики салата. 8 порций.

СМЕТАННЫЙ СОУС

- 1/2 стакана майонеза или салатной заправки
- 1/2 стакана густой сметаны
- 1 1/2 чайных ложки соли
- Несколько горошин перца
- 2 чайных ложки горчицы
- 1 столовая ложка мелко нарубленной зелени петрушки
- 1/4 чайной ложки паприки

Хорошо все перемешать.

СЫТНЫЙ КАРТОФЕЛЬНЫЙ САЛАТ

- 1 1/2 стакана нарезанных ломтиками свежих грибов
- 6 столовых ложек оливкового масла
- 4 столовых ложки свежего лимонного сока
- 1/4 стакана мелко нарезанного лука
- 1 чайная ложка соли
- 1/8 чайной ложки молотого черного перца
- 2 стакана нарезанного ломтиками вареного картофеля
- 1/2 стакана рубленого сельдерея
- 1/4 стакана нашинкованной сырой моркови
- 2 стакана нарезанного кубиками отварного языка
- 2 сваренных вкрутую яйца
- Кочан латука
- Майонез

Тушить грибы в оливковом масле до мягкости. Дать слегка остыть. Добавить лимонный сок, лук, соль и черный перец. Остудить. Смешать картофель, морковь, сельдерей и язык. Залить все грибным соусом и дать настояться не меньше часа. Уложить на листки латука и украсить дольками крутого яйца. Майонез подать отдельно. 6 порций.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ САЛАТ ПО-ВИРДЖИНСКИ

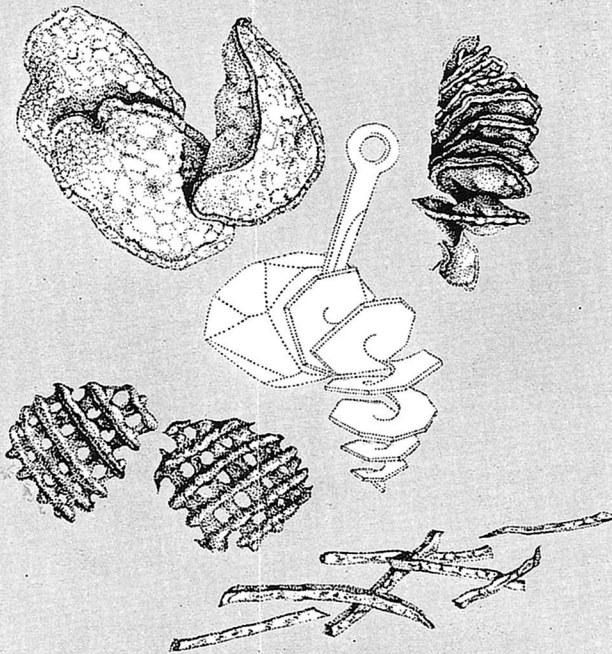
- 4 стакана картофельного пюре (8 средней величины картофелин)
- 2 хорошо взбитых яйца
- 2 сваренных вкрутую и рубленых яйца
- 1 столовая ложка масла
- 1 чайная ложка горчицы
- 1 столовая ложка сахара
- 2 столовых ложки соли
- 1 столовая ложка уксуса
- 1 столовая ложка мелко нарубленной зелени петрушки
- 1 столовая ложка тертого лука

Размять только что сваренный картофель. Смешать хорошо все остальные части и вбить эту смесь в горячее картофельное пюре. Выбить до пышности. Дать остыть, затем поставить в холодильник. Перед подачей к столу украсить кресс-салатом или петрушкой. От 8 до 10 порций.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ САЛАТ «СЮПРЕМ»

Сварить 1 1/2 килограмма картофеля в кожуре до мягкости. Дать остыть. Очистить от кожуры и нарезать тонкими ломтиками. Прожарить 1/4 стакана нарезанного кубиками бекона, пока не подрумянится и не станет хрустящим; добавить 1/4 стакана рубленого лука; варить одну минуту. Добавить 1 столовую ложку муки, 2 чайных ложки соли, 1 1/4 столовой ложки сахара, а также

перцу, размешать и развести с 3/4 стакана уксуса и полустаканом воды. Варить 10 минут, все время помешивая. Залить затем этой смесью картофель. Добавить 1/2 чайной ложки семян сельдерея, 3 столовых ложки рубленой зелени петрушки. Перемешать и подать в теплом виде. Очень вкусно с отварным языком, ветчиной или солониной. 6 порций.

Жареный картофель

РУБЛЕННЫЙ КАРТОФЕЛЬ

Положить рубленый вареный картофель в сковороду с небольшим количеством жира. Посыпать солью и перцем. Смочить водой — приблизительно 1/4 стакана воды на 4 стакана картофеля. Жарить на медленном огне, пока нижний слой не подрумянится. Помешивать не надо. Подавать на стол сложенным пополам, как омлет. Можно также прибавить луку, нарезанного тонкими ломтиками. 6 порций.

КАРТОФЕЛЬ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

- 1 килограмм мелкого картофеля
- 2 дольки чеснока
- 1 небольшая головка лука
- 1 пучок петрушки
- 1 пучок укропа
- 2 столовых ложки жира

Очищенный картофель варить в подсоленной воде до полумягкости. Слить воду. Мелко рубить чеснок, лук, петрушку и укроп и смешать с картофелем. Тушить в горячем жиру на медленном огне, пока картофель слегка не подрумянится. 6 порций.

КАРТОФЕЛЬ С ЗЕЛЕНЬЮ

- 6 картофелин средней величины
- 1 стакан мелко нарезанного сырого шпината
- Соль, перец
- 1 стакан нарезанной зелени петрушки
- 2 столовых ложки жира

Картофель промыть, очистить и нарезать ломтиками. Варить в подсоленной воде до полуготовности. Слить воду и подсушить на огне. Смешать шпинат с петрушкой и варить на пару 7-10 минут. Слить воду и добавить смесь к картофелю. Тушить в горячем жиру около 5 минут. Заправить солью и перцем. 6 порций.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ ОЛАДЫ

Очищенный картофель, подходящих для печения сортов нарезать ломтиками или настрогать. Раз-

ложить ровно в горячем сотейнике и жарить на ветчинном или беконном сале. Обложить сверху кусочками масла и слегка посыпать солью и свежим молотым перцем. Накрывать крышкой и жарить. Встряхивать сотейник время от времени, чтобы не подгорело. Когда картофель снизу хорошо подрумянится, перевернуть его целиком (как блин) и подрумянить с другой стороны. Приблизительно 1 картофелину на человека.

Запеченный со сливками

КАРТОФЕЛЬНАЯ ЗАПЕКАНКА

- 5 картофелин средней величины
- Соль и свежий молотый перец
- Мука
- 2 столовых ложки масла
- 3 стакана цельного молока

Очистить картофель и нарезать тонкими ломтиками. Половину нарезанного картофеля уложить в смазанную жиром форму, посыпать солью, перцем и мукой. Добавить остальной картофель, затем масло, соль и перец. Залить молоком, накрыть крышкой и поставить в духовой шкаф (190°) на 20-25 минут. Снять крышку и продолжать запекать, пока сверху слегка не подрумянится, примерно 10-15 минут. 4 порции.

КАРТОФЕЛЬ ПОД ГЛАЗУРЬЮ

- 2 столовых ложки масла
- 2 столовых ложки муки
- 2 стакана молока
- 1/2 чайной ложки соли
- Свежий молотый перец
- 3 стакана сырого нарезанного соломкой картофеля

Приготовить негустой, хорошо приправленный белый соус из масла, муки и молока. В горячий соус положить нарезанный сырой картофель и выложить все в хорошо смазанную маслом глиняную кастрюлю. Посыпать солью (1/2 чайной ложки), перцем и покрыть кусочками масла. Запекать при температуре 160°, в течение 3-4 часов пока на картофеле не образуется похожая на карамель глазурь. От 4 до 6 порций.

КАРТОФЕЛЬ СО СЛИВКАМИ — ПО-ФЕРМЕРСКИ

- 1 1/2 стакана негустых сливок
- 2 столовых ложки масла
- 1 чайная ложка лукового сока
- 1/2 чайной ложки соли
- 1/8 чайной ложки перца
- 3 стакана нарезанного кубиками вареного картофеля
- Мелко нарезанная петрушка

Добавить в картофель сливки, масло, луковый сок, соль и перец. Накрывать кастрюлю крышкой и тушить 20-30 минут, или пока слегка не загустеет, изредка помешивая. Посыпать зеленью петрушки. 6 порций.

КАРТОФЕЛЬ СО СЛИВКАМИ — ДЛЯ ГАСТРОНОМОВ

- 2 столовых ложки масла
- 4 стакана нарезанного кубиками вареного картофеля
- Соль, свежий молотый перец
- 1/4 стакана сливок

Растопить масло в сотейнике, добавить нарезанный кубиками картофель, посыпать солью и свежим молотым перцем. Поливать картофель сливками, пока хорошенько не пропитается. Хорошо разогреть и подать на стол. От 3 до 4 порций.

ПИСЬМЕНА НА НЕБЕ

В избытке энергии, звено из трех самолетов, управляемых летчиками воздушной рекламы, выписывает в небе петли и изящные линии.

ДЖО КАМПБЕЛЛ

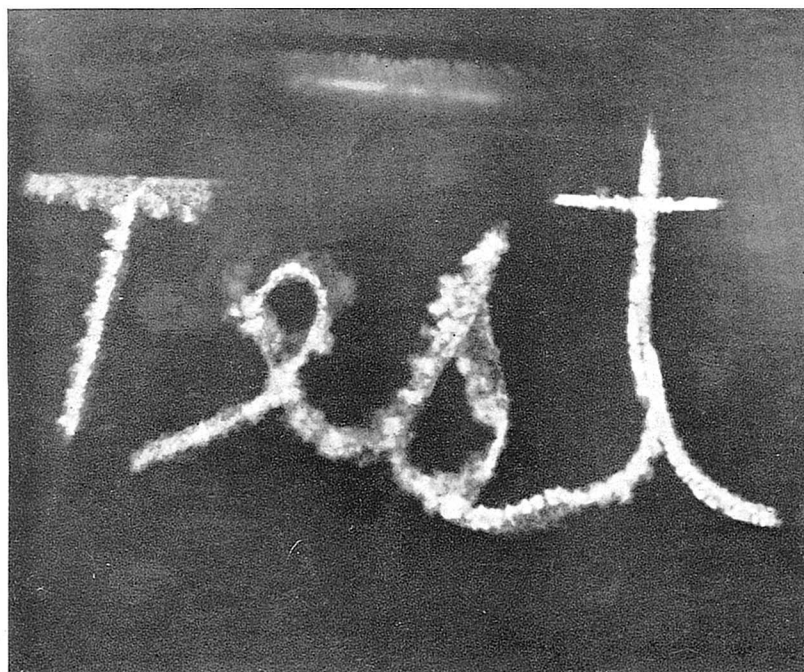
«Алло, США. Звоните по номеру Вандербилт 7-20-00». Такая надпись из белого дыма, появившаяся на нью-йоркском небе в 1924 году, впервые возвестила о единственном в своем роде виде рекламы. Это загадочное приветствие познакомило публику со «Скайрайтинг корпорейшн оф Америка» — компанией воздушной рекламы. За два года до того «писание по небу» было впервые продемонстрировано в Англии; его увидел Аллен Дж. Камерон и сразу же понял, что такой вид рекламы можно хорошо использовать в Америке. Он нанял нескольких лет-

чиков и основал первую американскую фирму воздушной рекламы, до сих пор еще наиболее активную в этой странной отрасли индустрии.

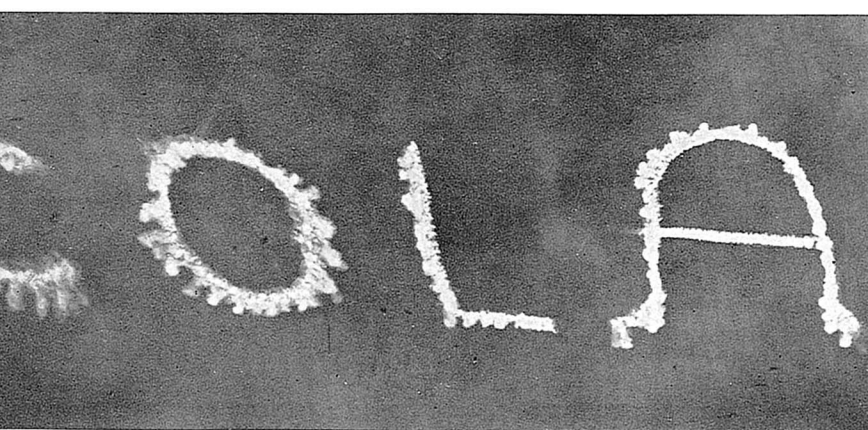
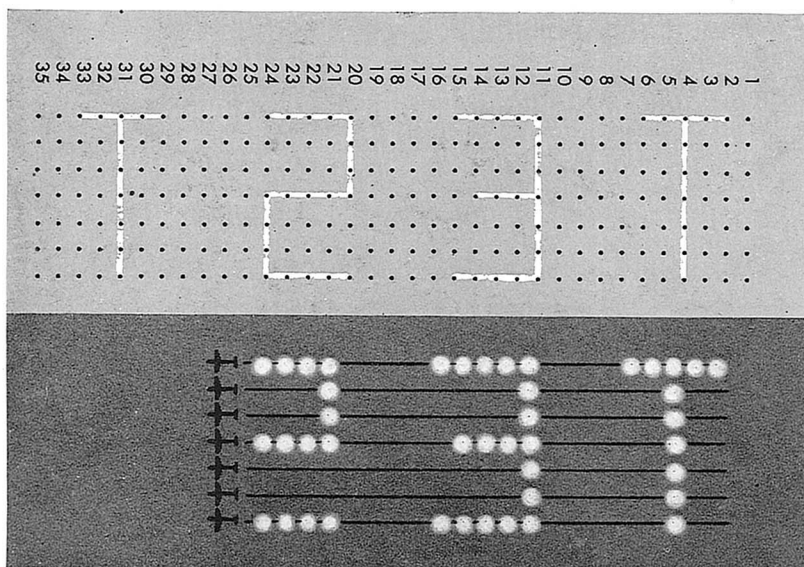
В 1920-х годах само появление самолета на небе привлекало всеобщее внимание; когда же самолет начинал выпускать из выхлопной трубы струи белого дыма, — от него никто не мог оторваться: запрокинув головы, зрители смотрели, как зачарованные. Теперь самолет ни для кого не диковинка, но воздушная реклама все еще представляется чем-то необычным и интересным. Повисшие в воздухе массы густого дыма приковы-

вают к себе взгляды и старых и малых. Клубы дыма все разрастаются и, кажется, вот-вот поглотят самолет, увертывающийся от них, как крошечная птичка от огромного воздушного дракона. Летом, в ясную тихую погоду, над густонаселенными городами и курортами почти каждый день видны медленно плывущие и постепенно увеличивающиеся буквы небесных писем. Особенно часто воздушные рекламы появляются над пляжами около Нью-Йорка, сообщая бесчисленным загорающим горожанам о последних кинофильмах, о гастролях цирка, о новых товарах.

Воздушные надписи «пишутся» химическим веществом из ряда легких парафиновых масел. Жар мотора превращает его в белый дым со скоростью 30.000 кубических метров в минуту. Самолет может взять достаточно раствора, чтобы выписать 30 букв, каждую в два километра высотой и в километр шириной. Буквы «пишут» горизонтально, причем первая должна быть, по меньшей мере, на высоте 3.000 метров, каждая следующая соответственно на пятнадцать метров выше, иначе воздушный вихрь от пропеллера самолета развеет предыдущую.

Труднее всего писать рукописным шрифтом (вверху). «Небопечатание» (внизу): семь самолетов автоматически выпускают клубы дыма; лента с начерченными буквами регулирует работу радиоприбора, управляющего печатанием.

Обыкновенные печатные буквы, вроде этих, легче писать, чем буквы рукописного шрифта, но и они требуют больше времени, чем «небопечатание».

По желанию заказчика надписи делают различными шрифтами, но чаще всего печатными буквами: выписывать их значительно легче, чем буквы, имитирующие рукописный шрифт, воспроизводить которые на небе чрезвычайно трудно. «Писание» по небу требует большого навыка и внимания со стороны пилота. Слова на небе нужно

писать вверх ногами и задом наперед, только тогда их можно прочитать с земли. Летчику приходится невероятно сосредоточиваться и часто руководствоваться чутьем, хотя для облегчения работы перед летчиком помещен чертеж на приборном щитке. Достаточно попробовать написать на бумаге свое имя так, чтобы его можно было

прочитать, глядя на свет с оборотной стороны, — и сразу станет ясно, как трудно летчикам писать на небе.

Иногда летчики, спустившись на землю, с досадой замечают, что на небе километровыми буквами выведено что-то вроде «Ытефнок еишчул йапукоП» — а стереть уже ничего нельзя; ошибся или не ошибся, а надпись плывет по воздуху у всех на виду.

Трудная профессия требует настолько сильного напряжения, что оно иногда сказывается на человеке. Какой-то бедняга был так поглощен выписыванием букв, глядя одним глазом на чертеж, а другим — на контрольные приборы, что не заметил, как запас дыма истощился. Летчик тщательно выписывал последние буквы и затем спустился на тысячу метров, чтобы оттуда проверить свою работу. О ужас: последних букв вообще не было! К немалому удовольствию стоящих на земле зрителей, летчик сделал крутой поворот и скрылся.

Пилоты реактивных самолетов, со свистом пронесившихся через дымовые надписи, стирая и смешивая их, едва не погубили карьеру одного вспыльчивого небесного борзописца. Три раза начинал он одну и ту же надпись, и каждый раз реактивные самолеты ее развевали. В конце концов летчик вышел из себя, спустился до уровня, слишком для них низкого, написал «Хватит!» и негодуя приземлился.

Многие летчики, занимающиеся этой нервной работой, — ветераны авиации, начавшие свою карьеру на ее заре. Они летали над ярмарками, прыгали там с парашютами, пикировали, разгуливали по крыльям, проделывали акробатические кунштюки высшего пилотажа. Нынешний владелец «Скайрайтинг корпорейшн» Сидней С. Пайк рассказывает, что его летчики все еще изрядные сорвиголовы и любят в свободное время поиграть на небе в «крестики и нолики». Но играют они очень редко: спрос на рекламу огромный, а в году не больше ста дней, благоприятных для воздушной рекламы, так что в эти дни все летчики обычно заняты. По словам мистера Пайка, фирмы, заказывающие воздушную рекламу, совершенно не интересуются предсказаниями погоды. Они просто требуют, чтобы в определенный день появилась реклама о выпуске нового продукта на рынок или о премьере пьесы, и никогда не считаются с тем, что дождь, снег, ветер или облака могут помешать работе.

Воздушная реклама — раба метеорологических условий. В очень ясные дни реклама видна на расстоянии от пятнадцати до тридцати километров. Даже в хорошую погоду и при благоприятном ветре нельзя предсказать, как долго бук-

вы продержатся в воздухе и как далеко их отнесет. При постоянном ровном ветре особое связывающее вещество довольно долго не позволяет буквам расплываться, но сильные порывы ветра чрезвычайно быстро стирают надпись. Как-то раз летчик написал над городом рекламу, приземлился и через час сел обедать, а надпись все еще ясно была видна в небе. Зато иногда буквы исчезают через несколько минут; в плохую погоду первая буква слова исчезает до появления последней.

Одной американской фирме удалось почти полностью справиться и с этим затруднением. Был разработан новый метод, названный «небопечатанием». За пятнадцать минут один аэроплан может написать, самое большее, десять букв; при новом методе воздушную рекламу делают сразу семь самолетов, выписывая те же десять букв за две минуты. Таким образом, реклама заканчивается задолго до исчезновения первых букв.

При «небопечатании» самолеты летят параллельным курсом, крылом к крылу. В середине летит самолет, который путем радиосигналов автоматически открывает клапаны на всех самолетах, последовательно выпускающих клубы дыма. Из этих клубов получают печатные буквы. Недостаток «небопечатания» в том, что требуется большее число самолетов и летчиков; преимущество в том, что летчики не обязательно должны быть высококвалифицированными специалистами воздушной рекламы: от них требуется только некоторое умение летать в строю.

Говоря о преимуществах нового метода коллективного «небопечатания» над индивидуальным, один летчик заметил: «Прекрасный метод! Жаль только, что природа не всегда входит в наш коллектив».

Летчики воздушной рекламы славятся любовью к своему делу. Они так привыкли изыскиваться километровыми надписями, что занимаются этим делом и в свободное от работы время. До сих пор вспоминают случай с одним летчиком, поссорившимся с любимой девушкой. Он пытался помириться, но на его письма она не отвечала, перестала подходить к телефону, когда он звонил, и при встрече не желала с ним разговаривать. Наконец, в полном отчаянии, летчик поднялся на самолете и прямо над ее домом написал дымом мольбу о прощении. Разумеется, надпись увидела не только девушка, но и все соседи, высыпавшие посмотреть на необычайное зрелище. Они помирились...

Конечно, воздушные письма вряд ли удобны в частной переписке, но для тех, кто хочет что-либо «сообщить миру», небо может быть прекрасно использовано вместо грифельной доски.

Больничный опыт дает Ларри Лейверсу (слева) и Джорджу Окинклосу такие сведения о человеке, которых не найти в учебниках и школьных библиотеках.

Юноши в белом

С разрешения журнала «ЛУК»

ЛАРРИ Лейверс, ученик предпоследнего (одиннадцатого) класса мужской средней школы имени Лумиса в Виндзоре (штат Коннектикут), хочет стать доктором. Гибкая программа школы дает таким будущим врачам, как Ларри, возможность уже на школьной скамье приобрести знания, связанные с избранной ими профессией. Юноши работают по четыре часа в неделю санитарями в ближайшей больнице г. Хартфорда, где они знакомятся с проблемами болезней, страданий и старости. Такая работа дает юношам опыт обращения с пациентами и знакомство с больничными порядками, с чем многие студенты-медики осваиваются лишь после нескольких лет занятий. Для юношей, которые должны решить, взяться ли им за трудную десятилетнюю медицинскую учебу, этот опыт дает неоценимую возможность глубже вникнуть в обязанности врача.

Курс медицинской подготовки был введен в школе имени Лумиса десять лет назад, после Второй мировой войны, когда в больницах ощущался недостаток в медсестрах. Местные деловые люди и интеллигенция решили помочь Хартфордской больнице. Между ними были три учителя школы имени Лумиса, которые и ввели в учебный план добровольное участие учеников в работе больницы. Начинание это не было отменено даже по миновании острой необходимости, и в настоящее время около двадцати юношей в возрасте от 16 до 18 лет

ежегодно получают трехнедельную подготовку в качестве санитаров, учась умело и терпеливо ухаживать за больными.

Большинство этих молодых людей предполагает продолжать образование на медицинском факультете; некоторые проявляют интерес к работе по социальному обеспечению. Но какова бы ни была конечная цель, обязанности их часто очень тяжелы и неприятны, начиная с чистки хирургических инструментов или питания беспомощных больных и кончая приготовлением трупов для вскрытия. Молодежь хорошо справляется с более мрачной стороной работы и научилась не терять своего хладнокровия и жизнерадостности даже в самые трудные минуты.

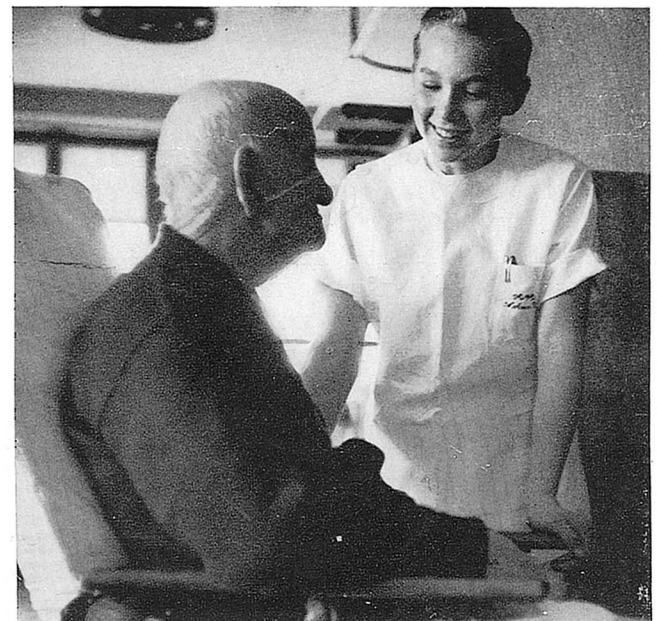
Об успешности программы говорит тот факт, что многие юноши работают летом в других лечебных учреждениях по рекомендации Хартфордской больницы. Многие поступили по окончании школы на медицинские факультеты таких университетов как Йельский, Гарвардский, Корнеллский и Колумбийский. Влияние этого начинания настолько значительно, что другие школы тоже намечают введение подобных проектов в свои учебные планы. Они заинтересованы в том, чтобы их учащиеся приобрели представление об общечеловеческом значении нелегкой профессии врача, и хотят вместе с тем создать более тесную связь между школой и обществом.

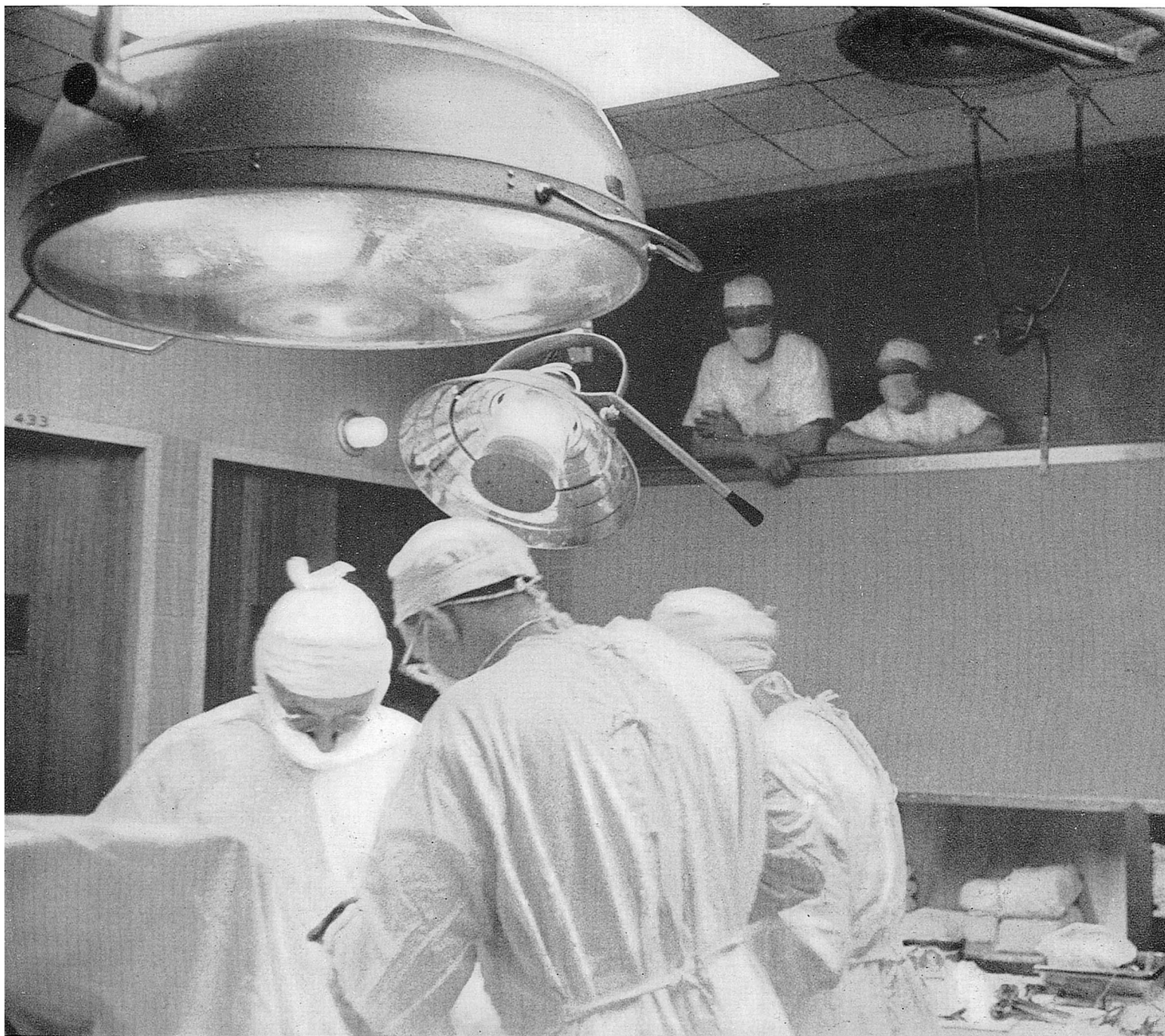
Ларри помогает медсестре монтировать кровать особой системы; в ней больного можно поворачивать без вреда для него и без затруднении.

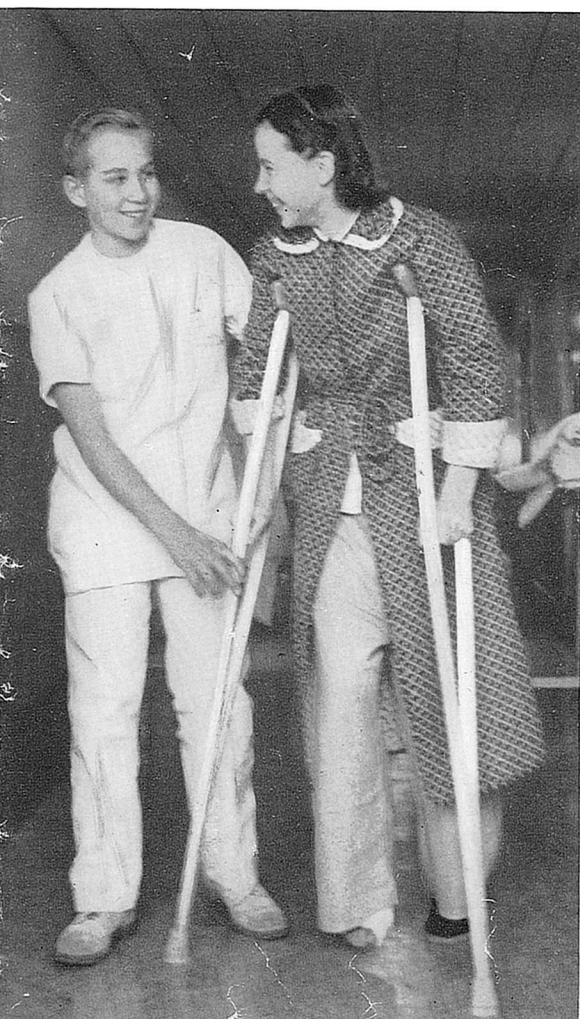
Ларри и Джорджу разрешено подготовить сложную кислородную аппаратуру, применяемую затем врачом или медсестрой.

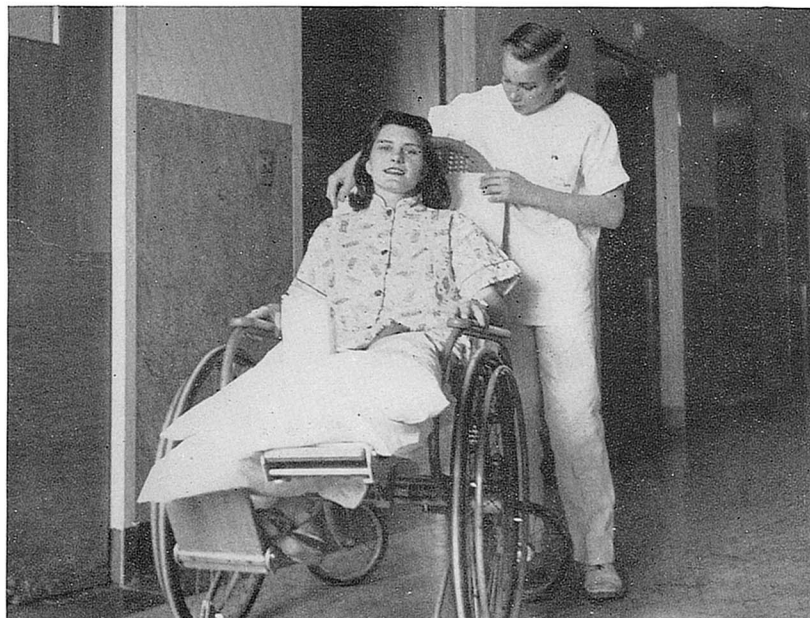
Ларри убедился в том, что очень часто улыбка лучше действует на самочувствие одинокого пожилого пациента, чем лекарство.

Ларри и Джорджу было дано специальное разрешение наблюдать операцию с галереи. После семестра работы в качестве санитаров, Ларри «полюбил медицину еще больше, чем прежде».

Ларри отдает себе отчет в том, как важно дружеское личное внимание для беспомощного больного, прикованного к постели или к больничному креслу.

Имея толкового помощника, гораздо легче справиться с новыми костылями.

Быть может, лишь раз или два в столетие рождается художник, способный безукоризненно точно отразить быт и искусство современного ему общества. Таков Джордж Беллоус, творчеству которого посвящена в этом году выставка в Национальной Художественной галерее в Вашингтоне. На выставке представлено шестьдесят три полотна и почти сто литографий и рисунков Беллоуса, полученных из общественных и частных собраний.

При жизни Беллоус был только одним из известных мастеров, работавших в то время в Нью-Йорке. Но в настоящее время, тридцать два года спустя после смерти художника, его работы резко выделяются на фоне американской живописи начала XX столетия и могут быть причислены к самым характерным и выдающимся произведениям этого периода.

Две характерных черты красной нитью пронизывают творчество Беллоуса: глубокий врожденный реализм и способность приравнивать свое мастерство к любому стилю и к любой манере письма. Черты эти часто противоречили одна другой, но когда они сливались воедино (как это случилось в три различных периода жизни художника), Беллоус создавал полотна, которые можно отнести к лучшим образцам американского изобразительного искусства.

Беллоус унаследовал от родителей религиозные, но весьма практические взгляды. Он родился в 1882 году в городе Колумбус, в штате

Охайо. Его семья происходила из отличавшегося своей гордой независимостью штата Вермонт, лежащего в северо-восточной части Соединенных Штатов. Еще в 1632 году переселившиеся из Англии его предки — торговцы и фермеры — основали здесь город Беллоус-Фоллс. Отец художника был архитектор по профессии. И он и его жена, отличавшиеся глубокой религиозностью, надеялись, что сын станет священником. Позднее, с переездом родителей в глубь страны, на Средний Запад, маленький Джордж оказался в среде набожных и честных крестьян, для которых в мире существовало только черное и белое — без всяких оттенков, различаемых более утонченными образованными людьми.

В юности Беллоус проявлял замечательные способности вовсе не к живописи, а к спорту. Будучи уже восемнадцатилетним юношей, он все еще не подозревал о своем истинном призвании.

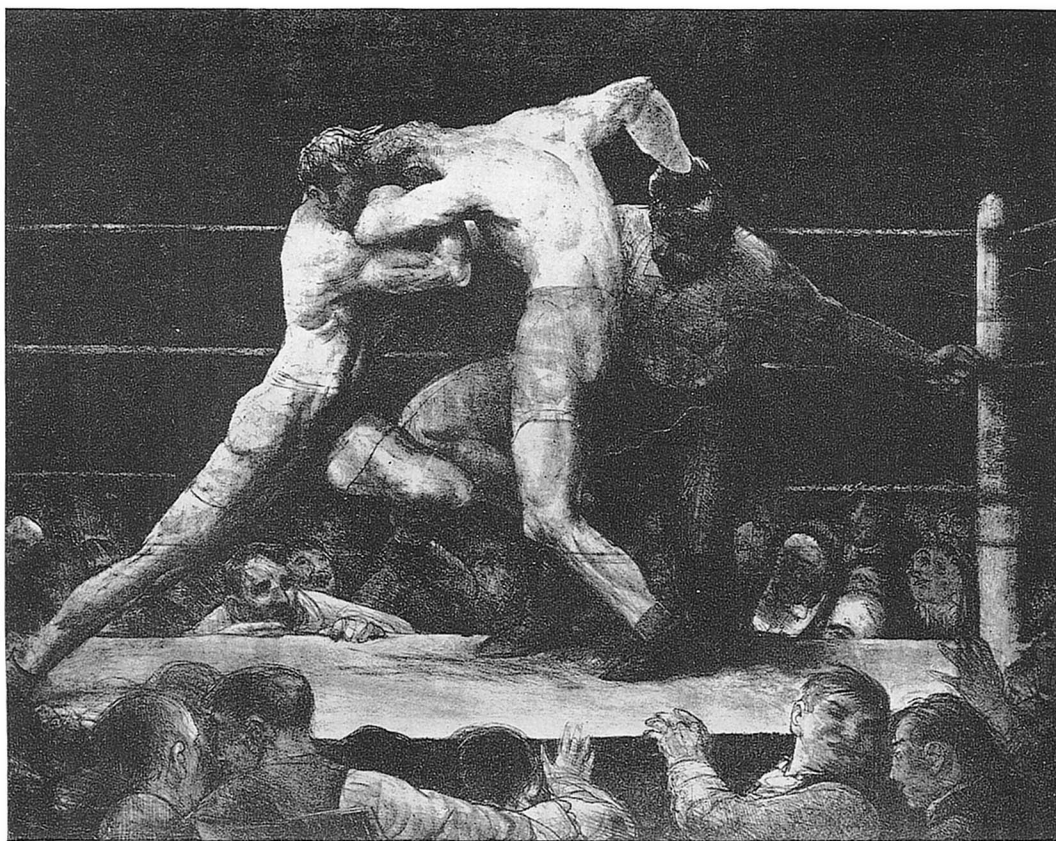
Его художественный дар обнаружился необычайным образом: рассказ об этом стал почти легендой. Как-то раз у себя в комнате, которую он разделял со студентом Охайского университета, Беллоус наблюдал, как тот работал над архитектурным пейзажем. Глядя через плечо товарища, Беллоус вдруг заявил: «Дай-ка и я попробую». Взяв бумагу и карандаш, он тут же принялся срисовывать работу приятеля. Результаты были не особенно утешительны, но он все же почувствовал, что легко может рисовать людей или предметы и что это

ЛЕСТЕР КУК

Хранитель музея; Национальная художественная галерея, Вашингтон.

МАСТЕР АМЕРИКАНСКОЙ ЖИВОПИСИ

«СОСТЯЗАНИЕ У ШАРКИ». Беллоус посещал нью-йоркский клуб Шарки в поисках новых сюжетов. Собственность Национальной художественной галереи в Вашингтоне.

«БЕЛАЯ ЛОШАДЬ» — одна из немногих поэтических картин Беллоуса (сельский вид около дома художника в Вудстоке, штат Нью-Йорк). Собственность Художественного музея в Вустере (Массачусетс).

совершенно новое для него занятие рисованием очень увлекательно.

Возможно, что вся эта история и выдумана, но она характерна для всей его художнической деятельности. словно без конца повторяя: «Дай-ка и я попробую сделать то же», он, в ущерб самому себе, начинает с исключительной легкостью переносить на холст все, что представляется ему любопытным в окружающем мире или в работах других художников.

С этих пор его уже ничто не занимает, кроме живописи. Он получает ряд заказов на иллюстрации для университетских журналов и выполняет их в стиле популярных в то время рисовальщиков. Затем он становится иллюстратором местной газеты. Это приносит ему хорошие заработки и некоторую известность. Решив учиться живописи, Беллоус, несмотря на опасения родителей, бросает колледж и уезжает в Нью-Йорк. Работа в газете помогла ему скопить 500 долларов; кроме того, он занял деньги у благоволившей к нему тетки.

В Нью-Йорке он явился к одному из наиболее выдающихся преподавателей Нью-Йоркской художественной школы, Роберту Генри. Беллоус показал Генри свои журнальные иллюстрации, но они не произвели никакого впечатления. «Да я их где-то уже видел», — холодно заметил Генри. Тем не менее, он сумел обнаружить в серьезном юноше настоящий талант и скрытые силы и охотно принял его в число своих учеников. Под руководством Генри молодой художник нашел самого себя и погрузился в напряженную творческую работу. В полотнах Курбе, Мане и Франца Гальса, с которыми его познакомил Генри, Беллоус увидел отражение своих настроений. Картины, представленные в нынешнем году на ретроспективной выставке в Национальной галерее, неоспоримо доказывают, что именно в этот период —

с 1907 по 1910 год — были созданы Беллоусом лучшие произведения. Наблюдательность художника и исключительно тонкое чувство цвета достигают в это время полного развития. С поразительной точностью и глубоким пониманием вечного и временного в природе, он изображает ледоход на Ист-Ривер в Нью-Йорке, косые тени на истоптанном снегу в парках центрального Манхэттана и залитые вечерним солнцем верхушки многоэтажных домов нью-йоркских набережных, беспрестанно меняющих свой облик. Перед нами достойный преемник Курбе — художник, у которого честность и непосредственность никогда не переходят в банальность или сентиментальщину.

Несмотря на завоеванную к тому времени известность, Беллоусу удавалось продать лишь немногие из своих полотен. Чтобы заработать на жизнь, он развил другую способность своей даровитой натуры и сделался профессиональным баскетболистом. Спортивная деятельность познакомила художника с новой для него стороной нью-йоркской жизни — с рингом, который он и увековечил позднее в своем творчестве.

Недалеко от студии Беллоуса находился «Спортивный клуб Шарки», где всем жаждущим славы боксера предоставлялась возможность проявить себя. В этом беспокойном мире, с его торжеством грубой силы, смелости, ловкости и первобытных инстинктов, с его залитой светом ареной, где судьба решает, кому быть героем на одну ночь, Беллоус находит новую достойную своего таланта тему. Смелость рисунка и напоминающее Рубенса богатство красок позволяют Беллоусу с большой силой запечатлеть на темном фоне мускулистые фигуры боксеров в ослепительном свете прожекторов и неистово рукоплещущую толпу. Перед нами голая действительность — она не прикрашена,

«СОРОК ДВА МАЛЬЧУГАНА», купающихся у полуразрушенной пристани в нью-йоркской Ист-Ривер — одна из самых популярных картин Беллоуса. Собственность Коркоранской галереи в Вашингтоне.

но и не принижена, в ней нет ни сентиментальности, ни пошлости.

Серия картин, посвященных боксу, вызвала в художественном мире сенсацию и создала славу молодому живописцу из Охайо. Беллоусу не было и тридцати лет, когда его признали одним из виднейших мастеров американского искусства. Однако, вместе с успехом пришла все растущая неуверенность и неясность стремлений. Акты и пейзажи Беллоуса могут служить убедительным доказательством этого. Трезвый реализм раннего периода сменяется вялым, но более популярным сентиментализмом. Трудно точно установить причины этой перемены: быть может, она вызвана честолюбием, а может быть и желанием художника писать во вкусе современного ему общества.

Волна модного искусства окончательно захлестывает Беллоуса: он не сумел осознать, в чем его истинная сила, и понять, куда лежит его путь. Когда-то давно, в студенческие годы, еще сомневаясь в своих способностях, он случайно заглянул через плечо товарища и сказал: «Дай-ка и я попробую сделать то же». Теперь он прислушивается к голосу нью-йоркских заправил модного искусства и без малейшего усилия пишет в угоду их вкусам картину за картиной. Беллоус осваивает не только новые стили, но и новые теории: динамическую симметрию Гамбиджа, которая признается «золотым правилом» удачного рисунка, гамму красок Маратты — ключ к «идеальной» гармонии, и позднейшую романтическую теорию о назначении художника — обличителя социального зла и проповедника добродетели. Чуждые его натуре приемы письма и идеи обескровили его творчество, от былого мастерства оставалась только блестящая техника.

Так складывались жизнь и творчество Беллоуса: славу и материальное благополучие он приобрел при почти полной утрате художественных достоинств, которыми отличались его ранние работы. И если бы эклектические полотна этого периода оказались пределом его достижений, нам пришлось бы лишь покачать головой и предаться размышлениям о печальных последствиях чересчур легкого и слишком большого успеха.

Но, к счастью, дело было не так. Беллоус сумел вовремя справиться

с опасными соблазнами и, наряду с модными картинами, создать ряд портретов, воплощающих его истинные стремления. Эти портреты писались им не для выставок и не по заказу, а «для себя». И именно в них талант художника достигает полного расцвета.

Если вообще можно говорить о каком-либо влиянии на стиль этих работ, то только о влиянии Икинса, американского реалиста XIX века, сравнительно неизвестного при жизни и оцененного по заслугам лишь в 1920-х годах, после ряда посвященных ему нью-йоркских выставок. Правдивое и точное мастерство Икинса, как раньше творчество Гальса и Курбе, оказалось Беллоусу близким по духу. В короткое время он с большим вдохновением пишет целую серию блестящих портретов членов своей семьи. Сила, теплота, чуткость и превосходная техника сочетаются в них с аналитическим подходом мастера XIX века. Нежная и хрупкая тетя Фанни, очаровательная непосредственность дочери художника, Джин, благородная важность его матери... В их простых, родных лицах ему удалось схватить не только нечто основное и типичное, но и нечто общечеловеческое, что не утратит своей ценности под влиянием изменчивого и капризного вкуса. Эти портреты останутся одними из лучших образцов американского портретного искусства.

Беллоус умер в 1925 году всего сорока двух лет от роду, в разгар творческой деятельности. Всегда веря в свое несокрушимое здоровье, он беспечно отнесся к серьезным симптомам аппендицита и своевременно не обратился к хирургу.

Внезапная смерть Беллоуса, совпавшая с тем моментом, когда художнику после долгих исканий снова удалось найти свой путь, была большой утратой для Америки. Остался он жив, его поколение, быть может, избрало бы иные пути, и современное искусство приняло бы, под его влиянием, другое направление. Как бы то ни было, выставка этого года, на которой показаны ранние нью-йоркские пейзажи Беллоуса, посвященные боксу полотна и последние семейные портреты, доказывает, что его творческий гений достиг вершин мастерства. Какой художник может мечтать о большем?

«АННА В БЕЛОМ». Портрет дочери Беллоуса в возрасте девяти лет — один из замечательных портретов членов семьи Беллоуса, соз-

данных художником в последние годы жизни. Эта картина была приобретена в 1925 г. Институтом Карнеги в Питтсбурге, Пенсильвания.

РАДИОАСТРОНОМИЯ

Антенна радиотелескопа «прислушивается» ко вселенной. На фото, полученном с 90-минутной выдержкой широкоугольным объективом, звезды словно описывают кривые по небу.

Три столетия человек наблюдал вселенную «как бы сквозь тусклое стекло»: наблюдения ограничивались безоблачными ночами, поле зрения затемнялось пылью и кристаллами льда. И вот, внезапно, завеса упала — и новый способ «видения» открывает перед человеком вселенную, о существовании которой он даже не подозревал. Гигантские радиотелескопы направлены на небо круглые сутки. Они проникают на миллионы световых лет дальше самых отдаленных пределов, доступных величайшим оптическим телескопам, и улавливают радиоволны, исходящие от носящихся в пространстве водородных атомов, или радиоизлучения потухших мертвых звезд, давно потерянных для человека. Этот новый метод астрономических наблюдений представляет собой технологическое достижение первостепенной важности.

За последних десять лет ученые Соединенных Штатов, Советского

Союза, Великобритании, Нидерландов и Австралии — ведущих стран в этой волнующей области — обменивались немалым количеством сведений, касающихся радиоастрономии и ее поразительных открытий о природе вселенной.

Первые шаги радиоастрономии, как и большинства истинно великих научных открытий, отличались крайней скромностью. Начало ей было положено в 1931 году на картофельном поле в Холмделе (штат Нью-Джерси), километрах в одиннадцати от бухты Санди-Хук.

Двадцатипятилетний радиоинженер Карл Янский был занят чисто практической работой: он, как и многие другие в то время, пытался устранить атмосферные помехи при радиопередачах с корабля на берег. С этой целью он построил из металлических трубок и дерева радиоантенну в тридцать метров высотой, поставил ее на взятые со старого форда колеса и приводом от двигателя сообщил ей

вращательное движение. Антенна не слишком разнилась от многих других антенн, применявшихся с той же целью. Различие заключалось в самом Карле Янском.

Янский решил выяснить источник помех, принимаемых его антенной, как то: электрические бури, искрение промышленных двигателей, трамвайных проводов и моторов на грузовиках и автобусах. Мало-помалу он установил источники решительно всех помех, кроме одного: слабого, но постоянного шипения, отдававшегося свистящим шепотом в его наушниках. Янский хорошо знал свое дело, он знал, что все наземные источники помех устранены им начисто, поэтому он пришел к заключению, что шипение, по необходимости, внеземного происхождения. Сотни техников, пользовавшихся аналогичной аппаратурой, слышали такие же звуки, но предполагали, что причина их кроется в изъянах приемника. Янский знал, что в его

приборе изъянов не было, — источник помех должен был находиться вне приемника.

Целый год, день за днем, он тщательно наносил на диаграммы направление, интенсивность и время появления шипящих помех. Диаграммы указывали, со свойственной диаграммам совершенной точностью, на самый центр Млечного Пути. Что-то в мировом пространстве производило «радиовещание». Каков бы он ни был, источник радиовещания был довольно силен, ибо, пройдя 300.000.000.000.000.000 километров, он производил шипящий звук в ушах ученого на картофельной грядке.

Об открытии Карла Янского было широко оповещено в популярной прессе, и оно даже попало в радиопередачу: одна из радиосетей включила в программу «радиоволны со звезд» — один из чрезвычайно редких случаев в истории, когда радиостанция намеренно передавала помехи.

различной длины. Это похоже на то, как если бы человек смотрел на игру в футбол через глазок в заборе, а затем вдруг пришел бы бульдозер и сорвал весь забор.

Или посмотрим на это с другой стороны. На расстоянии приблизительно 200.000.000 световых лет от нас, в созвездии Лебеда, находится видимый только в самые большие оптические телескопы источник радиоизлучения — место столкновения двух огромных галактик. Эта катастрофа происходит так далеко от нас, что только съемка с длительной выдержкой может запечатлеть на сверхчувствительной пленке «тень» этого события. Однако, возникающие в результате столкновения радиоволны колоссальны. В созвездии Лебеда выделяется каждую секунду количество энергии, которое, будучи сконцентрировано и превращено в теплоту, могло бы удовлетворить все потребности земного шара в тепле и энергии на ближайшую тысячу миллиардов лет.

Итак, радиоастрономия имеет то преимущество, что она может «видеть» гораздо более широкую полосу волнового спектра и может уловить явления или совершенно невидимые, так как они не излучают видимого света, или же находящиеся на таком далеком расстоянии, что свет от них никогда не дойдет до земли в поддающемся измерению виде. Однако, радиоастрономия обладает и другими преимуществами. Радиотелескоп работает одинаково хорошо и днем и ночью, в облачную, туманную и дождливую погоду. Вместо наблюдений только в сравнительно немногие ясные ночи, астрономы могут теперь собирать данные круглые сутки, ибо радиотелескопы автоматически следуют за объектом при круговращении земли.

По существу, радиотелескоп — это радиоантенна, собирающая радиоволны, излучаемые, вместе со световыми волнами, звездами и межзвездной материей. Эти доносящиеся из вселенной волны могут быть превращены в доступные слуху звуки или в линии на самопишущем приборе, подобно волнам, поступающим с радиостанции обычного типа. Как вращающаяся рамочная антенна радиоконспаса может установить местоположение передатчика, так радиотелескоп может установить местоположение звезды.

Радиотелескопы отличаются чрезвычайно высокой чувствительностью, поэтому в них слышится хаотическая смесь помех, но опытные радиоастрономы умеют ловить невероятно слабые сигналы. Чтобы показать, насколько успешно работают лучшие радиотелескопы, отметим, что они могут обнаружить источник сигнала, в сто тысяч раз более слабого, чем фон помех в радиоприемнике. Это столь же легко, как узнать голос одного человека в дико шумящей толпе на стадионе Динамо.

Конструкции антенн радиотелескопов весьма разнообразны. Са-

мыми распространенными являются две формы: параболические отражатели и решетки вибраторов. Огромные параболические приемники могут быть сделаны из сплошного листа металла или из металлической сетки, и каждый из них концентрирует радиоволны подобно тому, как гигантские зеркала телескопов собирают лучи света.

Решетки вибраторов (многопольные антенны) состоят из многих — иногда сотен — металлических стержней, длина которых равна половине длины волны. (В зависимости от длины изучаемой волны, диполи могут быть от 0,64 сантиметра до двадцати четырех метров длиной.)

Независимо от того, состоит ли антенна из зеркала параболической формы или из диполей, принцип остается тот же. Подобно зеркалу оптического телескопа, антенна любого типа должна быть достаточно велика: чем антенна крупнее, тем сильнее концентрация радиоволн и тем более исчерпывающими оказываются получаемые астрономами данные.

Размеры всего сооружения еще важнее для радиотелескопов, чем для телескопов оптических. Ибо, хотя радиотелескоп и может получать радиоволны из источников, гораздо более отдаленных, чем видимые световые волны, его разрешающая способность, т. е. способность разделять воспринимаемые импульсы, много слабее. Чтобы сделать ее, например, равной такой же способности человеческого глаза, потребовался радиотелескоп с антенной приблизительно с километр в поперечнике. Чтобы сравняться по разрешающей способности с 508-сантиметровым зеркалом телескопа обсерватории на горе Паломар в Калифорнии, антенна радиотелескопа должна была бы быть величиной с земной шар. Никто еще не проектировал антенн таких размеров — до сих пор...

В числе самых точных антенн типа сплошных параболических зеркал можно упомянуть пятнадцатиметровую антенну из литого алюминия Военно-морской исследовательской лаборатории в Вашингтоне. Она смонтирована на пушечном станке и может вращаться в горизонтальном и вертикальном направлениях; поверхность ее обработана так тщательно, что она улавливает волны в один сантиметр длиной и даже меньше. Еще более крупных размеров параболические антенны из металлической сетки применяются во многих странах мира.

Хорошим примером многопольной антенны может служить антенна, сооруженная на ровном участке земли неподалеку от Сиднея, в Австралии. Здесь 600 диполей смонтированы над двумя отражающими радиосигналы полосами проволочной сетки длиной в четырехеста пятьдесят метров. Горизонтально расположенные в форме огромного креста, эти полосы образу-

ют как бы линзы радиотелескопа.

Третий тип антенн — спирального устройства — состоит из проволочных спиралей, обмотанных, на подобие растянутых пружин, вокруг металлических стержней. Для некоторых наблюдений такие антенны иногда более эффективны, чем диполи. Одна из крупных антенн этого типа имеется в университете штата Охайо, где 96 спиралей выполняют работу тысячи диполей.

Для наблюдений специального характера радиоастрономы могут комбинировать эти типы антенн, а также другие, для получения данных, которых нельзя добыть при помощи антенны одного только типа или конструкции.

Особенно многообещающими можно считать недавно построенные радиотелескопы, основанные на принципе интерферометра. Один такой телескоп, установленный на скале над Тихим океаном у Сиднея, использует океан в качестве рефлектора. Аналогичный телескоп, тоже использующий Тихий океан как рефлектор, был построен на одном из Гавайских островов, на вершине вулкана высотой в 3.000 метров.

Почти столь же грандиозный сверхтелескоп проектируется университетом штата Охайо. Он будет состоять из параболической антенны в 600 метров длиной и 60 метров высотой, — антенны, построенной из горизонтально расположенных проводов для уменьшения сопротивления ветру. Против него будет сооружен столь же гигантский рефлектор такой же конструкции. Величина апертуры для приема радиоволн будет равняться 36.000 кв. метров.

Строение Млечного Пути, достаточно внушительного и для невооруженного глаза, представляется еще более интересным при наблюдении с помощью радио. Радиотелескопы вскрывают то, чего не видно в оптические телескопы, т. е. внутренний «скелет» Млечного Пути, — вроде того, как рентгеновские лучи показывают ребра и позвоночный столб человека. Спиральное строение Млечного Пути, о котором астрономы могли лишь догадываться по аналогии с другими галактиками, делается очевидным при наблюдении Млечного Пути радиотелескопом. Мертвые звезды, не излучающие видимого света, все еще могут быть мощными передатчиками радиоволн. Газовые скопления, часто невидимые для обыкновенных телескопов, также «видны» в радиотелескоп.

Кроме тех новых познаний об основах строения вселенной, которые радиоастрономия может дать человечеству, возможны также некоторые практические ее применения. Одним из них будут навигационные приборы, которые позволят судам и самолетам точно засекать местонахождение по «радиозвездам» даже в тех случаях, когда небо покрыто тяжелыми тучами и не видно никаких ориентиров ни на суше, ни на море.

Каким же образом могут находиться в мировом пространстве тела излучать радиоволны? Ответ заключается в самой природе энергии. Находящиеся во вселенной атомы, так же как и атомы на земле, состоят из электронов; когда электрон переходит с одной орбиты на другую, освобождается некоторое количество энергии, и часть ее представляет собой радиоволны. Радиотелескопы просто собирают эти волны, подобно тому, как огромные линзы и зеркала гигантских телескопов собирают световые волны, дающие нам изображения звезд.

Самое важное различие между волнами заключается в том, что из всех волн, возникающих при переходе электронов, только совершенно незначительная часть воздействует на человеческий глаз или фотографическую пленку. В противоположность этому, радиоприемники, имея очень широкий диапазон, могут принимать волны

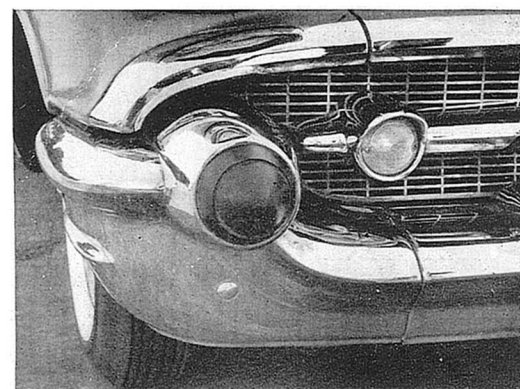

ИЗЯЩНЫЙ И КРЕПКИЙ ЛИМУЗИН ШЕВРОЛЕ ВЫПУСКА 1957 Г., ДЛИНОЙ В 508 СМ. И ШИРИНОЙ В 156 СМ., ВЕСИТ 1.500 КИЛОГРАММОВ. БЕСКАМЕРНЫЕ

АЛЮМИНИЕВАЯ ПЕРЕДНЯЯ РЕШЕТКА АНОДИРОВАНА И НЕ ПОДВЕРГАЕТСЯ РЖАВЧИНЕ И КОРРОЗИИ.

ВСАСЫВАЮЩАЯ СЕТКА вентилятора охватывает верхнюю половину фары; резиновые наконечники (внизу) предохраняют передний бампер.

АВТОМОБИЛЬ СНАРУЖИ И ВНУТРИ

ГУЭН ДЖОНСОН

Четырехдверный лимузин Шевроле (фото слева) на протяжении многих лет оставался одним из самых популярных автомобилей в Соединенных Штатах. Постоянно улучшая свой внешний вид и совершенствуя технические качества, Шевроле отвечает всем требованиям сегодняшней автомобильной моды: он большой, вместительный, мощный, надежный и удобный. Автомобиль считается недорогим — цена машины колеблется между 2.100 и 2.900 долл. (8.400 — 11.600 руб.), в зависимости от модели, мощности мотора и дополнительного оборудования. Покупателю предлагается на выбор семнадцать цветов окраски кузова, восемь классов мощности двигателя (от 140 до 283 лошадиных сил) и четыре системы передач. На наших снимках крупным планом показан внешний и внутренний вид автомобиля и его двигателя. Фотограф выбрал данные детали не потому, что они чем-нибудь особенно замечательны, но, наоборот, по их распространенности в американских автомобилях. Автоматическое переключение передач было, например, еще лет десять назад сравнительно редкостью; теперь им оснащены три четверти новых автомобилей.

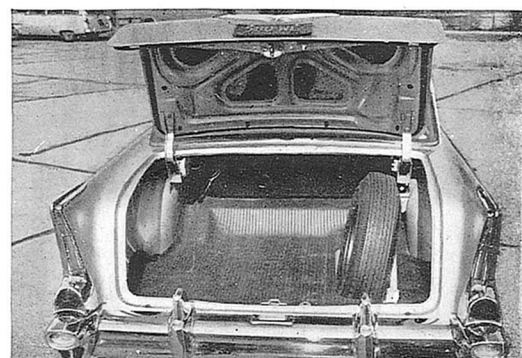
Среди 5.800.000 легковых машин, выпущенных за истекший год в Соединенных Штатах, было больше Шевроле, чем автомобилей любой другой из семнадцати марок. Первенство это, однако, придется отстаивать: главные конкуренты Шевроле — Форд и Плимут — внесли ряд важных изменений в свои модели 1957 г. и теперь, пожалуй, трудно предсказать, удастся ли Шевроле удержать первое место и в текущем году, или придется уступить его Форду.

ШИНЫ НАПОЛНЕНЫ ВОЗДУХОМ ПОД ДАВЛЕНИЕМ В 1,5 КГ./КВ. СМ.

ФОНАРИ ПОЗАДИ, НА КОНЦАХ БУФЕРА, ЗАЖИГАЮТСЯ ПРИ ВКЛЮЧЕНИИ ПЕРЕДАЧИ ЗАДНЕГО ХОДА.

КОЛПАЧОК БЕНЗОБАКА — на заднем крыле. Емкость бака — 68,4 литра. В вместительном багажнике хранится запасная шина и пр.

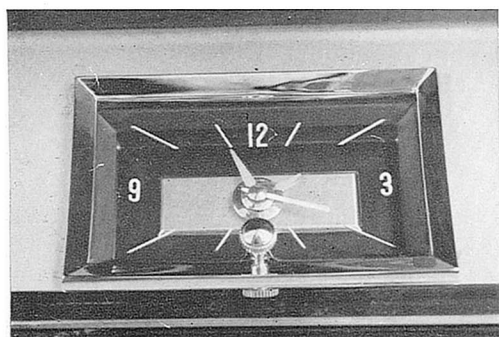

ЧЕРЕЗ НЕБЬЮЩЕЕСЯ ВЕТРОВОЕ СТЕКЛО ВОДИТЕЛЮ И СЕДОКАМ ОТКРЫВАЕТСЯ ШИРОКИЙ ВИД НА ДОРОГУ И ОКРУЖАЮЩУЮ МЕСТНОСТЬ. В ПРИБОРНЫЙ ЩИТОК

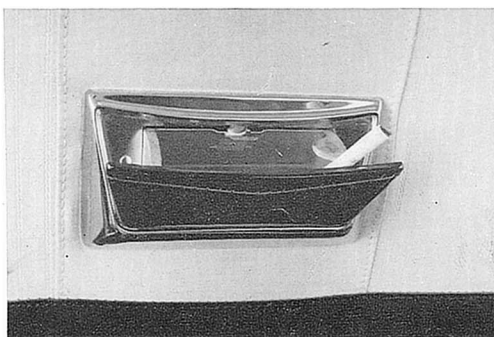
В текущем году каждая из 55.000.000 американских легковых машин проделает, в среднем, 16.000 километров. Кроме дешевизны эксплуатации машины и ее надежности, обеспечивающей безопасность езды, очень желательны также различные удобства, облегчающие автомобилистам долгие часы за рулем. Чтобы удовлетворить эти пожелания, Шевроле, подобно другим

фирмам, предлагает покупателям, за особую плату, ряд дополнительных приспособлений и устройств. Важнейшими из них в данной модели являются: радиоприемник с клавишным переключателем, отопление, указатели поворотов и автоматическое (турбинное и планетарное) переключение передач, пришедшее на смену обычной коробке скоростей и сцеплению.

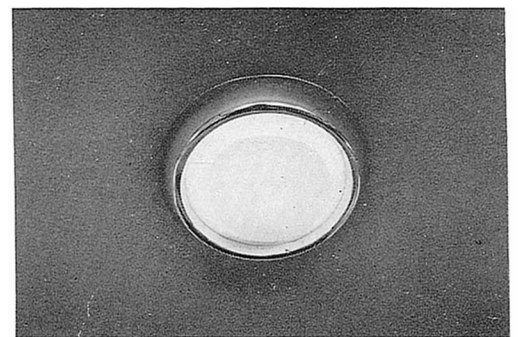
СТИЛЬНЫЕ ЧАСЫ вмонтированы в передний щиток. Циферблат из пластмассы, с металлической отделкой. Ночью часы освещены.

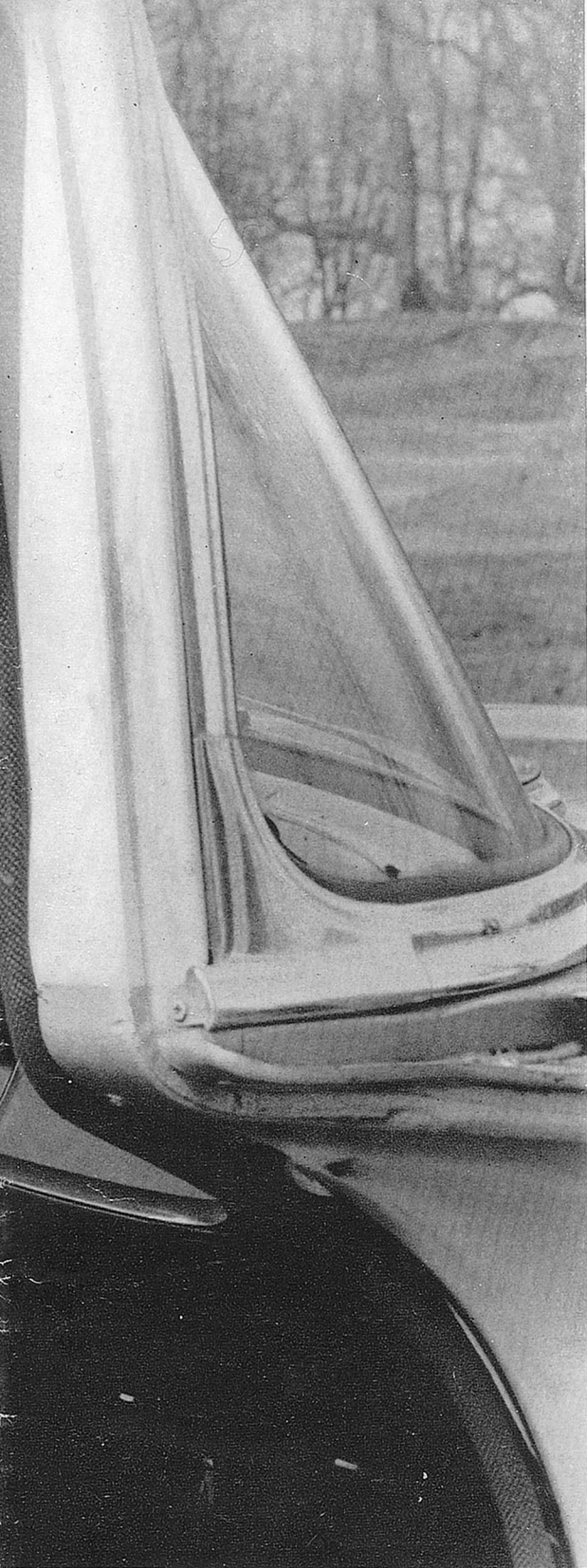

СЪЕМНАЯ ПЕПЕЛЬНИЦА — в спинке переднего сиденья. Обивка отделана винилом; покрывка переднего сиденья из нейлона.

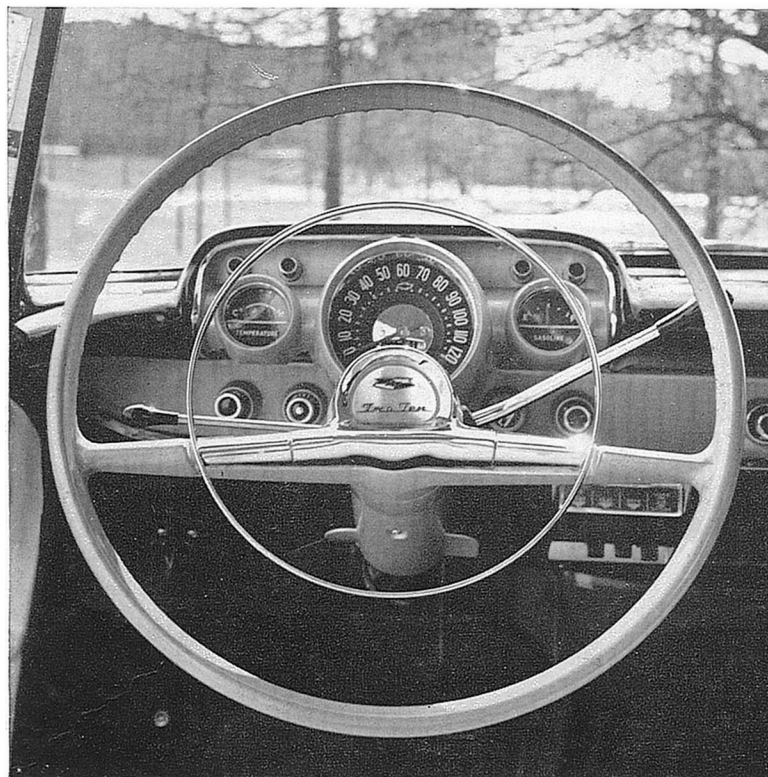
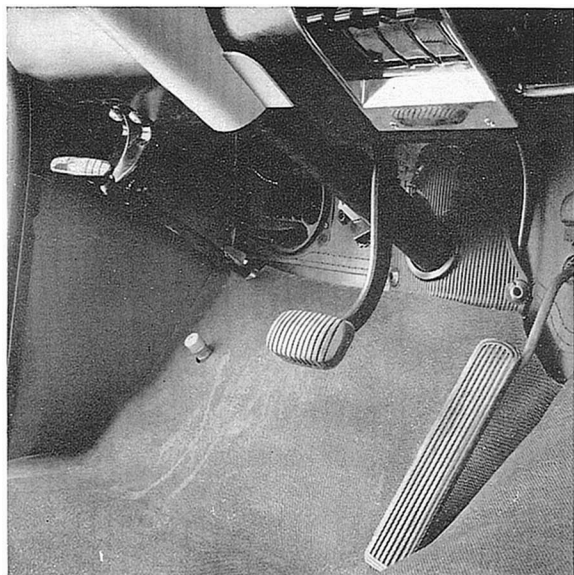
ПОТОЛОЧНАЯ ЛАМПА зажигается, когда открывается передняя дверь, для предотвращения несчастных случаев при посадке.

ВМОНТИРОВАНЫ РАДИО, ЧАСЫ, ЗАЖИГАЛКА И ПР.

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ передач устраняет педаль сцепления, поэтому на тормозную педаль можно нажимать то правой, то левой ногой.

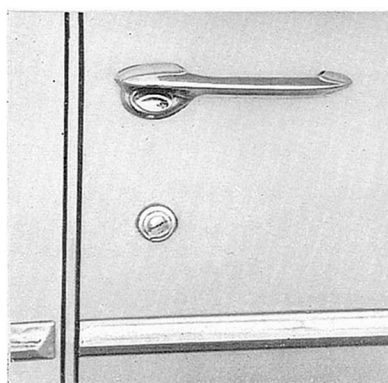

СИДЯ ЗА РУЛЕМ, водитель видит необходимые для управления циферблаты указательных приборов для горючего, масла и скорости. Металлическое кольцо управляет клаксоном, рычаг справа — автоматической передачей, рычаг слева — сигнальными огнями для указания направления поворота. Кнопки — для фар и зажигания.

ПОД ВЫКЛЮЧАТЕЛЕМ зажигания и электрической зажигалкой помещены рычаги, управляющие отоплением, дефростером и вентиляцией. За последние годы аппараты кондиционирования воздуха стали обычной принадлежностью самых дорогих американских автомобилей, но их можно установить почти на любой машине.

БОКОВЫЕ ОКНА сделаны из безосколочного стекла. Кнопка под дверной ручкой открывает дверь.

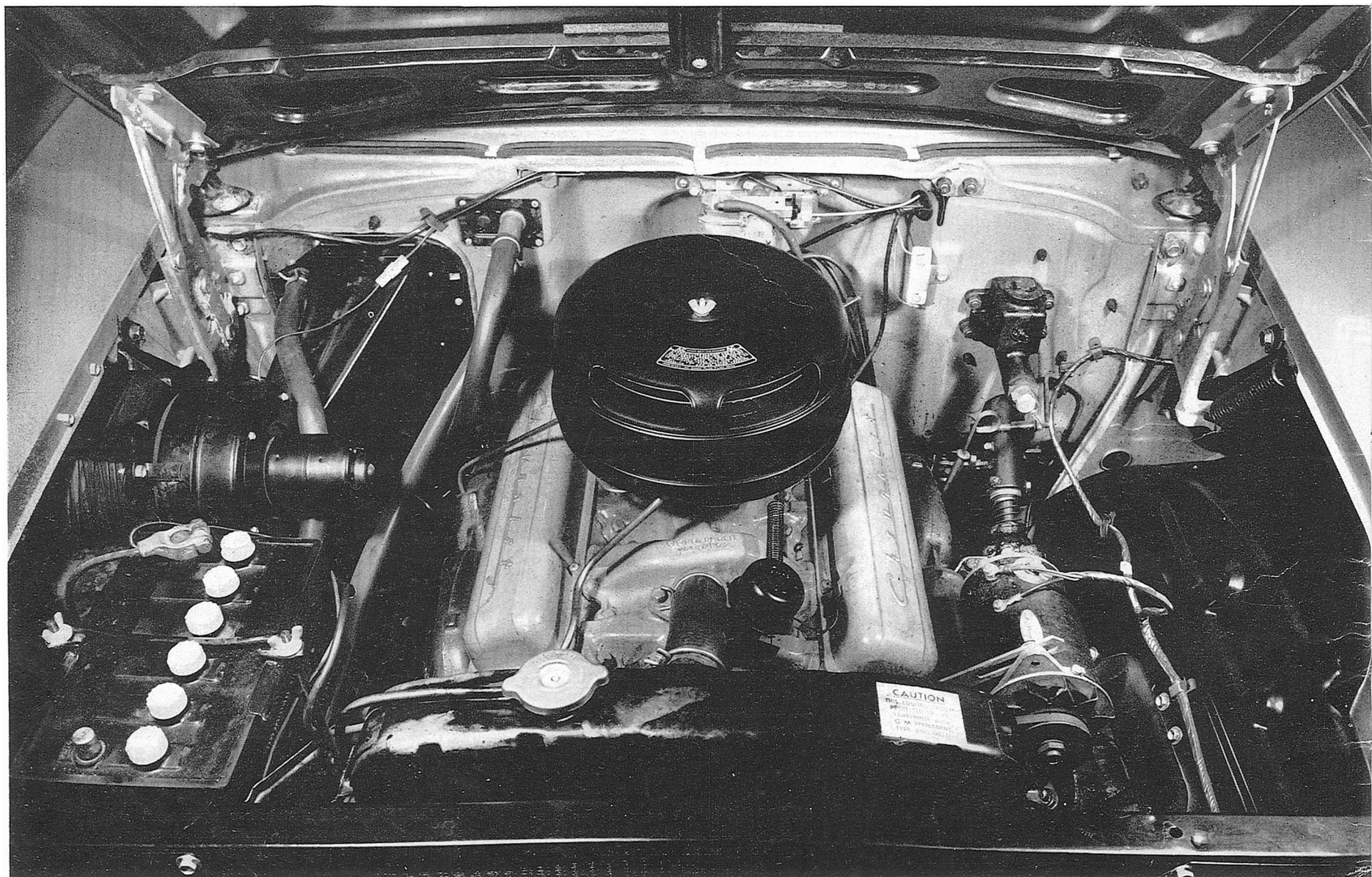

КРЕПКИЕ ПЕТЛИ повышают прочность дверей. Вращающаяся деталь предохранительного замка задерживает дверь, не давая последней распахнуться в случае аварии.

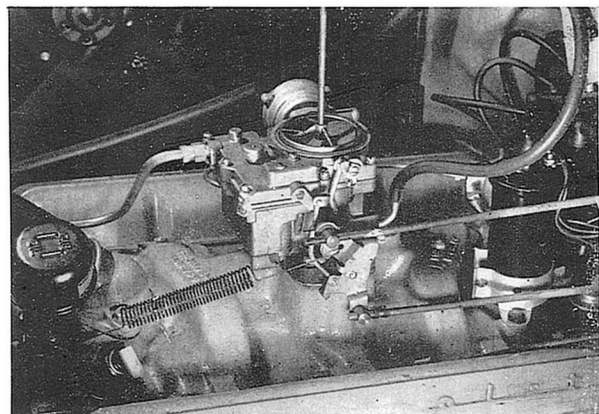

Под широким капотом Шевроле находится источник его силы — восемь цилиндров мощностью в 185 лошадиных сил. Рабочий объем двигателя равен 4.638 куб. см., степень сжатия — 8,5. Доступ ко всем деталям мотора возможен без особых затруднений, что облегчает необходимое обслуживание и ремонт. Шестивольтовая батарея Шевроле заменена двенадцативольтной, ускорившей запуск двигателя и повысившей коэффициент полезного действия генератора. Применение системы непосредственного впрыска топлива (впервые в недорогих машинах) и повышение степени сжатия (10,5) доводит мощность того же, в основном, двигателя до 283 лошадиных сил.

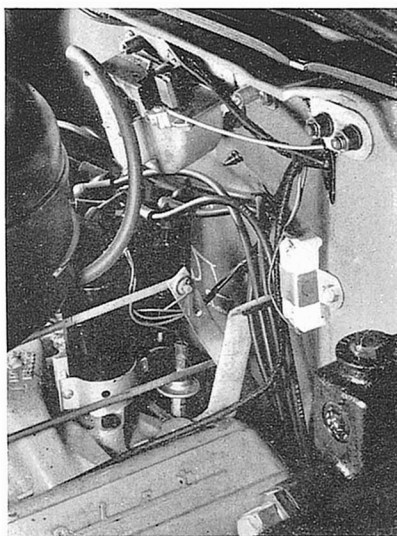

ВОСЬМИЦИЛИНДРОВЫЙ МОТОР С ВЕРХНИМИ КЛАПАНАМИ РАЗВИВАЕТ 185 ЛОШАДИНЫХ СИЛ ПРИ РАБОЧЕМ ОБЪЕМЕ В 4.638 КУБ. САНТИМЕТРОВ.

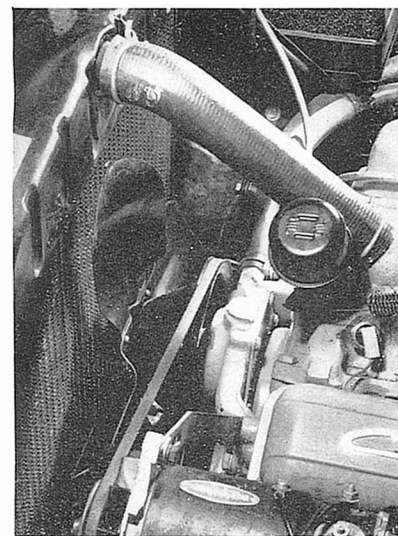
ДВУХДИФFUЗОРНЫЕ КАРБЮРАТОРЫ (посередине) весьма распространены, но многие предпочитают карбюраторы с четырьмя диффузорами. Имеются также машины Шевроле с непосредственным впрыском топлива. Вероятно и другие фирмы вскоре введут эту систему.

ПОЗАДИ ДВИГАТЕЛЯ — целая сеть труб и проводов. Электромотор для очистителя ветрового стекла — вверху в центре, главный цилиндр для гидравлических тормозов — справа.

СИСТЕМА ВОДЯНОГО ОХЛАЖДЕНИЯ требует 14,6 литра воды; охлаждающая система работает под давлением во избежание кипения воды при повышении температуры мотора.

ПОСТАНОВКА ГОЛОСА РОЯЛЕЙ

БРУС БЛИВЕН

С разрешения журнала «НЬЮ-ЙОРКЕР»

Многочисленные любители симфонических и фортепьянных концертов обязаны человеку по имени Уилльям Хупфер вероятно больше, нежели кому-либо другому в музыкальном мире Америки, — и, тем не менее, большинство слушателей даже не подозревает об его существовании. В качестве главного регулировщика звука знаменитой фортепьянной фирмы «Стейнвей и сыновья», Хупфер проверяет и утверждает к выпуску каждый концертный рояль, покидающий фабрику Стейнвей, и следит за тем, чтобы тон всех 130 инструментов, которые фирма в Нью-Йорке предоставляет концертирующим музыкантам, был таким, каким ему надлежит быть. В особых случаях Хупфера могут пригласить для обслуживания некоторых из других четырехсот концертных роялей, составляющих раскинутое по всей стране прокатное депо фирмы Стейнвей. Каждый из этих инструментов доступен любому пианисту — будь он хороший или плохой — в любом концертном зале Америки, всего лишь за цену стоимости перевозки.

Хупфер не настраивает роялей. Иногда он говорит, что делает это, но только для того, чтобы избежать сложных объяснений, возникающих по той простой причине, что лишь немногие вообще слышали о регулировке звука фортепьяно. Хупфер, конечно, и квалифицированный настройщик: тридцать лет он занимался настройкой роялей для фирмы Стейнвей, пока в 1946 году не был назначен на свою теперешнюю должность. В былые годы, он лет пятнадцать сряду разъезжал в качестве личного настройщика то одного, то другого знаменитого пианиста — в том числе Рахманинова, Иосифа Гофмана и Майры Хесс. В сущности говоря, он специалист во всех областях ухода за фортепьяно и лично выполнял все ремонтные работы, какими только может заниматься фортепьянный мастер. «Меня вы можете считать всесторонним человеком рояля», — сказал как-то Хупфер, желая подчеркнуть, что придает большее

значение многосторонности, нежели узкой специализации. В исключительных случаях он и теперь настраивает то там, то здесь отдельные ноты и смазывает скрипучие педали, но обычно он оставляет всю эту «черную работу», за исключением регулировки звука, своим помощникам.

Регулировка звука гораздо труднее настройки и не имеет с ней ничего общего. Регулировщик не следит за струнами, составляющими главный предмет заботы настройщика, а сосредоточивает все свое внимание на состоянии фетра клавишных молоточков. Его работа требует слуха исключительной тонкости. Настройщик слышит разницу в высоте звука, уловить которую сравнительно не так уж трудно, регулировщик же слышит разницу в качестве звучания, подчас столь неуловимую, что и Рахманинов и Падеревский признавались в неспособности ее обнаружить. У настройщика есть механический стандарт, который ведет его по правильному пути, — камертон. У регулировщика нет ничего, кроме его собственной памяти. Когда-то другой регулировщик научил его, как отличить хороший звук, и он должен носить концепцию этого звука у себя в голове, подобно тому, например, как домохозяйка помнит цвет стен своего дома, когда идет в универсамг подбирать подходящую материю для обивки. Хупфер, научившийся отличать правильный звук у своего предшественника Иосифа Мессершмитта (сейчас последнему шестьдесят шесть лет, и он уже вышел в отставку), является высшим авторитетом фирмы Стейнвей в этой области. Для фирмы он воплощает идеал совершенного звука, как, скажем, международный эталон килограмма — совершенную единицу веса для Международной палаты мер и весов. Когда фирма Стейнвей желает узнать, как звучит рояль, — спрашивают Хупфера. Фирма выпускает приблизительно двести пятьдесят концертных роялей в год, и Хупфер посещает фабрику раз или два в неделю для проверки тона каждого нового ин-

струмента до выпуска его в продажу. Когда сомнения в звуке фортепьяно возникают за пределами Нью-Йорка и местные специалисты не могут разрешить их, на месте действия обычно появляется Хупфер в роли целителя, с набором кое-каких инструментов в кожаном чемоданчике, но с основной частью оборудования у себя в голове. Иногда, во время подобных поездок, какой-либо ремонт подозрительного рояля оказывается вовсе ненужным; часто местные сомнения без всякого основания направляются против бедного инструмента, в то время как в действительности (т. е. по мнению Хупфера) все обстоит в порядке. В таких случаях его успокоительных слов, сопровождаемых, для проформы, несколькими подвинчиваниями, бывает достаточно, чтобы убедить всех заинтересованных лиц в безупречности звучания.

Хупфер не претендует на абсолютный слух. Само это выражение он презирует, отчасти потому, что им всегда пользуются самодовольные мамы, приходящие выбирать инструмент для своих «вундеркиндов». «Поймите на слове всех, кто заявляет, что у них абсолютный слух, — сказал однажды Хупфер, — и заставьте их назвать точное число колебаний в секунду — и обычно получается, что в лучшем случае они могут определить ноту — например *ля*. Но у них нет ни малейшего представления о числе колебаний в ней — 440, 444 или 448. Кому нужен такой абсолютный слух?» — Сам Хупфер умеет отличить *ля*, когда он его слышит, но, так как он все равно должен пользоваться камертоном для определения точной высоты звука, он считает эту способность совершенно не заслуживающей упоминания.

Каждый пианист, желающий для своего выступления в Нью-Йорке взять рояль Стейнвея, при-

ходит к Хупферу в его мастерскую в подвальном, похожем на сарай, помещении, размером двадцать один метр на девять. Это простая, чисто утилитарного назначения комната, с широкой раздвижной дверью, с гладким паркетным полом, по которому с легкостью катаются ролики фортепьянных ножек, и высоким потолком, покрытым трубами парового отопления и вентиляционными воздуховодами. Стены помещения выкрашены, по образцу школьных классов, в темно-зеленый цвет на метр от пола и в грязно-кремовый выше. Окон нет и освещение тусклое, за исключением одного угла, где яркая рабочая лампа свисает над деревянным станком. Единственным украшением комнаты служат рояли — их около двадцати, по большей части из прокатного фонда фирмы. Остальные либо отданы во временное пользование, либо хранятся в складочном помещении на втором этаже. Все рояли — двух самых больших моделей, выпускаемых фабрикой: модель В — 213 сантиметров длиной и модель D — в 272 сантиметра, все благородного черного цвета. В полусвете, собранные вместе, они производят весьма внушительное впечатление.

Обычный средний клиент приходит в депо, исполненный страха и взволнованный перспективой через две-три недели предстать перед нью-йоркскими музыкальными критиками. Он желает выбрать самый лучший рояль, и Хупфер ему вполне сочувствует. У каждого инструмента в подвале есть свой регистрационный номер на внутренней стенке корпуса. Пока рояль поджидает клиента, на крышке стоит деревянная рамка, а в ней — карточка с написанным карандашом номером. Хупфер как-то заметил, что, если стереть регистрационные номера и перемешать карточки, никто не сумеет отличить один рояль от другого по звуку.

На самом деле, рояли в достаточной степени различны, и Хупфер мог бы распознать их и без номера, но он утверждает, что, после того как он и его сотрудники отрегулируют их надлежащим образом, различия между инструментами становятся слишком незначительными и большинство людей не может их уловить. Хупфер умышленно ведет себя так, как будто все его рояли одинаковы и взаимозаменяемы, хотя и знает, что это не верно. Он достаточно хорошо знаком с артистическим темпераментом и понимает бесполезность стараний втолковать нервному пианисту, что его Стейнвей можно было бы с таким же успехом заказать по телефону. «Главное — это чувство уверенности в инструменте, — говорит он. — Неважно, какой именно рояль выберет артист: когда Рубинштейн играет, все они звучат великолепно. Но каждый артист должен быть вполне уверен в правильности своего выбора».

И внешность и манеры Хупфера вселяют в его клиентов чувство уверенности. Сам он коренастый человек, пятидесяти шести лет, с квадратным подбородком, пушистыми иссиня-черными бровями, с несколько меланхолическим выражением лица, как бы дающим

понять, что ему-то хорошо известны все неприятности концертного ремесла и тяжелые испытания, выпадающие на долю концертанта. Вместе с тем он выглядит человеком, на которого можно положиться, который в совершенстве постиг тайны своего мастерства. Он говорит: «Добрый день!» новичкам и «Алло!» старым клиентам с таким выражением, как будто встреча с пианистом — с любым пианистом — есть приятнейшее событие. На нем большой белый фартук поверх белой сорочки и брюк (от делового костюма), и во время переговоров он упорно придерживается роли техника. Лишь немногие пианисты хорошо знакомы с механикой фортепьяно, и Хупфер нашел, что, держась технической линии, он внушает им успокаивающее чувство общения с авторитетным специалистом. Зрелище двадцати роялей в одной комнате также способствует успокоению нервов клиента. Два десятка концертных инструментов выглядят внушительно, и клиенту легко поверить, что один из них окажется как раз таким, какой ему нужен. У большинства посетителей Хупфера подвал вызывает чувство взволнованности: они сознают, что сама эта комната пользуется известностью у концертных пиани-

стов всего мира, что великие музыканты выбирали здесь для себя «Стейнвей» и давали именно на этих инструментах незабываемые концерты.

Иногда Хупфер желает, чтобы у его подвала не было такой репутации. Слава бывших исполнителей заставляет некоторых клиентов как бы одухотворять старые инструменты, придавая им свойства знаменитостей, когда-то на них игравших. Например, рояль под регистрационным номером CD-15 широко известен постоянным клиентам как инструмент Рахманинова, и некоторые из них считают, что в нем каким-то образом сохранился творческий дух знаменитого пианиста и композитора. Рахманинов, действительно, несколько раз играл на CD-15, и Хупфер допускает, что рояль обладает необычайно полным звуком, но ему становится не по себе, когда клиент начинает взирать на инструмент с таким благоговением, как будто ожидает, что тот готов сам по себе разразиться до-диез минорным прелюдом Рахманинова. Хупфер всемерно старается ввести процесс выбора рояля в деловые рамки и освободить его от такого рода мистики. «Я считаю, что все эти рояли — только рояли и ничего боль-

ше, — говорит Хупфер, — и если CD-15 звучит несколько необычно, так это значит, что он, вероятно, становится старым».

Это не единственный пример того, как Хупфер, возможно бессознательно, нейтрализует свои собственные усилия заставить людей считать все его детища совершенно одинаковыми. От времени до времени на него самого нападает некоторого рода нежность к тому или другому инструменту. Он кладет на рояль руку жестом человека, похлопывающего по плечу старого друга, и приписывает инструментам индивидуальные свойства, каковыми, по его собственному мнению, они обладать не могут. У одного из роялей оказывается «жесткий» тон, у другого «певучий» или даже «блестящий», о третьем Хупфер может, в минуту особенно фамильярного настроения, даже отозваться, как о «старой калоше, полной сухих костей».

Конечно, доверие клиентов к Хупферу основано прежде всего на том, что все рояли содержатся у него в превосходном состоянии. Их настраивают и регулируют почти беспрерывно. Каждый рояль проверяется после каждого концерта, и в нем производятся все необходимые починки и исправления.

Дружная семья работников прокатного депо фирмы Стейнвей — Уильям Хупфер (сидит у рояля) и его помощники — за прослушиванием инструмента, который они регулируют.

Если рояль некоторое время никем не выбирается, он все равно подвергается очередному осмотру с целью устранения всех «недомоганий», могущих возникнуть из-за долгой бездеятельности. Как только на один из роялей падет выбор клиента, он проверяется первый раз до того, как пианист начал на нем заниматься, второй раз — в день концерта и, наконец, примерно за час до начала концерта, когда он уже на эстраде и ему больше не грозят сотрясения, толчки и внезапные изменения температуры. Инструменту уделяется столько внимания, что в нем вряд ли может развиваться какой-либо серьезный дефект, так как всякие подозрительные явления почти наверняка будут вовремя обнаружены и устранены в начальной стадии: большая часть найденных недочетов требует, обычно, лишь незначительных исправлений.

Тем не менее, после того как рояль прошел через полсотни концертов — точное количество зависит от того, кто играл на нем и сколько часов занятий предшествовало концертным выступлениям, — войлок или фетр на молоточках, выработываемый из прессованной овечьей шерсти, неминуемо начинает изнашиваться: постоянные

удары по струнам оставляют мельчайшие бороздки на его поверхности и сплюсывают кончики молоточков, а самый войлок твердеет. Все это плохо сказывается на качестве звука. Поэтому, как только Хупфер обнаруживает неполадки на молоточках, он временно изымает инструмент из обращения и принимается за восстановление нормальной гладкости и плотности (но не жесткости) поверхности молоточков и их мягкой округлой формы. Типичную работу такого рода проделал он недавно над CD-197 — над инструментом, на котором играли Александр Браиловский и Артур Рубинштейн. В течение трех месяцев этот рояль брали на прокат четырнадцать раз.

По мнению Хупфера, наступило время для общей проверки. Он распорядился откатить CD-197 в угол к станку. Регулировка механизма не представляет собой столь тонкой работы, как регулировка звука, и зачастую Хупфер поручает ее своим помощникам. Однако эти процедуры тесно связаны между собой, и если у него есть время, он предпочитает браться за обе лично. Он снимает крышку и ставит ее к стене. Затем — после осмотра ножек, лиры (поддерживающей педали рамы) и механизма педалей, с целью убедиться, что последние надежно закреплены и работают мягко, — он отвинчивает деревянные бруски по обеим сторонам клавиатуры, снимает клавишную крышку, вынимает весь механизм вместе с клавиатурой, — как выдвигают ящик письменного стола, — и кладет его на станок. Нетрудно обнаружить, что войлок на всех восьмидесяти восьми молоточках слегка покрыт бороздками — в октавах среднего регистра, на которые падает самая тяжелая работа, немного больше, чем в остальных. Хупфер берет небольшой кусок грубой наждачной бумаги, прикрепленной к деревянной ручке, и начинает тереть и подчищать молоточки поочередно, один за другим. В каждом случае нужно всего лишь несколько движений войлока; все же процедуру эту нельзя повторять чаще десяти-двенадцати раз, после чего молоточки идут на фабрику для перетяжки. Задача Хупфера — это уничтожить бороздки на поверхности, не стерев больше фетра, чем необходимо, и, одновременно, несколькими взмахами придать нужную округлость кончику молоточка. (Если молоточек слишком плоский, он глушит звучание своей ноты; если же он слишком острый, звук делается резким). Далее, Хупфер следит за тем, чтобы, обрабатывая молоточки, не нарушить точную градацию размеров последних — от маленьких молоточков в дискантовом регистре до больших в басу: человек, не вполне уверенный в том, что

делает, может испортить весь комплект несколькими неумелыми прикосновениями наждачной бумаги.

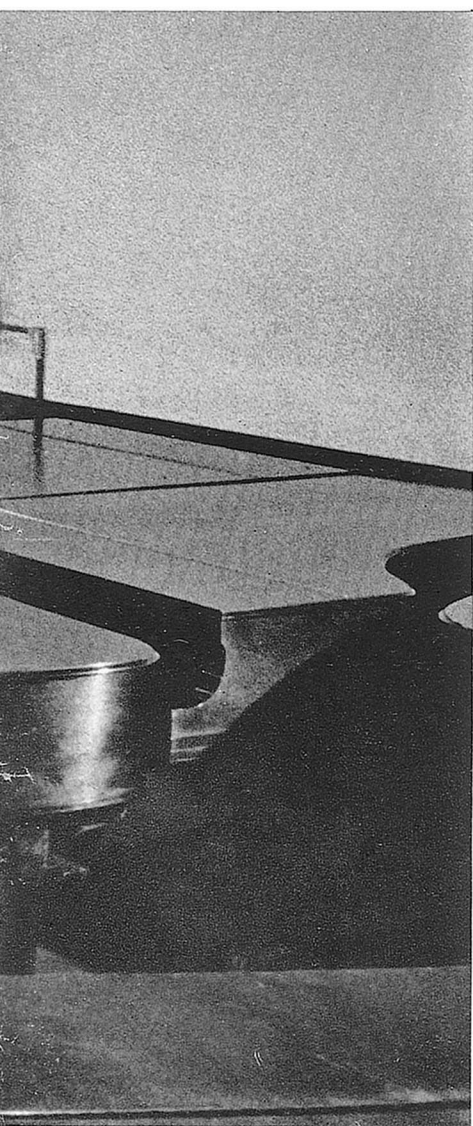
Обновив все молоточки и сделав их такими же чистыми и свежими, как новые теннисные мячи, Хупфер вдвигает механизм обратно в корпус CD-197. Затем, чтобы убедиться, что все шесть тысяч частей рояля в безупречном состоянии, он производит целую серию испытаний. Пользуясь длинной планкой со слегка вогнутым краем, он проверяет весь ряд клавиш, которые должны быть расположены в средних октавах немного выше, чем в концах клавиатуры. Несколькими миниатюрными свинцовыми гириками он испытывает равновесие клавиш, измеряя давление, необходимое для их нажатия и извлечения звука, и силу, возвращающую их в исходное положение.

Потом он вытаскивает фортепьянный стул, садится на него, склоняет голову над CD-197 и, ударяя по клавишам указательным пальцем правой руки и не сгибая кисти, извлекает немелодичную серию нот, вслушиваясь в каждый звук и стараясь уловить звучание попорченных молоточков. Непосвященному он мог бы показаться человеком, еще не взявшим ни одного урока игры на фортепьяно, но Хупфер говорит, что изо всей техники его ремесла труднее всего дался ему удар несгибающейся кистью. Регулировщик звука должен уметь сыграть ряд нот, в котором все удары должны быть совершенно одинаковой силы; не достигнув этого, он может приписать различие в звучании нот состоянию молоточков, в то время как вина лежит на нем самом. Стремление проделывать как раз обратное, т. е. ударять по клавишам с неравномерной силой, чтобы сделать звуки одинаково громкими, — фактически почти непреодолимо, особенно для тех, кто, подобно Хупферу, умеет играть. Хупфер думает, что Паде-ревский и Рахманинов ошибались, когда заявляли о своей якобы недостаточной чуткости слуха, не позволявшей им определять оттенки в качестве звука: не слуха не доставало им, а полной жесткости удара, необходимой для выявления этих различий. По теории Хупфера, когда они попадали на попорченный молоточек, они (к счастью, с точки зрения пианиста, но не регулировщика звука) подсознательно изменяли силу своего удара, руководимые многолетним пианистическим опытом.

В то время как рука Хупфера ударяла по клавишам CD-197, он прислушивался к звукам, говорившим об опасностях: о чрезмерной полноте звучания ноты или о ее безжизненности — и то и другое указывало на излишнюю твердость кончиков молоточков. Обнаружив несколько молоточков, концы которых оказались чересчур

жесткими, он отмечает их мелом — делает маленькую пометку на деревянной планке, проложенной во всю длину клавиатуры и служащей для выравнивания линии клавиш. Выявив и отметив все неисправные кончики — их оказалось всего около десятка — Хупфер вновь выдвигает весь механизм, ставит его на станок и опять принимается за необходимый ремонт. Регулировщик звука исправляет жесткость посредством уколов в войлок тремя обыкновенными швейными иглами, вставленными в рукоятку от сапожного шила. Часто бывает достаточно двух или трех уколов. Нанося их, Хупфер сознает, что он снижает то качество звука рояля, которое многие музыканты с восхищением называют «блеском»: полноту тона, достигаемую минимальными усилиями исполнителя. Но максимальная полнота звука ведет к уменьшению резонанса, а совершенный резонанс — это та цель, к которой Хупфер стремится постоянно.

Когда все кончики молоточков (или верхние ряды войлока) приведены в порядок, Хупфер снова вставляет механизм в корпус рояля и опять начинает стучать по клавишам — на этот раз прислушиваясь к неполадкам в нижних рядах войлочных набоек, расположенных внутри ударных частей молоточков. Для получения безукоризненного звучания, упругий верхний войлок должен опираться на столь же упругий нижний войлок. «Вам нужно уловить своеобразие резкости в тоне, — говорит Хупфер. — Если нижний войлок слишком жесткий, он даст металлический, лязгающий звук. Описать его трудно, но, можно сказать, что это действительно противный звук». Для «лечения» применяются, опять-таки, уколы иглами, но для работы над нижними рядами войлока Хупфер пользуется длинным инструментом с тремя иглами и наносит более сильные уколы, направляя их глубоко, к краям молоточков. Уловив все неполадки в нижних рядах и сделав необходимые пометы, Хупфер еще раз выдвигает механизм и принимается за обработку молоточков своим длинным инструментом. Однажды он натолкнулся на исключительно трудный случай: войлок упорно отказывался поддаваться глубоким уколам и пришлось прибегнуть к крайнему средству — к введению игл в самую сердцевину войлочных волокон. Доведя последние «нездоровые» нижние ряды до удовлетворительной упругости, Хупфер сглаживает небольшие шероховатости на поверхности войлока, появившиеся в результате его работы, и снова собирает все части CD-197 воедино. Работа закончена. Ушло на нее немного больше восьми часов. Рояль готов и в безупречном состоянии.

ЭКСКУРСИЯ В ООН

ФОТО РОЛЛИ МАККЕННА

Каждый день тысячи посетителей устремляются в три здания, расположенные вдоль Ист-Ривер в Нью-Йорке. Изящный силуэт этих зданий хорошо знаком народам всего мира как местопребывание центральных учреждений Организации Объединенных Наций.

Здания Организации ООН, воплощающей стремление человечества к миру, построены по проектам международного комитета специалистов, в том числе и Н. Д. Басова из СССР. Посетители входят в невысокое и просторное, из известняка и мрамора, здание Генеральной Ассамблеи; в его залах мелькают яркие сари из Индии и бурнусы из Саудовской Аравии, слышатся фразы, вызывающие в памяти лондонский Стрэнд, московскую улицу Горького и Елисейские Поля Парижа. Посетители слушают речи представителей своих стран в зале Генеральной Ассамблеи или же в залах Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета и Совета по Опеке. Если им повезет или если они выберут подходящий день, они могут услышать речи знаменитых государственных деятелей, о которых их дети когда-нибудь прочтут в учебниках истории. В 39-этажном здании Секретариата они увидят за работой некоторых из 3.300 сотрудников ООН — постоянного международного штата государственных служащих, как бы олицетворяющих Объединенные Нации.

В ожидании открытия, юные посетители с нетерпением теснятся перед большой стеклянной дверью, ведущей в галерею для публики.

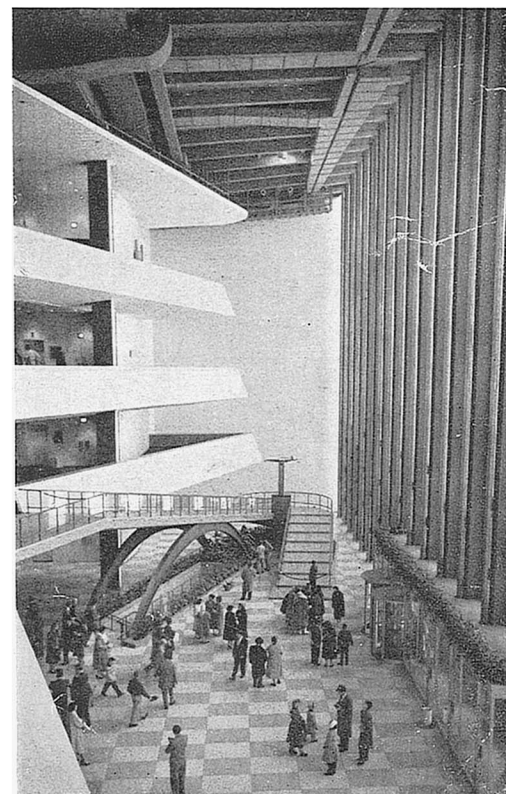
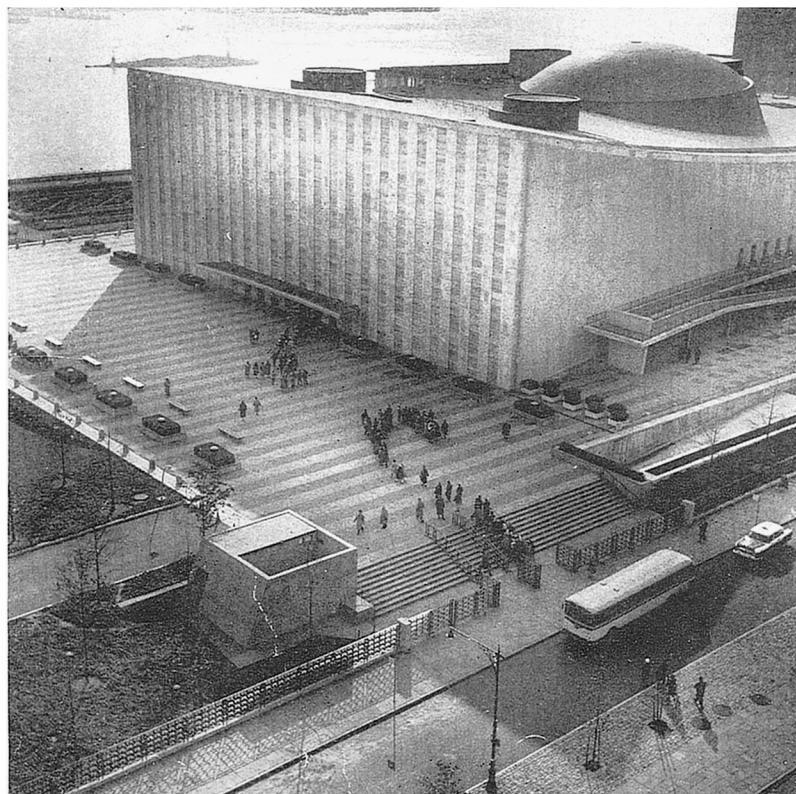

Вверху: как громадный столб из белого мрамора и зеленого стекла, вздымается на берегу Ист-Ривер здание Секретариата ООН. У основания его рельефно выделяются силуэты здания конференций и, справа, здания Генеральной Ассамблеи.

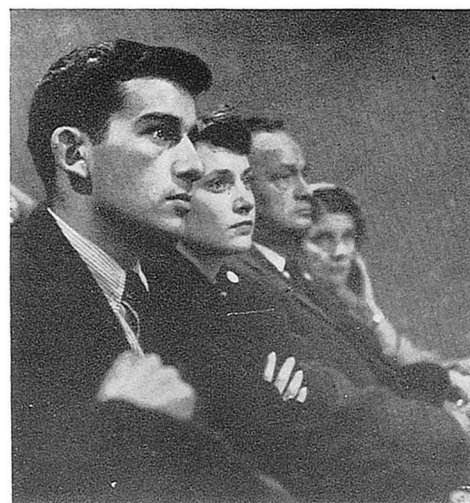
Слева: делегаты и публика входят на территорию центральных учреждений ООН с этой площади, раскинувшейся перед зданием Секретариата. Круглый бассейн с фонтаном (бездействующим на этом зимнем фото) — подарок школьников Соединенных Штатов и владений США. Под площадью находится гараж на 1.500 машин.

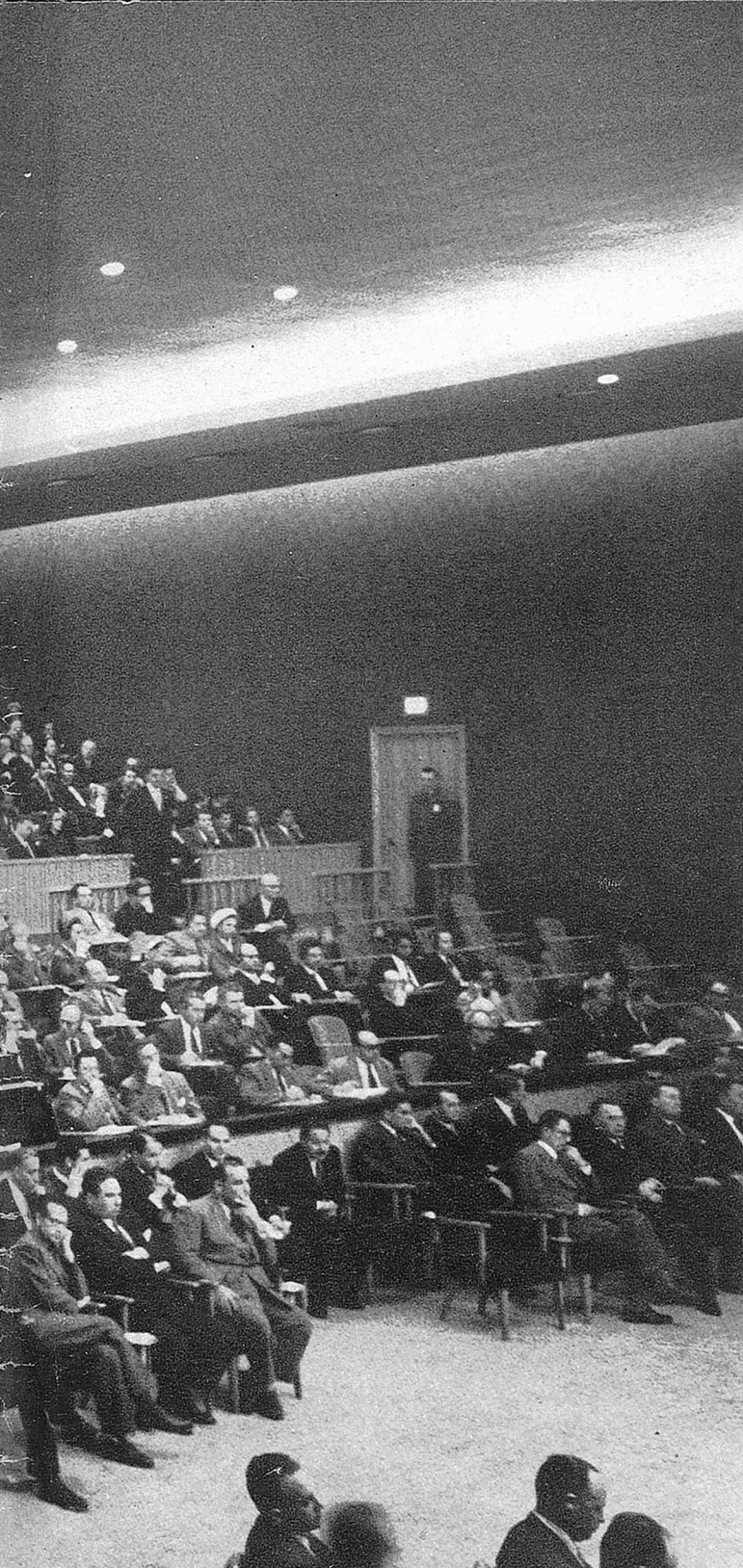
Справа: группа прибывших на автобусе посетителей входит в главный вестибюль здания Генеральной Ассамблеи. Свободно-висящие балконы (крайнее фото справа) ведут на галерею для публики в зале заседаний Генеральной Ассамблеи.

ПОСЕТИТЕЛИ СИДЯТ, СЛУШАЮТ И ДУМАЮТ, В ТО ВРЕМЯ КАК В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБСУЖДАЮТСЯ МИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ. СТРАСТИ РАЗГОРАЮТСЯ

Народ также участвует в заседаниях...

В соответствии с принципами Организации Объединенных Наций, заседания Генеральной Ассамблеи и трех Советов ООН открыты для публики, и на них всегда присутствует много посетителей. Зал Совета Безопасности, где были сделаны показанные на этих двух страницах снимки, оформлен норвежским архитектором Арнштейном Арнебергом и как бы обрамляет большую фреску норвежского же художника Пера Крога. И посетители на трибунах и неизмеримо более многочисленная публика вне здания ООН считаются неотъемлемой частью происходящих здесь заседаний органа, которому поручено обеспечение мира. Эта мысль отразилась в самом устройстве зала: оборудование для обслуживания публики и представителей общественной информации превосходно. Каждое кресло для посетителей снабжено наушниками (внизу слева) и аппаратом, позволяющим выбрать язык, на котором посетитель желает слушать дебаты. Все выступления членов Совета переводятся одновременно по меньшей мере на два языка, а важнейшие — на все пять официальных языков ООН: английский, испанский, китайский, русский и французский. Стеклопакетные будки по обе стороны зала предназначены для комментаторов радио и телевидения, а также для кинооператоров и фотографов.

Совет Безопасности, каким он представляется взору посетителя. Фреска на стене изображает борьбу человека за мир.

Часто, но публике запрещено проявлять свои чувства.

УЧАСТНИКИ ЭКСКУРСИИ ПОДНИМАЮТСЯ ПО ЭСКАЛАТОРУ С ЭТАЖА НА ЭТАЖ. ВОСЕМЬ ЭСКАЛАТОРОВ И ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛИФТОВ ОБСЛУЖИВАЮТ ЗДАНИЕ.

В большой комнате у главного вестибюля посетители собираются в ожидании начала обхода. Число участников каждой группы ограничивается двадцатью.

«А слева вы видите...»

Каждый час, с девяти утра до четырех дня, посетители обходят здания ООН под руководством проводников. В таких обходах ежедневно участвуют до 2.500 посетителей. В иные дни ООН осматривали свыше 6.000 человек. С начала организованных осмотров в 1952 году в них приняло участие более 3.500.000 посетителей.

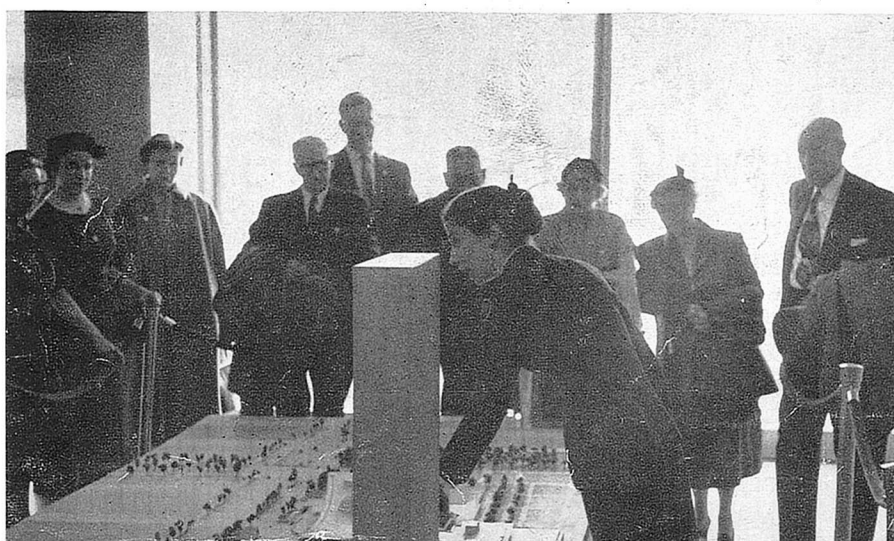
Штат проводников ООН состоит из 75 молодых женщин из многих стран. Обход зданий продолжается около часа, и за это время необходимо рассказать посетителям и о зданиях и о деятельности ООН; поэтому проводники получают тщательную подготовку. Перед тем как приступить к работе, они проходят трехнедельный курс занятий. Находясь на службе, они регулярно слушают повторные курсы, и каждое утро для них составляется информационная сводка обо всем, что произойдет в ООН в этот день.

Посетители поднимают руки, желая задать кое-какие вопросы сотруднику ООН, который рассказывает им об Организации и ее деятельности.

Во время обхода посетительница хочет заснять силуэт города.

Перед тем как начать очередной обход, девушка-проводник (на переднем плане) показывает посетителям макет всего комплекса зданий ООН и объясняет им общий план.

Книги и сувениры

Внизу, под залом заседаний Генеральной Ассамблеи, находятся специальные помещения для обслуживания посетителей: книжная лавка с изданиями ООН и книгами по международным вопросам, магазин международных сувениров, почтовое отделение, ресторан и гардеробная.

Посетители просматривают книги и журналы, выставленные для продажи в книжном магазине ООН.

В магазине сувениров двое рассматривают сделанный в Иране поднос из сплава меди и олова.

В отделении ювелирных вещей магазина сувениров предлагаются изделия из стран — членов ООН.

